

БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

СОМАН ЧАЙНАНИ

Школа Добра и Зла

Соман Чайнани

**Школа Добра и Зла. Последнее
«долго и счастливо»**

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Чайнани С.

Школа Добра и Зла. Последнее «долго и счастливо» /
С. Чайнани — «Эксмо», 2013 — (Школа Добра и Зла)

ISBN 978-5-699-89429-1

Солнце тает в небе над Бескрайними лесами, словно кусок сахара в чае. Мир ждёт конец света, если только волшебное перо Сториан, застывшее над книжкой в вишнёвой обложке, не завершит её и не примется писать новую сказку. Но Софи и Агата не представляют, как должна заканчиваться их история. Смогут ли Агата и её прекрасный принц Тедрос прожить долгую и счастливую жизнь в Гавальдоне? Полюбит ли Софи юного Директора школы, который надел ей на палец кольцо и провозгласил её Королевой Зла? И, кажется, бывшим подругам предстоит встретиться и разобраться в своих непростых отношениях. Вот только к чему приведёт эта встреча? К возрождению старой дружбы... или большой войне Добра и Зла? Единственный способ выбраться из сказки – это прожить её до конца.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-89429-1

© Чайнани С., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Часть I	6
1. Директор и Королева	6
2. После «долго и счастливо»	14
3. Что было, что есть... что-то будет?	26
4. Смерть на эшафоте	32
5. Возвращение принцессы	40
6. Не синий больше Синий лес	48
7. Зло – это новое Добро	56
8. Когда все идет из рук вон плохо	64
9. Когда все идет хуже некуда	73
10. Тринадцатый	80
11. Встреча с деканами	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Соман Чайнани

Школа Добра и Зла. Последнее «ДОЛГО И СЧАСТЛИВО»

Теперь в их крепнущей любви проросли семена ненависти, страха и замешательства, поскольку это была любовь между людьми, которые ненавидели и преследовали друг друга, и это делало их любовь еще яростней.

Т.Х. Уайт, «Король былого и грядущего»

The School for Good and Evil: The Last Ever After
Text copyright © 2013 by Soman Chainani
Illustrations copyright © 2013 by Iacopo Bruno
Published with arrangement of HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers

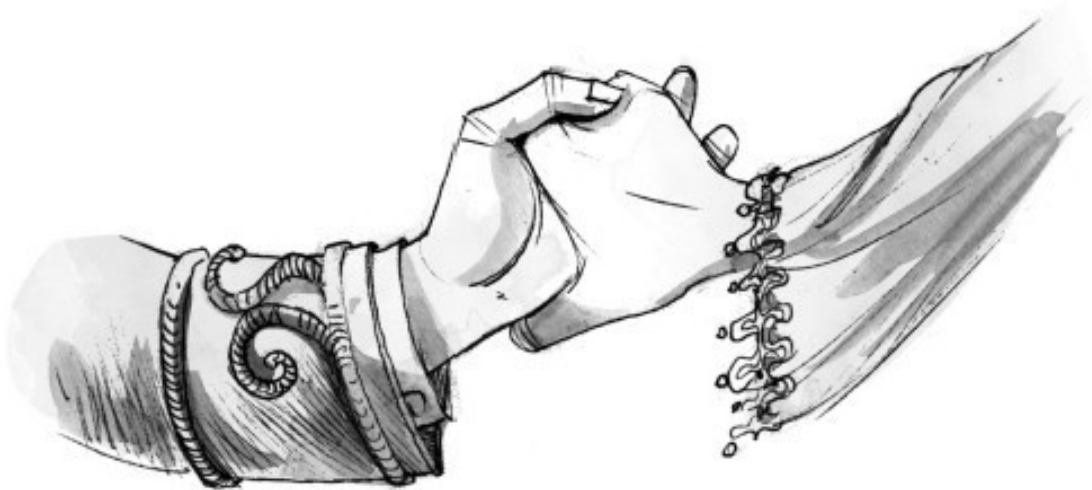
© Мольков К., перевод на русский язык, 2017 © Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Две башни высоко уходят в небеса.
Вокруг – непроходимые леса,
Их покрывает платьем подвенечным
Тумана колдовского пелена.
Две башни, две сестры, что связаны навечно
Как день и ночь, как осень и весна.
Одна приют для тех, кто чист душой,
Для черных сердцем – место во второй.
Бессмысленно задумывать побег,
Из этой школы не уйти вовек,
Тропа отсюда есть всего одна —
Тебя сквозь сказку поведет она¹.*

---

¹ Стихотворение в переводе К. Молькова.

Часть I

1. Директор и Королева

Сложно думать о любви, когда никак не можешь решить, молод твой парень или стар.

«Выглядит-то он, конечно, отлично», – думала Софи, глядя на стройного юношу, стоявшего без рубашки возле раскрытого окна башни. Гладкая бледная кожа, узкие черные брюки, густая копна белых как снег волос, мускулистые руки, голубые, похожие на прозрачные льдинки, глаза... На вид ему никак не больше шестнадцати. Как странно при этом знать, что в таком прекрасном юном теле скрывается душа, которой гораздо больше шестнадцати лет. Причем намного, намного больше. Принять от него кольцо Софи отказывалась на протяжении последних трех недель. Ну подумайте сами – разве может она связать свою судьбу с парнем, у которого душа Директора школы?!

Однако чем дольше Софи смотрела на него, тем меньше видела в нем этого самого Директора. Ее руки просил очаровательный молодой человек с высокими скулами и нежными полными губами. Он был красивее, чем иной принц, могущественнее любого принца, и, в отличие от принца (ну, я думаю, вы уже догадались, *какого* принца), этот парень был ее, и только ее.

Софи загрустила, вспомнив, что осталась совершенно одна в этом мире. Все, все отвернулись от нее, ответили предательством на ее попытки стать доброй. У нее не осталось больше ни семьи, ни друзей, ни будущего, и теперь этот красивый парень был ее последней надеждой. Только вот найдет ли она с ним свою любовь, или, как принято говорить в сказках, свое «они жили долго и счастливо»? У Софи перехватило дыхание, пересохло в горле. Она тяжело сглотнула и медленно подошла к бледному юноше.

«Взгляни на него. Он не старше тебя, – уговаривала она себя. – Такой парень – мечта любой девушки, – Софи протянула дрожащие пальцы, собираясь прикоснуться к обнаженному плечу молодого человека, но ее рука неожиданно застыла в воздухе. – Но его создала магия, – подумала она, отводя руку назад, – и кто знает, как долго продлится это волшебство?»

– Это неправильный вопрос, – раздался спокойный голос. – Магия не подвластна времени.

Софи вздрогнула от неожиданности – она уже много дней не слышала от него ни слова. Юноша по-прежнему не смотрел на нее, он продолжал следить глазами за бледным диском солнца, с трудом пробирающимся сквозь утренний туман.

– Давно ли ты научился читать мои мысли? – нахмурилась Софи.

– Мне незачем читать твои мысли, я и без того знаю, что может быть на уме у читательницы, – ответил он.

Софи встала рядом с юношей, даже сквозь плотную ткань своего черного плаща ощущая ледяной холод его белой, как мрамор, кожи. Невольно она вспомнила, какой была кожа Тедроса – горячая, загорелая, всегда чуть влажная от пота.

Сейчас Софи испытывала к стоящему рядом с ней молодому человеку странное чувство – гнев пополам с жалостью. Она заставила себя придвинуться ближе, легко коснулась кончиками пальцев его бледной груди.

Он по-прежнему не смотрел на нее.

– В чем дело? – спросила Софи.

– Солнце, – ответил он, продолжая глядеть в небо. – Оно с каждым днем светит все слабее.

– О, конечно, если бы ты имел власть и над солнцем тоже, оно жарко сияло бы с утра до вечера, – усмехнулась Софи.

Парень наконец повернул голову и окинул Софи кислым взглядом. Девушка замерла, вспомнив, что в отличие от того, кто некогда был ее лучшим другом, этого молодого человека нельзя назвать ни добрым, ни открытым. Да и человек ли он вообще – тоже вопрос, да еще какой. Софи взглянула в окно и поежилась под налетевшим порывом холодного ветра.

– Между прочим, зимой солнце всегда светит слабо, и чтобы знать это, совершенно не обязательно быть волшебником, – заметила она.

– А об этом что скажешь, читательница-всезнайка? – спросил он, переходя к стоявшему в углу комнаты белому каменному столу, где над раскрытой книгой в вишнево-красном переплете зависло длинное, остро заточенное, напоминающее вязальную спицу перо – Сториан. На последней странице книги был рисунок – Софи, целующая Директора школы, чтобы превратить его в юношу, и ее лучшая подруга, убегающая домой вместе с принцем. И еще надпись:

КОНЕ...

– С тех пор, как Сториан завис на этом месте, прошло три недели, – произнес молодой человек. – Не позже чем через несколько дней перо должно начать переписывать старые сказки,

в которых любовь перейдет на сторону Зла. Эта любовь примется разрушать Добро – в одной сказке, другой, третьей... Эта любовь превратит Сториана в орудие темных сил, станет прославлять Зло, вместо того чтобы его проклинать, – он прищурился. – Но пока книга остается раскрытой на последней странице, пока в нашей истории не поставлена точка, Сториан будет бездействовать, а солнце – медленно умирать. Эта книга как сломанный занавес в театре – знаешь, когда представление уже закончилось, а он все никак не хочет опускаться.

Софи не могла оторвать взгляд от Агаты и Тедроса на рисунке – они уходили вдаль, нежно обняв друг друга за плечи. Кровь прилила к лицу девушки.

– Вот! – хрипло воскликнула она, захлопывая книгу. Скрыв под обложкой ненавистную ей страницу, Софи сунула книгу на полку рядом с *«Принцем-лягушонком»*, *«Золушкой»*, *«Рапунцель»* и другими, уже дописанными Сторианом, сказками. Сделав это, она сразу успокоилась и негромко добавила: – Все. Занавес опущен.

В ту же секунду вишнево-красная книга сорвалась с полки, ударила Софи по голове, перелетела назад на стол и вновь раскрылась на последней странице. Холодно посверкивая, острое перо вернулось на свое место и повисло в воздухе над словом «Коне...».

– Как видишь, все не так просто и совершенно не случайно, – сказал парень, подходя к Софи, стоявшей у стены и потиравшей ушибленную макушку. – Сториан поддерживает жизнь в нашем сказочном мире, постоянно записывая все новые истории, но он не может оторваться от твоей сказки, ее не закрыв. А пока перо будет бездействовать, солнце будет постепенно, день за днем, угасать, и это продлится до тех пор, пока Бескрайние леса не погрузятся во тьму. И тогда всему придет конец.

Софи посмотрела на юношу, его силуэт четко вырисовывался на фоне слабо освещенного окна.

– Но... Но чего, в таком случае, Сториан ждет? Почему медлит?

Молодой человек протянул руку и прикоснулся ледяными пальцами к пылающей щеке Софи. Та невольно отшатнулась, ударившись спиной о книжную полку. Он улыбнулся и придвинулся еще ближе, окончательно заслонив собой солнце.

– Боюсь, перо все еще сомневается, что я твоя истинная любовь, – бархатным голосом ответил он. – Сомневается, что ты действительно на стороне Зла. Сомневается, что твоя подруга со своим принцем в самом деле исчезли отсюда навсегда.

Софи медленно подняла голову и посмотрела на стоящего перед ней юношу с белыми как снег волосами.

– Перо ожидает твоего решения, – произнес Директор школы, протягивая Софи руку.

В холодной руке юноши Софи увидела золотое кольцо и на его отполированной до зеркального блеска поверхности – отражение своего испуганного лица.

Три недели назад Софи поцеловала Директора школы, воскресив его в образе молодого человека, и тогда же прогнала от себя свою лучшую подругу. На какое-то время она даже испытала облегчение оттого, что Агата бесследно испарилась со своим Тедросом. Какое-то время ей казалось, что она победила. Подруга увела у нее парня? Ну и что! Гавальдон совершенно не подходящее место для принца. Все закончится тем, что Агата проживет всю жизнь как самая обыкновенная женщина рядом с самым заурядным мужем. Проживет, сколько ей на роду написано, и умрет. Точка. А она, Софи, будет вечно наслаждаться своим «долго и счастливо» далеко-далеко от этого нищего грязного городишки. Именно так думала тогда Софи, паря на руках своего, казалось, истинного возлюбленного к вершине серебряной башни, и душа ее пела оттого, что ей удалось-таки попасть в сказку со счастливым концом.

Но как только они оказались в мрачной, похожей на каменный мешок комнате на вершине башни, радость ее моментально испарилась. Рядом с Софи больше не было Агаты – ее лучшей подруги, родственной души. Агата исчезла вместе с Тедросом, который тоже очень

много значил для Софи. С Тедросом, в которого она без памяти влюбилась с первого взгляда. С Тедросом, который был ее верным другом, когда она сама притворялась юношей. Агата украла у нее человека, без которого Софи не представляла собственную жизнь. А что получила взамен сама Софи? Красивого, но холодного, чужого, как пришелец с другой планеты, парня, о котором она ровным счетом ничего не знает. Или почти ничего, кроме того, что он само воплощение Зла. И когда юный, прекрасный как принц Директор школы с самодовольной улыбкой начал приближаться к ней, Софи поняла, какую чудовищную ошибку совершила.

Только путь назад для нее был уже отрезан. Поздно. Слишком поздно. Взглянув в окно, Софи увидела тающие в небе огоньки – это были улетающие в Гавальдон Агата и Тедрос.

А где же и с кем осталась Софи? Увы, она осталась здесь, среди чернеющих, словно гнилые зубы, замков. В окружении жестоких, втянутых в бесконечную войну друг с другом мальчишек и девчонок, всегдашников и никогдашников. Осталась наедине с бездушными учителями, готовыми в любую секунду наложить злые чары на любого из своих учеников... Ужаснувшись тому, что она натворила, Софи медленно повернулась и увидела перед собой юношу с белыми как снег волосами – он стоял, опустившись на одно колено, и протягивал ей золотое кольцо.

– Возьми его, – сказал он, – и идущая два года война завершится. Возьми его – и прекратится вечная борьба Добра со Злом. Возьми его – и миром будет править абсолютное Зло – Директор школы и его Королева. Возьми кольцо – и ты получишь в награду свое «долго и счастливо»!

Взять кольцо Софи отказалась.

Тогда Директор школы оставил ее в башне одну, прочно заперев окна и двери, чтобы у Софи не было возможности сбежать. А потом каждое утро, как только колокол отбивал десять часов, он приходил, чтобы вновь и вновь молча протянуть ей кольцо. Превратившись в прекрасного юношу, Директор школы всякий раз появлялся в новом наряде – то в кружевной рубашке, то в тоге, как римский император, то в средневековом камзоле с пышным воротником-жабо. И каждый день он по-новому причесывал свои белоснежные волосы – то на прямой пробор, то подвигивал их в локоны, то связывал на затылке на манер пиратской косички. Кроме кольца, Директор школы всегда приносил Софи подарки – или усыпанное драгоценными камнями платье, или роскошный букет, или редкостные духи или крем. После того как Софи в очередной раз отвечала ему отказом, Директор школы уходил, так и не сказав ни слова, только обиженно, словно подросток, надувал губы. И Софи вновь оставалась одна в каменном мешке комнаты, наедине с книжными полками, на которых теснились сборники волшебных сказок, да забытыми на настенных крючках синими накидками директора и его серебряной маской. Трижды в день в комнате магическим образом появлялся поднос с едой, причем именно в тот момент, когда Софи чувствовала, что проголодалась. Обычно на подносе стояли фарфоровые блюда с красиво разложенными на них тушеными овощами, фруктами, паровой рыбой, иногда – горшочек с беконом и бобами. А поздно вечером таким же волшебным образом в комнате появлялась широкая кровать с бархатными, кроваво-красными простынями и белым кружевным балдахинном.

Первое время Софи не могла уснуть – боялась, что Директор школы может явиться в ее комнату посреди ночи. Но он никогда не возвращался до следующего утра, чтобы ровно в десять часов снова протянуть ей кольцо. И получить очередной отказ.

К концу второй недели Софи все чаще начинала задумываться о том, что сейчас происходит в школе. Продолжается ли из-за ее нежелания принять кольцо война между девочками и мальчиками? Не унесла ли уже эта война чьи-нибудь жизни? Она пыталась узнать об этом и каждое утро спрашивала Директора, что стало с ее друзьями – Эстер, Дот, Анадиль, Хортом, – но он ничего не отвечал, лишь снова протягивал ей кольцо.

Сегодня он заговорил с ней впервые с того дня, когда принес ее сюда, в свою башню, и Софи, стоя рядом с ним, поняла, что больше не может откладывать, что пришла пора принимать решение. Выбор представлялся простым и жестким – либо она соглашается связать со Директором школы свою дальнейшую судьбу, либо медленно погружается в небытие вместе со всем сказочным миром. Золотое кольцо ярко сверкало на бледной ладони Директора, обещая ей новую жизнь. Софи смотрела на стоящего рядом с ней прекрасного юношу и искала причины, по которым ей следовало взять это кольцо. Напрасно. Этот юноша был для нее чужим, незнакомым, непонятным.

– Я не могу, – прошептала Софи, крепче прижимаясь спиной к книжной полке. – Начнем с того, что я совершенно тебя не знаю.

Директор школы внимательно посмотрел на нее, пожевал губами, сунул кольцо назад в брючный карман и спросил:

– И что бы ты хотела обо мне узнать?

– Для начала хотя бы имя, – ответила Софи. – Если я решусь остаться здесь, с тобой, должна же я как-то тебя называть.

– Учителя называют меня Директором.

– Но я тебя так не называю и не хочу называть, – отрезала Софи.

Он скрипнул зубами, сердито поморщился, явно собираясь что-то сказать, но Софи не испугалась, не дрогнула.

– Без меня у тебя не будет твоего «долго и счастливо», – опередила она его и продолжила звенящим от напряжения голосом: – Без меня ты никто, всего лишь парень. Да, красивый парень, спора нет, – но и только. У тебя нет надо мной власти, и насильно полюбить тебя ты меня не заставишь. Мне наплевать, насколько ты красив, богат или силен. Тедрос тоже был таким – и что же? Ничем хорошим это для меня не закончилось. Нет, мне-то нужен не Директор – мне нужен человек, который сделает меня счастливой. По крайней мере, такой же счастливой, как Агата. Не станет же Агата всю жизнь называть его Принцем? Нет, конечно, потому что у Тедроса, как у всех людей на свете, есть имя. Так что, если ты надеешься, что я дам тебе шанс, будь любезен назвать себя.

Директор школы побагровел от гнева, но Софи и не думала отступать.

– Сейчас я ставлю условия, твоя судьба зависит от меня, не забывай об этом, – напомнила она. – Ты можешь быть Директором этой проклятой школы, но мне ты не начальник, и никогда им не станешь. Ты же сам сказал, что Сториан не хочет дописывать нашу сказку, потому что ждет, какой выбор я сделаю. Не ты, а я! Это мне решать, каким будет конец этой истории. Мне выбирать – взять твое кольцо или погубить весь этот мир. И сразу скажу: пусть он катится ко всем чертям, этот сказочный мир, если ты хочешь видеть меня в нем своей рабыней, а не Королевой!

Директор школы сверлил Софи взглядом, сжимал кулаки, на его бледной, как у призрака, шее бешено пульсировала вена. Лицо его исказила такая жуткая гримаса, что Софи буквально вжалась в книжную полку, возле которой стояла. Молчание длилось довольно долго, но затем Директор сдался и неохотно пробормотал:

– Рафал. Меня зовут Рафал.

«Рафал», – мысленно удивилась редкостному имени Софи и теперь словно заново увидела стоящего перед ней парня – молочную белизну его кожи, юношеский блеск прозрачных, как льдинки, глаз, копну белесых волос. Рафал. Как же меняется наше представление о человеке, когда мы узнаем его имя!

Неожиданно для себя Софи вдруг испытала симпатию к этому парню, ей захотелось даже притронуться к нему, но... Но тут она вспомнила, как опасно было бы сделать выбор в его пользу. Ведь этот красивый юноша до мозга костей был предан Злу, и того же самого он ожидает от нее.

– А как звали твоего брата? – спросила она.

– Не понимаю, каким образом его имя поможет тебе лучше узнать меня, – сердито сверкнул глазами Рафал.

Настаивать Софи не стала. Она подняла голову, посмотрела через плечо Рафала в окно, на два черных замка, окутанных зеленоватой туманной дымкой. Обе школы казались вымершими, никого не было видно ни в окнах, ни на крышах, ни на балконах.

– А где все? – спросила Софи, рассматривая восстановленный Мост-на-Полпути, вновь соединивший замки. – Что случилось с девочками? Парни собирались убить их...

– Спрашивать меня, как обстоят дела в школе, может только Королева, – ответил Рафал. – А ты пока что не Королева, не забывай.

Софи прокашлялась, посмотрела на слегка оттопырившийся узкий карман брюк Рафала, в котором лежало кольцо.

– Скажи, зачем ты так часто переодеваешься? – спросила она. – Это выглядит довольно... э... странно.

Кажется, впервые за все время их разговора Директор слегка смутился.

– Поскольку ты мне все время отказываешь, я решил одеваться как принцы из разных эпох. Хотел тебе понравиться. – Он почесал свой обнаженный живот и добавил: – Сегодня вот вспомнил, что сын короля Артура любил ходить без рубашки.

– Вот уж не думала, что всемогущие маги могут быть такими неуверенными в себе! – фыркнула Софи.

– Был бы я всемогущим, заставил бы тебя полюбить меня, – проворчал Рафал.

На секунду Софи вдруг увидела перед собой самого обычного надувшегося паренька – обиженного, сгорающего от любви и получившего резкий отказ. Но в следующее мгновение она вспомнила, что перед ней вовсе не обычный паренек. Ох, необычный!

– Заставить насильно полюбить себя не может никто, – парировала она. – Уж что-что, а этот урок я отлично усвоила. И, между прочим, даже вынудив меня полюбить тебя, сам ты меня полюбить никогда не сможешь. Ты вообще не способен любить никого и ничего, если выбрал Зло. Любовь и Зло несовместимы. Потому-то и погиб твой брат.

– И все же я жив, потому что ты подарила мне поцелуй истинной любви, – возразил он.

– Чтобы получить этот поцелуй, ты меня обманул...

– И все же ты сделала это.

– Это поцелуй не был настоящим, – Софи побледнела.

– Да неужели? – усмехнулся Рафал. – Но вернуть меня к жизни, вернуть мне молодость мог только такой поцелуй. И ты это знаешь.

Софи нечего было возразить. Обманувшись или нет, но она поцеловала Директора, и это действительно был поцелуй истинной любви, пусть и предназначался он не ему, а ее покойной матери. Сделанного не вернуть. И вот Софи с Директором стоят друг против друга – оба юные, оба прекрасные. Две жертвы одного поцелуя, от которого уже не откажешься, которого уже не вернешь. «Почему я не отшатнулась от него в ту ночь? – мысленно спросила себя Софи. – При чем даже тогда, когда поняла, что целую именно его? Не потому ли, что этот бледный, словно фарфоровый, парень столько сделал, чтобы добиться меня, вопреки всем смертям, вопреки самому времени? Как искренне он верит в то, что сможет сделать меня счастливой! Только он один оказался рядом, когда от меня отвернулись все-все-все. Он поверил в меня, когда этого не захотел сделать никто другой, даже Тедрос и Агата».

У Софи пересохло в горле, и она, с трудом сглотнув, хрипло спросила:

– Зачем я так нужна тебе?

Он посмотрел на нее, слегка приоткрыв рот, и снова стал похож на растерянного мальчишку, который пытается казаться взрослым. Тедрос, кстати, часто так выглядел.

– Потому что когда-то, давным-давно, я был точно таким же, как ты, – негромко ответил он и быстро заморгал, погружаясь в воспоминания. – Я пытался полюбить брата. Я пытался избежать судьбы. Однажды мне даже показалось, что я нашел... – он оборвал себя на полуслове и продолжил: – Но все это оборачивалось новой, еще большей болью... Новым, еще большим Злом. То же самое, собственно говоря, постоянно происходило и с тобой, когда ты пыталась найти любовь. Тебя предали все – твоя мать, твой отец, твоя лучшая подруга, твой принц... Чем сильнее стремишься к свету, тем непроглядней становится тьма вокруг. И ты все еще сомневаешься, что твое место на стороне Зла?

Софи невольно напряглась, когда Рафал взял ее своими холодными пальцами за подбородок. А он, переведя дыхание, продолжил:

– Вот уже тысячи лет Добро внушает нам, что такое любовь. Мы оба – и ты, и я – искали именно такой любви, но нашли только боль и страдание. Но что, если есть и другая любовь? Темная, злая, превращающая боль в силу и могущество? Любовь, которую способны понять лишь те, кого она соединяет? Вот почему ты не прервала наш поцелуй, Софи. Я увидел, какая ты на самом деле. Я смог полюбить тебя, когда никто другой не смог. То, чем мы пожертвовали друг ради друга, за гранью Добра. И, знаешь, не имеет никакого значения, что все остальные отказываются считать чувство, связывающее нас, любовью. Наплевать. Мы-то с тобой это знаем, и нам этого достаточно. А еще нам с тобой известно, что острые шипы – такая же неотъемлемая часть розы, как и ее нежные лепестки, – Рафал наклонился ближе к уху Софи и прошептал, почти прикасаясь к нему губами: – Я зеркало твоей души, Софи. Для тебя любить меня – все равно что любить саму себя.

Затем он изящно, как настоящий принц, поднес руку Софи к своим губам, прикоснулся ими к тыльной стороне ее ладони, а затем легко и плавно отпустил.

Сердце Софи забилося так сильно, что, казалось, готово было выскочить из груди – избыточное сравнение, но лучшего не подберешь. Софи вздрогнула и плотнее завернулась в свой плащ – такой беззащитной она не чувствовала себя еще ни разу в жизни. Но затем, глядя в красивое лицо Рафала, она понемногу успокоилась, и по ее телу разлилось приятное тепло. Он понимал ее, этот парень с черной, как врата ада, душой и прозрачными, как лед, глазами. Да, он понимал ее, как никто и никогда прежде! У Софи закружилась голова, когда она подумала, как далеко на самом деле зашли их отношения с Рафалом.

Она отбросила назад волосы и спросила, из последних сил пытаясь сопротивляться наваждению:

– Кто ты? Ведь я даже не знаю наверняка, что ты на самом деле парень.

– Неужели твоя сказка, Софи, не научила тебя тому, что все вещи именно такие, какими мы их видим?

– Не понимаю... – Софи нахмурилась, хотя в глубине души была согласна с тем, что так оно и есть. Все вещи именно такие, какими мы их видим... Или хотим видеть?

Рафал повернул голову, посмотрел в небо, на бледный мутный диск солнца. Софи поняла, что время вопросов и сомнений закончилось. Рафал сунул руку в карман, в котором было спрятано кольцо, и Софи задрожала. Она чувствовала себя беспомощной щепкой, которую бурным течением несет к краю срывающегося с высокой скалы водопада – все быстрее, все ближе, ближе...

– Мы с тобой будем так же счастливы, как Тедрос и Агата? – севшим от волнения голосом спросила Софи.

– Ты должна была полагаться на свою сказку, Софи. Осознавать, что она не случайно и не зря подошла к своему концу. А теперь пришла пора поверить в это.

Софи смотрела на золотое кольцо, лежащее на ладони Рафала. Смотрела долго, тяжело дыша, а потом, содрогнувшись, его оттолкнула. Но Рафал вновь шагнул ей навстречу. Софи вытянула вперед руку, ткнув пальцами в холодную обнаженную грудь Рафала, и прижала

парня спиной к стене. Он и не думал сопротивляться – замерев, он молча и спокойно глядел на Софи своими прозрачными глазами.

Рука Софи заскользила по груди Рафала – выше, ниже, правее, левее... Софи словно искала что-то, но что именно, поняла только тогда, когда почувствовала под кончиками пальцев бившееся в холодной груди Рафала сердце.

Тук-тук, тук-тук..

– Рафал, – прошептала Софи, желая, чтобы он вышел из оцепенения.

И он действительно ожил, потянулся к ее лицу, и она впервые не вздрогнула и не уклонилась от ледяного прикосновения. Так долго мучившие Софи сомнения постепенно таяли, улетали прочь, поселившийся в душе страх уступал место уверенности, что все будет хорошо. Софи подумала, что со стороны они с Рафалом напоминают сейчас пару лебедей. Она в своем темном плаще – черный лебедь, Рафал с его мертвенно-бледной кожей – лебедь белый. Софи решительно подняла левую руку, подставив ее под луч солнечного света, и Рафал стал надевать ей на палец кольцо – медленно, осторожно, пока оно не дошло до самого конца. Софи шумно выдохнула, а похожий на снеговика парень радостно улыбнулся.

Держась за руки, Директор и Королева повернулись к застывшему над их сказкой волшебному перу, готовясь принять его благословение, и... Честно говоря, им обоим ужасно хотелось как можно скорее закрыть наконец вишнево-красную книгу.

Но волшебное перо продолжало неподвижно висеть в воздухе.

А книга, разумеется, оставалась раскрытой.

– В чем дело? – срывающимся шепотом спросила Софи.

Она вслед за Рафалом перевела взгляд на оранжевое, сразу заметно потемневшее, солнце. Лицо Рафала застыло, став похожим на посмертную маску.

– Кажется, перо сомневается в счастливом завершении не только нашей с тобой сказки.

2. После «долго и счастливо»

– Ты совершенно ничего обо мне не знаешь, – раздраженно бросил Тедрос, швыряя грязную подушку в лицо своей принцессе.

Агата чихнула и швырнула подушку назад. Бросок у нее получился отменным – подушка припечатала принца к железной спинке кровати и обсыпала вывалившимися из нее перьями. Вслед за подушкой на Тедроса набросился кот по кличке Потрошитель – решил половить эти перышки.

– По-моему, я знаю о тебе даже слишком много, – отрезала Агата и потянулась к криво наложенной на груди принца повязке, выглядывавшей из расстегнутого ворота голубой рубашки. Тедрос оттолкнул ее руку, в ответ Агата его пихнула, а он схватил Потрошителя и запустил им Агате в голову. Девушка успела пригнуться, Потрошитель пролетел по воздуху, приземлился на пол и рванул на своих лысых, покрытых складками кожи лапах в открытую дверь ванной.

Кот так разогнался, что не сумел затормозить и, с разбега вспрыгнув на край унитаза, не удержал равновесия и шлепнулся внутрь фарфоровой чаши.

– Если бы ты действительно меня знала, то давно должна была понять, что я все привык делать сам, – фыркнул Тедрос, затягивая шнуровку на своей рубашке.

– Ты... ты швырнул в меня моим же котом?! – взвилась Агата, вскакивая на ноги. – В меня?! Котом?! За что? За то, что я пытаюсь спасти тебя от гангрены?!

– Это не кот. Это лысый дьявол, – прошипел Тедрос, наблюдая за тем, как Потрошитель пытается выбраться из унитаза, но раз за разом соскальзывает назад. – А еще, если бы ты, как утверждаешь, хорошо меня знала, тебе было бы известно, что я терпеть не могу кошек. Ненавижу их.

– Ну да, конечно, тебе нравятся собаки – слюнявые, примитивные, приставучие. Я начинаю думать, что у тебя с ними много общего.

– Вообще-то мы о моей ране говорили, как мне помнится, – сердито сверкнул глазами Тедрос.

– Да, о ране, – откликнулась Агата из ванной, где она вытаскивала Потрошителя из унитаза. Сейчас лысый кот был уже у нее в руках, и она обтирала его своим рукавом. – Вот уже три недели прошло, а она все никак не затягивается. Если ее не обрабатывать, может загноиться.

– Может быть, на кладбище все раны так долго заживают? – предположил Тедрос. – Потому что у меня на родине, например, с мазями и перевязками любая рана за такое время заживет.

– Даже с повязками, которые болтаются, как твоя? – ехидно поинтересовалась Агата. – Если бы не знала, что это твоё творение, подумала бы, что тебя какой-нибудь двухлетний малыш перевязывал.

– Ладно, чего там, – проворчал Тедрос. – Можешь считать, тебе повезло: еще секунда-другая – и меня проткнули бы насквозь моим собственным мечом.

– Еще секунда-другая – и я бы поняла, какой ты дурак, и оставила бы тебя там, на той живописной полянке.

– Да неужели? Или ты рассчитывала найти в этой крысиной норе, которая называется твоим городом, кого-нибудь лучше, чем я?

– Если на то пошло, я охотно поменяла бы тебя на тишину и покой...

– А я тебя – на хороший обед и горячую ванну! – рявкнул в ответ Тедрос.

Агата молча смотрела на него, держа на руках дрожащего от холода Потрошителя. Молчал и Тедрос, он шумно дышал и выглядел смущенным. Наконец принц стянул с себя рубашку, выпрямился, сидя на кровати, и широко развел руки в стороны.

– Прошу вас, приступайте, принцесса, – пробурчал он.

Следующие десять минут снова прошли в полной тишине. Агата промыла рану на груди юноши, затем смазала смесью розового масла, лещины и настойки белого пиона, которую достала из корзины своей матери. Вспоминая, как Тедрос получил эту рану, Агата чувствовала, что у нее внутри все холодеет. Наверное, ей никогда не удастся забыть о событиях той ужасной ночи. Даже если она очень захочет забыть, ей не дадут кошмары, от которых она с криком просыпается каждую ночь. В ее снах Директор школы вновь превращается в бледного молодого человека... Мерзко ухмыляется, подходя к привязанному к дереву Тедросу... И горят, горят адским огнем глаза Директора, и блестит в его руке клинок Экскалибур...

Странно, почему Тедроса не мучают кошмары, связанные с последними моментами их пребывания в школе? Может, все дело в том, что принц и читательница заметно отличаются друг от друга? И парень из Бескрайних лесов привык считать удачным любой день, который не закончился для него смертью?

Агата присыпала рану куркумой. Смесь разных перцев – куркума – была вареной, но все равно жгучей, и Тедрос негромко взвыл от боли.

– Попробуй, скажи теперь, что тебя не лечили, – пробормотала себе под нос Агата.

– Твоя мать ненавидит меня, – заметил Тедрос, еще раз скрипнув зубами. – Поэтому ее никогда нет дома.

– Мама целыми днями ходит по больным, – ответила Агата, втирая желтый порошок в рану. – Есть-то нам всем надо, как ты думаешь?

– Тогда почему она оставляет дома свою корзину с травами, мазями и всем прочим?

Рука Агаты замерла на груди Тедроса. Если честно, тот же самый вопрос она давно уже задавала сама себе.

Девушка тряхнула головой, сильнее налегла на рану, заставив принца поморщиться.

– Поверь, она не ненавидит тебя. *Прошу* тебя, поверь.

– Но мы уже три недели безвылазно сидим в этом доме, Агата. Я съел все припасы твоей матери, она видит, как тяжело тебе за мной ухаживать, ведь я сам до туалета не могу доползти. И то, как мы ругаемся, она слышит. Знаешь, если она и не ненавидит меня – пока! – то возненавидит в самом ближайшем будущем.

– Она просто считает тебя еще одной проблемой, которая добавилась к нашей с ней и без того проблемной ситуации.

– Агата, давай говорить начистоту, без этих дипломатических уловок. «Проблемная ситуация»! Да просто любой мужик в вашей деревне готов убить нас с тобой, как только мы попадемся ему на глаза, – какие уж тут проблемы? – невесело хмыкнул Тедрос. – Послушай, через месяц мне исполнится шестнадцать. Знаешь, что это означает? Это означает, что всего через месяц я смогу стать королем Камелота, Совет моего отца по закону должен будет передать мне это право. Согласен, королевство в упадке, половина подданных разбежались кто куда, дворец обветшал, но мы все это исправим, со всем справимся. Камелот – вот где мы должны быть, Агата! Камелот. Почему мы не можем туда вернуться?

– Ты прекрасно знаешь почему, Тедрос.

– Ну да. Потому что ты не хочешь навсегда оставлять свою мать. Потому что у меня больше нет своей семьи, а у тебя она есть, – сказал он, глядя в сторону.

– Тедрос... – Агата покраснела.

– Не нужно, не нужно мне ничего объяснять, – негромко попросил принц. – Будь мой отец жив, я бы тоже его не бросил.

Агата придвинулась ближе к принцу, который по-прежнему не смотрел на нее.

– Тедрос, если ты нужен своему королевству, ты... ты должен вернуться, – конец фразы дался ей с большим трудом.

– Я никогда не покину тебя, Агата, – вздохнул принц, выдергивая нитку, торчащую из его грязного носка. – Не смогу, даже если бы захотел. Единственный способ вернуться назад в Бескрайние леса – это загадать желание. Вместе.

Агата окаменела. Выходит, он-таки подумывал о том, чтобы ее бросить? Ничего себе!

– Я не могу вернуться назад, Тедрос. Слишком страшные вещи происходили с нами в Бескрайних лесах. – Она с трудом сглотнула и хрипло добавила: – Нам очень повезло, что мы смогли убежать оттуда. Посчастливилось, можно сказать...

– Ты называешь это «посчастливилось»? – он наконец повернул к ней голову. – Скажи, сколько еще мы сможем просидеть взаперти в этом доме? Как долго будем оставаться пленниками?

Агата напряглась. Она понимала, что на эти вопросы нужно ответить, вот только ответа у нее не было.

– Но разве имеет значение, где будет проходить твое «долго и счастливо»? Гораздо важнее, с кем оно будет проходить, разве нет? – осторожно начала она. – Мне помнится, именно так однажды сказала наша учительница.

На лице Тедроса не дрогнул ни один мускул. Агата повернулась и оторвала полосу от чистого полотенца, висевшего на спинке кровати. Тедрос откинулся на спину, раскинул руки в стороны, и Агата начала туго перебинтовывать его рану.

– Порой я очень скучаю по Филипу, – негромко сказал он спустя какое-то время.

Агата вздрогнула и настороженно уставилась на Тедроса. Тот покраснел и принялся с подчеркнутым вниманием рассматривать свои ногти.

– Это глупо, я понимаю – скучать по Филипу после того, что с нами сделал он... или она... они... Ладно, плевать. Короче говоря, я должен ненавидеть его... Или ее... Тьфу ты! Просто... как бы тебе это объяснить... Одним словом, парни становятся друзьями совсем не так, как девушки – подругами. Даже если твой друг на самом деле не парень. Но все-таки как бы типа парень... – Тедрос окончательно запутался, потом увидел выражение лица Агаты, сдался и попросил: – Забудь все, что я тебе сейчас наплел. Пожалуйста!

– Так ты в самом деле думаешь, что я плохо тебя знаю? – спросила задетая за живое Агата.

Тедрос ненадолго задумался, словно решая, солгать ему или сказать правду.

– Видишь ли... последние два года мы с тобой скорее были озабочены мыслью о том, чтобы оказаться вместе, чем на самом деле были вместе. Вот и получилось, что Филипа я знаю лучше, чем тебя. Мы с ним не ложились спать после отбоя, таскали бараны отбивные из сто-

ловой или просто забирались на крышу, сидели там и разговаривали о всякой всячине, обо всем подряд. Рассказывали о своих семьях, о том, кто чего больше всего боится, и о том, какие пироги с какой начинкой самые лучшие. И если честно, не имеет никакого значения, как все потом повернулось... Все равно Филип был моим первым настоящим другом. – Тедрос говорил, отвернувшись в сторону, он не мог сейчас смотреть на Агату. – А вот мы с тобой друзьями никогда не были. Даже прозвищ друг другу не придумали. Нас соединяли лишь короткие нечастые встречи и вера в то, что нашей любви каким-то образом хватит для счастья нам обоим. Ну, вот все и случилось. Мечты сбылись. И вот уже три недели мы безвылазно сидим в этом доме, все время вдвоем, и нет ни секунды, чтобы побыть в одиночестве. Да, мы вместе едим, пьем, спим, дышим, привычка постоянно быть вместе оплетает нас обоих словно плющ, но, согласись, при всем при этом мы продолжаем оставаться чужими друг другу. Знаешь, я устал. Я никогда еще не чувствовал себя таким старым. – Он наконец решился взглянуть на Агату. – Признайся, что ты испытываешь то же самое. Мы с тобой стали похожи на заплесневевшую от времени супружескую пару. Сварливые, уставшие друг от друга старик и старуха. Любая мелочь, которая раздражает тебя во мне, автоматически раздувается, увеличивается в десятки, сотни, тысячи раз.

Агата попыталась изобразить согласие со словами принца.

– А что *тебя* во мне раздражает? – спросила она.

– Послушай, давай не будем играть в эти игры, – отмахнулся Тедрос, переворачиваясь на живот.

– Но я хочу знать. Так что же тебя во мне раздражает?

Ее принц молчал. Агата сердито мазнула его обнаженную спину горячей куркумой.

– Больше всего меня раздражает то, что ты держишь меня за идиота, – сердито ответил Тедрос, переворачиваясь на спину.

– Это неправда...

– Ты спросила – я ответил. Продолжать?

Агата сложила руки на груди и поджала губы.

– Итак, ты держишь меня за идиота, – повторил Тедрос. – Всякий раз, когда я пытаюсь заговорить с тобой, ты прикидываешься ужасно занятой какими-то другими делами. Ты ведешь себя так, словно я обязан покинуть свой дом, словно так оно и должно быть, хотя, позволь тебе напомнить, всегда считалось, что это принцесса должна следовать за своим принцем, а не он за ней. А еще ты топаешь по дому как слон, забываешь вытирать за собой пол в ванной, ни разу за все эти дни не то что не улыбнулась, но даже не попыталась улыбнуться, а когда я обращаюсь к тебе с просьбой что-нибудь сказать или сделать, ты смотришь на меня так, словно я преступление какое-то совершил, осмелившись о чем-то просить тебя – такую... такую...

– Какую «такую»? – вспыхнула Агата.

– Да вот такую. Всю из себя чудненькую, добренькую...

Хорошенькую. Несчастненькую.

– Хорошо, теперь моя очередь, – кивнула Агата. – Прежде всего мне не нравится, что ты ведешь себя так, будто ты мой пленник. Словно я украла тебя, лишила лучшего друга, которого, строго говоря, не существует...

– Добавь к моим обвинениям то, что ты ехидная и злопамятная.

– Обойдешься. Итак, ты заставляешь меня испытывать чувство вины за то, что я привела тебя сюда. При этом ты никогда не вспоминаешь о том, что перед этим я спасла тебе жизнь. Ты выставляешь себя таким деликатным, таким воспитанным, прямо весь из себя рыцарь-кавалер, а потом бац! – и заявишь что-нибудь такое... Например, что принцесса, видите ли, просто обязана следовать за своим принцем. А еще ты очень дерганый, слишком сильно потеешь, берешься судить о вещах, в которых ничего не понимаешь, и любишь все переворачивать с ног на голову, например, ругаешь мой дом вместо того, чтобы на себя посмотреть...

– Но здесь в самом деле не повернуться...

– Ну как же, как же! Мы же привыкли жить в замке! Западное крыло, Восточное крыло, парк, Тронный зал, что там еще... А, ну да, и повсюду горничные – хорошенькие и молоденькие. Много. Целая рота горничных! – вскипела Агата. – Да, извините, у нас здесь не замок. У нас здесь все по-простому, как в реальной жизни, ваше сказочное высочество! А о том, что я все свободное от ухода за тобой время только и делаю, что беспокоюсь, как бы нам с тобой остаться в живых, – ты об этом никогда не задумывался? Не улыбаюсь я ему, видите ли! Пусть клоуны улыбаются, им за это деньги платят, а у меня нет времени ни на шуточки-улыбочки, ни на душевные разговоры за чашкой капучино. Но разве будет задумываться о таких мелочах, о такой прозе жизни прославленный Тедрос из Камелота, самый красивый парень во всех Бескрайних лесах! И при этом он еще чувствует себя «слишком старым»! Ах-ах-ах, какой ужас!

– Что, я правда такой красивый? – самодовольно улыбнулся Тедрос.

– Ты еще несноснее, чем Софи! – выдохнула Агата, зарываясь лицом в подушку. – И это при том, что она пыталась убить меня! Дважды пыталась!

– Ну так и отправляйся назад в Бескрайние леса, к своей Софи! – поморщился Тедрос.

– Сам отправляйся к своему Филипу, – буркнула Агата.

И тут они оба неловко замолчали, осознав, что говорят об одном и том же человеке.

Тедрос присел на кровати рядом со своей принцессой и обнял ее за плечи. Чтобы не разрыдаться, Агата сильнее сжала подушку и в отчаянии прошептала:

– Что с нами происходит? Что?!

Когда Агата спасала Тедроса от Директора школы, то решила, что смогла выпрыгнуть из своей сказки. И она в самом деле избежала смерти, спасла своего принца и покинула Бескрайние леса, оставив там бывшую лучшую подругу, которая ее предала. Обнимая раненого возлюбленного, залитая белым светом, сиявшим между мирами, Агата стремилась к своему «долго и счастливо». Наконец-то она получила Тедроса, самого прекрасного принца, который любил ее так же сильно, как она его... Агата до сих пор помнила вкус его поцелуя. Тедрос... Человек, который навсегда сделает ее счастливой...

А затем она пробила головой мутную, словно сотканную из жидкой грязи завесу между мирами.

Белый слепящий свет померк, Агату окружила тьма, и она вместе со своим принцем свалилась на заснеженное кладбище Гавальдона.

И тогда на нее нахлынули воспоминания, связанные с этим городом, который, как ей казалось, она покинула навсегда. Она припомнила свое нарушенное обещание Стефану вернуть домой его дочь, решение Совета Старейшин убить ее саму, истории о ведьмах, сожженных когда-то на деревенской площади...

«Расслабься, – попыталась она успокоится. – Это наше с Тедросом «долго и счастливо». Ничего плохого с нами больше не случится. Никогда».

Агата подняла голову, увидела занесенную снегом крышу своего дома, напоминающую остроконечную ведьмину шляпу. Ее дом. Скоро, совсем скоро она увидит родное, радостное лицо матери...

Радостное?

Агата посмотрела на лежащего рядом с ней принца. Обрадуется ли Каллиса, когда его увидит?

– Поднимайся, Тедрос, – прошептала она.

Юноша неподвижно лежал на заснеженной земле, завернутый в свой черный плащ. На кладбище стояла тишина, слышно было лишь ворон, которые копошились в свежевырытой могиле, добывая червей из холодной сырой земли, да потрескивание горевшего над кладби-

щенскими воротами факела. Агата обхватила руками своего принца, хотела встряхнуть его, но почувствовала под пальцами что-то теплое и липкое. Агата медленно подняла ладони.

На них была кровь.

Агата побежала к дому, спотыкаясь о могильные холмики, цепляясь за торчащие из-под снега голые прутья. Все окна в доме оставались темными, ни одного огонька за стеклами. Она медленно повернула дверную ручку, дверь скрипнула, и в доме послышалось какое-то движение, шарканье ног. Затем на пороге показалась Каллиса – закутанная в одеяло, мать напоминала явившееся с того света привидение. Увидев дочь, она радостно улыбнулась, но тут же помрачнела, заметив испуганное бледное лицо Агаты, и испуганным голосом спросила:

– Тебя кто-нибудь видел?

Вот так, ни «привет», ни «здравствуй».

Агата покачала головой. Мать вновь улыбнулась, на этот раз с облегчением, и бросилась обнимать Агату, но, заметив, что выражение лица дочери не меняется, и увидев кровь на ее руках, заметно побледнела.

– Что ты наделала? – прошептала Каллиса.

Агата, как могла, сбивчиво объяснила матери, что с ней случилось, и они вдвоем спустились по склону Кладбищенского холма к Тедросу. Подхватив лежавшего без сознания принца за руки, они поволокли его к дому. Агата то и дело поглядывала на мать, но Каллиса не сводила испуганных глаз с темнеющей под холмом деревни. Почему она так смотрит, Агата спрашивать не стала, ее сейчас волновало только одно: она спасала своего принца.

В доме мать уложила Тедроса на ковер, перевернула юношу на спину и распахнула рубашку на его груди. Принц по-прежнему не приходил в себя. Агата развела в очаге огонь, обернулась – и едва сама не потеряла сознание, увидев зияющую на груди Тедроса рану. Она была такой глубокой, что сквозь нее, казалось, можно было рассмотреть его тяжело пульсирующее сердце.

– С ним все будет в порядке, правда? Правда? – сглатывая слезы, прошептала Агата. – Он не может, не должен умереть...

Каллиса молча подошла к комоду и принялась искать иголку с ниткой.

– Я должна была привести его сюда, мама, – прошептала Агата. – Я не могла его потерять...

– Поговорим об этом позже, – сказала Каллиса. Сказала так резко, что Агата невольно отпрянула.

Склонившись над Тедросом, Каллиса начала зашивать его рану и сделала не менее пяти стежков, прежде чем принц очнулся от боли. Увидев рядом незнакомую женщину с иглой в руке, он схватил подвернувшуюся под руку щетку и замахнулся, отгоняя Каллису.

После этого Тедрос и Каллиса ни разу не оставались с глазу на глаз и старались даже не смотреть друг на друга.

Каким-то образом Агате удалось тогда успокоить Тедроса, и он забылся беспокойным сном, а Каллиса увела дочь на кухню, задернув вход в спальню черной занавеской.

– Не сердись на него, мама, – сказала Агата, вынимая из комода две металлические миски. – Когда мы с ним впервые встретились, он и меня порывался убить. Он тебе еще понравится, вот увидишь!

– Перед тем как он уйдет, я сошью ему новую рубашку, – сказала Каллиса, разливая в миски мутное варево.

– Ах, мама, мама! У нас на полу спит самый настоящий принц из сказочной страны, а ты беспокоишься о какой-то рубашке, – покачала головой Агата, усаживаясь на скрипучий рассохшийся стул. – Да-да, настоящий принц! Хочешь, скажу, кто он? – начала было Агата, но тут же осеклась: – Постой.

Что значит «перед тем как он уйдет»? Он никуда не уйдет. Тедрос останется в Гавальдоне... Навсегда.

– Ешь жабий суп, пока он не остыл, – сказала Каллиса, придвигая к Агате дымящуюся миску.

– Послушай, – торопливо заговорила Агата, – я понимаю, все это очень неожиданно для тебя, но... Когда Тедрос поправится, он найдет в городе какую-нибудь работу. И если он начнет хорошо зарабатывать, мы, может быть, сможем переехать в какой-нибудь другой дом, просторнее этого. Тогда у нас появятся новые соседи... – И, криво усмехнувшись, уточнила: – Живые...

Каллиса окинула дочь холодным взглядом, вновь отвела глаза в сторону, и Агата замолчала. Проследив за тем, куда направлен взгляд матери – на маленькое грязное окошко над раковиной, – Агата встала, подошла к этому окошку и начала протирать его влажным полотенцем. Соскоблила толстый слой грязи, и в стекло пробился яркий луч утреннего солнца. Агата заглянула в окошко – и в ужас отпрянула назад.

Внизу, под заснеженным Кладбищенским холмом, на каждом городском столбе трепетали на ветру красные плакаты. На них были два портрета – ее и Софи, и надпись:

– Ведьмы?! Я – ведьма?! – ахнула Агата. За площадью, на месте разрушенных во время нападений пряничных разноцветных домиков, теперь были построены унылые каменные убежища.

Главную улицу и окраину леса патрулировали охранники в длинных черных плащах с пиками в руках и железных масках на лицах. Агата перевела взгляд туда, где раньше возле покосившейся часовой башни стояли две статуи, изображавшие ее саму и ее подругу Софи. Статуи исчезли, на их месте был воздвигнут эшафот с двумя столбами и разложенной под ними огромной грудой хвороста и березовых поленьев. Погребальный костер для ведьм. Рядом с площадкой будущей казни горели два воткнутых в землю факела, а между столбами был натянут баннер, с которого смотрели все те же лица – Агаты и Софи.

У Агаты сердце ушло в пятки. Она избежала публичной казни в школе, чтобы найти ее в своем родном городе! Дела...

– Я предупреждала тебя, Агата, – сказала мать из-за ее спины. – Старейшины считают, что Софи – ведьма и на город напали из-за нее. В ту ночь они решили отдать ее силам Тьмы, но запретили тебе следовать за ней. Ты не послушалась, и, уйдя вместе с Софи, сама превратилась в их глазах в ведьму.

– И поэтому они хотят сжечь меня на костре? – спросила Агата, медленно поворачиваясь к матери. Ноги вдруг стали ватными, голова кружилась.

– Если бы ты возвратилась оттуда одна, Старейшины, может, и переменили бы свое решение. – Каллиса сидела за столом, обхватив голову руками. – Но ты возвратилась вместе с принцем, и теперь тебя ждет казнь. И меня тоже наказали за то, что я позволила тебе сбежать в лес.

По спине Агаты пробежал холодок. Она внимательно оглядела мать, но не нашла следов ран или синяков ни на ее лице, ни на руках. И все пальцы у Каллисы были целы – не сломаны и не отрублены.

– Что они с тобой сделали? – упавшим голосом спросила Агата.

– То, что они со мной сделали, не идет ни в какое сравнение с тем, что они сделают с вами обоими, как только обнаружат... его, – устало ответила Каллиса. – Старейшины всегда презирали нас с тобой, Агата. Как ты могла совершить такую глупость – притащить с собой кого-то из Бескрайних лесов?!

– В нашей сказке написано «Конец», – неуверенно возразила Агата. – А ты сама говорила, что если появляется «Конец», значит, все будет хорошо...

– Счастливый конец? С ним?! – фыркнула Каллиса, поднимаясь на ноги. – Есть важная причина, по которой наши миры отделены друг от друга, Агата. Есть важная причина, по которой они непременно *должны* быть отделены – мир сказочный и мир реальный. Твой принц никогда не будет счастлив здесь! Ты – Читательница, а он...

Каллиса резко замолчала, а Агата удивленно уставилась на нее. Мать быстро отошла к раковине и принялась наливать воду в котелок.

– Мама... – прошептала Агата, у которой все похолодело внутри. – Откуда тебе известно про Читателей?

– М-м-м, прости, не расслышала тебя, дорогая.

– Читательница! – воскликнула Агата, перекричав шум льющейся воды. – Откуда тебе известно это слово?

– Наверное, встретила его в книге...

– В книге? В какой еще книге?!

«Ну, конечно же», – подумала Агата и облегченно вздохнула. Нужно заметить, что ее матери было довольно много известно о сказочном мире – как, впрочем, и всем родителям в Гавальдоне, которые лихорадочно скупали книги в магазине мистера Довиля, ища в них ключи, проливающие свет на похищения их детей Директором школы. «Должно быть, Читатели упо-

минались в одной из этих книг, – пыталась успокоить себя Агата. – Поэтому мама и назвала меня Читательницей. Потому и не очень-то удивилась появлению сказочного принца».

Но, вновь посмотрев на Каллису, она обнаружила, что котелок давно переполнился, вода стекает из него в раковину, а мать все стоит, уставившись в одну точку, сжав кулаки, погрузившись в свои то ли мысли, то ли воспоминания.

У Агаты появилось предчувствие, что причину, по которой мать не удивилась появлению Тедроса, нужно, пожалуй, искать отнюдь не в книгах мистера Довиля. Неужели Каллисе не понаслышке известно, что такое жить в... другом мире?

– Он возвратится в Бескрайние леса, как только поправится, – сказала Каллиса, наконец закрывая кран.

– В Бескрайние леса? – переспросила Агата, вырываясь из плена собственных мыслей. – Мы с Тедросом едва унесли оттуда ноги, а ты хочешь, чтобы мы снова в них вернулись?!

– Не вы, – ответила Каллиса, не поворачиваясь от раковины. – Только он.

– Такое мог сказать только человек, никогда не испытывший настоящей любви! – вспыхнула Агата.

Каллиса застыла на месте. В тишине, отсчитывая секунды, звонко тикали ходики.

– Ты действительно веришь, что это и есть счастливый конец твоей сказки? – спросила она, по-прежнему стоя спиной к дочери.

– Так должно быть, мама, потому что я не хочу снова потерять Тедроса. Но и тебя я не хочу оставлять тоже, – умоляющим тоном произнесла Агата. – Я думала, что смогу стать счастливой в Бескрайних лесах, что смогу спрятаться там от реальной жизни... Не получилось. Знаешь, я никогда не мечтала жить в волшебной сказке. Мне хотелось каждый день просыпаться здесь, зная, что рядом со мной моя мама и мой лучший друг. Откуда мне было знать, что мой лучший друг окажется принцем? – Агата смахнула набежавшие на глаза слезинки. – Ты даже представить себе не можешь, через что нам пришлось пройти, чтобы найти друг друга! Не знаешь, от какого Зла удалось спастись! Я согласна жить взаперти в этом доме хоть сто лет – лишь бы вместе с Тедросом. Лишь бы быть рядом с ним – и тогда я стану наконец счастлива. Прошу тебя, просто дай нам шанс. Просто дай нам шанс!

В кухне повисло молчание, затем Каллиса медленно повернулась к Агате:

– А Софи?

– Она исчезла.

Мать устала на нее. Вдали, на деревенской площади, пробили часы. Звук был слабым, едва пробивался сквозь завывание ветра. Каллиса перенесла котелок на плиту и принялась размешивать положенные в него коренья. Она размешивала и размешивала их, двигаясь как заведенная.

– Думаю, нам нужно раздобыть яиц, – сказала наконец она. – Принцы не едят суп из жаб.

У Агаты отлегло от сердца:

– Спасибо, мама! Спасибо, спасибо тебе...

– Каждое утро я буду запираю вас, уходя в город. Если сможете вести себя осторожно, стражники вас не найдут.

– Мама, ты полюбишь его как собственного сына, вот увидишь... – начала Агата, но тут же спохватилась: – В город? Но ты говорила, что у тебя сейчас нет пациентов.

– Не разжигайте очаг и не открывайте окна, – не слушая дочь, распорядилась Каллиса, наливая две чашки чая.

– А почему стража сюда не придет? Разве наш дом не первое место, где меня начнут искать?

– Не отвечайте на стук в дверь и никого не впускайте в дом. Ни-ко-го!

– погоди, а как насчет Стефана? – спросила Агата. – Я думаю, он-то как раз мог бы поговорить со Старейшинами, попросить их за нас...

– Стефана не выпускайте ни в коем случае, к нему это относится в первую очередь.

Мать и дочь обменялись долгими взглядами.

– Твой принц никогда не станет здесь своим, Агата, – негромко произнесла Каллиса. – Нельзя избежать судьбы, не заплатив за это большую цену.

Мать выглядела до смерти испуганной, ей явно не хотелось продолжать разговор о принце.

Агата подошла к ней и обняла.

– Тедрос будет счастлив здесь, точно так же, как и я, обещаю тебе, – прошептала она. – И ты поймешь, ты напрасно сомневалась в том, что двое из разных миров могут быть вместе, если они по-настоящему любят друг друга.

Из спальни донесся шум, черная занавеска сорвалась, и в кухню ввалился Тедрос – пошатываясь, с прилипшей к груди окровавленной повязкой. Он доковылял до стола, тяжело опустился на стул, понюхал суп в миске, поморщился и хрипло сказал:

– Нам нужна крепкая лошадь, острый стальной меч и запас хлеба и мяса на три дня пути. – Он с трудом повернул голову, чтобы найти затуманенным взглядом Агату, и добавил: – Надеюсь, ты уже успела попрощаться со своей матерью, принцесса. Нам пора отправляться в мой замок!

Всю первую неделю Агата надеялась: это просто одно из испытаний, которые, по традиции, выпадают на долю сказочных героев. Пройдет какое-то время, и приготовленный на площади костер исчезнет сам собой, смертный приговор ведьмам будет отменен, а Тедрос освоится с жизнью в реальном мире. Глядя на своего прекрасного принца, она знала, что готова оставаться взаперти в этом доме хоть целую вечность – только бы вместе с ним. И они будут «жить долго и счастливо», как пишут в тех же сказках.

Но пошла вторая неделя их заточения, и в доме, как казалось Агате, становилось все теснее и неудобнее. Постоянно чего-то не хватало – то еды, то чашек, то полотенец. Тедрос и Потрошитель терпеть друг друга не могли, все время ссорились.

А еще Агата начала замечать в поведении принца привычки, которые все сильнее ее раздражали. Он повсюду разбрасывал свои вещи, молоко пил не из стакана, а прямо из крынки, без конца занимался какими-то физическими упражнениями, потел и шумно дышал через рот. Да и Каллиса, которой теперь приходилось кормить и обихаживать двух подростков, один из которых к тому же был ей совсем не мил, тоже не была довольна. Сам же Тедрос совсем раскис и постоянно на все жаловался.

– В Школе и то было лучше, чем здесь, – целыми днями повторял он.

– Тогда возвращайся назад, там тебя добьют окончательно, – огрызалась в ответ Агата.

Когда пошла третья неделя их заточения, Тедрос окреп уже настолько, что начал играть сам с собой в регби – метался по спальне как дикий зверь, обводя невидимых соперников, что-то выкрикивая и при этом сильно потел, а Агата наблюдала за всем этим, лежа на кровати и все надеясь, что вот-вот со звезды к ней спустится фея-крестная и сразу все уладит взмахом волшебной палочки. Дудки! Никакая фея-крестная на нее не свалилась. Свалился Тедрос, да так неудачно, что у него разошлись швы на ране. Агата запустила в него подушкой, испуганный кот рванул в ванную и свалился в унитаз. И вот они лежат сейчас на кровати – повсюду валяются выпавшие из подушки перья, Потрошитель вылизывается в углу, а Агата, уткнувшись головой в подушку, снова и снова жалобно повторяет остающийся без ответа вопрос:

– Что с нами происходит?! Что?!

Потянулась четвертая неделя. Тедрос и Агата почти перестали проводить время вместе. Принц прекратил свои буйные тренировки, впал в депрессию и целыми днями сидел на кухне у окна – небритый, грязный, уставившись на темнеющие вдаль Бескрайние леса. «По дому тоскует», – решила Агата, сама побывавшая в тех сказочных краях. Однако дело тут было,

похоже, не только в тоске по дому. Принца грызла мысль, что он торчит в этом тесном грязном доме, а там, на его сказочной родине, вскоре, глядишь, объявится новый король, который примет от Совета Старейшин корону, которая по праву должна принадлежать ему, Тедросу. Сердцем Агата понимала это, но ей нечем было утешить принца, и она не находила ничего лучшего, как только забираться под одеяло и перечитывать – в десятый, в сотый раз! – старые сборники сказок.

Разглядывая картинки, на которых прекрасные принцы (блондины в основном) нежно целовали ослепительных красавиц-принцесс (эти-то, ясен пень, все как одна были блондинками), она все чаще задавалась вопросом: почему же таким тусклым и прогорклым, как старое масло, стало ее собственное «долго и счастливо»? Сказки... Все-то в них ладно и складно, и все ниточки связаны, и Добро всегда побеждает Зло. Красота... Но почему тогда так много нерешенного остается в ее собственной сказке? Столько оборванных концов, недосказанных историй... Что, например, случилось с ее подругами – Дот, Эстер, альбиноской Анадиль, которые рисковали своими жизнями, когда шел суд над Агатой? Что случилось с девочками, втянутыми в войну против мальчиков и Арика? Или с леди Лессо и профессором Доуви, когда они столкнулись с возвратившимся Директором школы? У Агаты защемило в груди. А что, если Директор вновь начнет похищать детей из Гавальдона? Она задумалась о родителях, которые могут потерять своих детей, о Тристане – как справляются его родители с мыслью о смерти сына, – о нарушенном в Бескрайних лесах равновесии, где центр тяжести переместился на сторону Зла, о своей некогда лучшей подруге, оставшейся в том сказочном мире...

О Софи.

На этот раз это имя не вызвало у Агаты гнева. Оно прозвучало как эхо, как пароль, открывающий потайную дверцу в ее сердце.

Софи.

Девушка, которую Агата продолжала любить наперекор всему, без оглядки на Зло и Добро. Которую поклялась защищать всегда, и в юности, и в старости, как говорится, до тех пор, пока смерть не разлучит их.

Как же ты могла повернуться спиной к своей лучшей подруге?! Как могла бросить ее там, одну?!

Ты бросила ее ради парня? Да, ради парня.

От стыда у Агаты загорелись щеки.

Ради парня, который теперь даже не смотрит в мою сторону.

Тяжело стало у нее на сердце, тяжело. Все это время она думала, что должна выбирать между Софи и Тедросом ради своего «долго и счастливо», но каждый раз, когда она предпочитала одного из них, ее собственная судьба отклонялась в сторону. Да что там ее судьба – каждый раз все сильнее нарушалось равновесие во всем окружающем мире. И всякий раз, когда Агата вспоминала о преданной ею, брошенной подруге, она все глубже погружалась в ад, который сама же для себя создала, когда выбрала принца, а не Софи. Ах, если бы можно было вообще избежать необходимости делать этот ужасный выбор!

– Я тоже о ней думаю.

Агата повернулась и увидела сидящего возле окна Тедроса. Он смотрел на нее, и у него дрожали губы.

– Я думаю о том, как мы бросили ее, – хрипло продолжил Тедрос, и в его глазах сверкнули слезы. – Я знаю, она была плохим другом, знаю, она на стороне Зла, знаю, что она лгала, прикидываясь Филипом... Но мы взяли и бросили ее... Оставили наедине с тем чудовищем. Мы бросили всех своих друзей из школы, чтобы спасти себя. Ну и что я за принц после этого, Агата? Разве принц может быть предателем? Что подумал бы обо мне мой отец? – Слеза побежала по его щеке. – Я не хочу, чтобы ты бросала свою мать, это станет еще одним предательством. Честное слово, я не хочу этого. Но мы не счастливы с тобой, Агата. Почему? Потому что

злодеи по-прежнему живы. Потому что мы с тобой оказались не героями. Трусы мы с тобой, вот кто мы.

Агата посмотрела в просветленное, открытое лицо Тедроса и вспомнила, за что полюбила его.

– Значит, это совсем не тот счастливый конец, которого мы ждали? – тихо выдохнула Агата.

Тедрос улыбнулся и стал окончательно похож на себя прежнего.

И впервые с тех пор, как они возвратились домой, Агата улыбнулась ему в ответ.

3. Что было, что есть... что-то будет?

– Может быть, нам следует закрыть глаза, – сказал Тедрос.

– Или станцевать в пижамах шаманский танец дождя, распевая «Позвони мне, Роза», – буркнула Агата. Спавший у нее на коленях Потрошитель приоткрыл один глаз, повел ушами и снова заснул. – Ладно, вечер уже, я проголодалась, давай лучше поедим. А насчет того, чтобы закрыть глаза... Сколько раз мы с тобой уже пытались сделать это? И ничего.

– Ну, прости. Ты можешь предложить что-нибудь получше?

Агата проводила взглядом рыжего таракана, который не торопясь подполз к запертой на два засова двери и с важным видом просочился в щелочку под порогом.

– Пожалуй, ты прав, – согласилась Агата и прикрыла глаза.

– Вот и хорошо, – кивнул Тедрос, закрывая глаза следом за Агатой. – Ну, раз... два... три!

Агата сморщилась от напряжения, Тедрос тоже, а затем они направили друг на друга свои указательные пальцы, одновременно выдохнули и открыли глаза.

Ничего не произошло. Как не светились их пальцы до этого, так не загорелись и сейчас.

– Может быть, у нас ничего не получается потому, что ты слишком сильно обгрызла ногти, – задумчиво предположил Тедрос, внимательно рассматривая ладонь Агаты.

– Или плакала, – хмуро отозвалась Агата, пряча руку за спину. – Или съела что-нибудь не то. Нам с тобой не попасть в Бескрайние леса, пока к нам не вернется магическая сила. А магия очень чутко реагирует на эмоции. Этому нас в школе учили. Ты сам говорил, что ворота в сказочный мир откроются, только если мы оба и одновременно пожелаем этого...

– И если при этом ни один из нас не будет колебаться, – добавил Тедрос.

– В таком случае, предлагаю сделать перерыв, – раздраженно фыркнула Агата, поднимаясь на ноги. – Завтра утром попробуем еще разок. Сейчас уже некогда. Мама должна с минуты на минуту вернуться.

– Агата...

Увидев кривую усмешку на лице Тедроса, Агата поняла, что он догадывается, о чем она думает. Как ни старайся скрыть от него свои мысли, все равно не скроешь.

– Ты гораздо умнее, чем кажешься, – заметила Агата, неохотно присаживаясь назад на свой стул.

– Ты тоже, знаешь ли, девушка не из простых, – парировал Тедрос. – Никогда не выбираешь книгу только по обложке. Послушай, если ты хочешь сначала попроситься с матерью...

– ...тогда я буду колебаться еще сильнее, – оборвала его Агата. – Как бы ты сказал своей матери, что собираешься навсегда ее покинуть?

– Не знаю. Моя мать навсегда ушла от меня не попрощавшись, – ответил Тедрос.

Агате вдруг стало очень неловко. Тедрос наклонился ближе к ней и негромко спросил:

– В чем дело, любимая? Чего ты на самом деле боишься?

Агата начинала нервничать – все сильнее и сильнее – и ничего не могла с этим поделать.

– А что, если вся проблема только во мне? – пробормотала она. – Ведь каждый раз, когда я пытаюсь стать счастливой, случается облом. Вначале с Софи, потом с тобой. Мне начинает казаться, что это не с нами обоими что-то не так... Что-то не так только со мной! Я всем приношу несчастье. Похоже, моя судьба – всегда оставаться одной. Потому мне и маму так страшно оставить. Что, если мне не суждено быть с тобой, Тедрос? Что, если я обречена на то, чтобы всю свою жизнь прожить здесь, как моя мать, и, как она, никогда не найти свою любовь?

Тедрос откинулся назад и застыл на месте.

Агата медленно, глубоко вдохнула. Ей показалось, что после этого признания у нее гора свалилась с плеч.

Ее принц сидел сгорбившись на выложенном кирпичами полу и задумчиво водил по нему пальцем.

– Мне кажется, дело в том, что мы читаем только готовые, завершившиеся, дописанные до конца сказки. А кто знает, может, счастливый конец в них тоже случился не сразу, а после нескольких попыток? Поразмысли над этим. Смотри: каждый раз, когда ты пробовала вернуться к своей старой, прежней жизни, ничего не выходило. Но сейчас все совершенно иначе, ты согласна? Теперь ты не одна, нас двое, и когда наша сказка будет дописана, ты наконец сможешь начать новую жизнь – со мной. И мы с тобой вдвоем будем править королевством, и защищать его, и заботиться о наших подданных, и это будет продолжаться до тех пор, пока мы оба не состаримся и нам не придет пора уйти со сцены. Та же самая судьба была у моего отца, и у деда, и у прадеда, и у всех других моих предков...

А Агата смотрела на принца и думала о том, какой же глупой и бессердечной она была, пытаясь удержать его здесь, в этом тесном доме, на Кладбищенском холме, возле никому не известного, захолустного городка.

– На этот раз мы с тобой будем счастливы, – сказал Тедрос, сжимая ее руку. – Обещаю.

– Ну хорошо, предположим, нам удалось вернуться в школу Добра и Зла – но что дальше? – спросила Агата. – У тебя есть какой-то план?

– Конечно, есть, – не задумываясь, ответил Тедрос. – Навести порядок. Освободить Софи. Убить Директора школы. Вернуть себе меч Экскалибур. Освободить всех остальных учеников. Потом мы с тобой отправимся в Камелот и успеем добраться туда к моему дню рождения. Мне исполнится шестнадцать, и меня объявят новым королем. Точка. Конец. – Он немного помолчал и решительно добавил: – Настоящий конец нашей сказки.

Агата негромко то ли кашлянула, то ли чихнула.

– Да-да, я помню. Хорошо, Софи тоже поедет с нами, раз уж ты никак без нее не можешь, – вздохнул принц.

– Тедрос, любимый, – ехидно начала Агата, – твой план, конечно, хорош, но только скажи: ты в самом деле считаешь, что мы пройдем сквозь школьные ворота и играючи убьем Директора? Что это будет не сложнее, чем купить шоколадку в кондитерской лавке?

– По-моему, купить шоколадку нам сейчас намного сложнее, чем убить Директора школы, – хмуро откликнулся Тедрос, кивком указывая на запертую дверь.

Агата шутку не приняла.

– Прежде всего Директор школы – могущественный волшебник, – сердито продолжила она. – Когда мы с тобой в последний раз видели его, он избежал смерти и снова превратился в юношу. И, между прочим, проткнул тебя твоим же мечом. Во-вторых, насколько нам известно, он убил – или собирался убить – всегдашников, и теперь все оставшиеся в живых никогдашники стоят на его стороне. И, наконец, не думаешь же ты, что у него нет охраны, не устроены ловушки-западни, и...

– Как любил повторять Мерлин: «Если думать да гадать, ни одной проблемы не решишь, только пар впустую выпустишь».

– Так, хорошо. Кажется, я говорила, что ты умнее, чем кажешься? Беру свои слова обратно! – вспыхнула Агата. Дремавший у нее на коленях Потрошитель потянулся, зевнул, соскочил на пол и злобно зашипел на Тедроса. Принц отвесил коту затрещину, после чего Потрошитель укоризненно посмотрел на Агату – мол, ну и дружка ты себе завела, хозяйка! – и драпанул прочь.

– Раньше он так на тебя не смотрел, – заметила Агата. Потрошитель принялся нервно отгрызать голову канарейке, которую задушил еще утром.

– Ты лучше сама на меня посмотри.

– Тедрос, дорогой, у тебя ничего нет – ни меча, ни плана! Мы отправимся туда на верную смерть.

– Агата, прошу тебя, сядь и посмотри на меня.

Она вздохнула, сложила руки на груди и уставилась на принца.

– Пойми, спланировать наперед свою сказку так же невозможно, как, например, заранее узнать, кого ты полюбишь. В этом весь смысл сказок, – сказал Тедрос. – И согласишься: что хорошего, если бы все было предсказуемо? Разве не скучно стало бы жить, зная все-все-все, что случится дальше? Мы знаем только то, что Добро в сказках всегда побеждает, верно? А если это так, то пока Добро не взяло верх над Злом, конец в нашей сказке просто не может наступить. Мы вместе загадаем желание, вместе вернемся назад и вместе продолжим борьбу за свое «долго и счастливо». Доверься нашей сказке, Агата, просто доверься ей. А что именно нужно делать, мы поймем, когда настанет время. Сказка сама нам все подскажет.

– А как быть с Софи? – спросила Агата. – Что, если она нас не простила? И не простит? Тедрос ненадолго задумался, потом ответил:

– Что бы там ни натворила Софи, она все это делала только для того, чтобы быть ближе к нам. Ошибки? А кто из нас не совершал ошибок, не делал глупостей? Но как ни крути, а наша сказка – одна на троих, мы все неразрывно связаны друг с другом. – Он взглянул Агате прямо в глаза. – Так разве может Софи стать счастливой, пока не счастливы мы с тобой?

Агата притихла, обдумывая слова принца.

Задолго до того, как она познакомилась со своей лучшей подругой, Агата тайком зачитывалась сказками, которые покупала в магазине мистера Довиля. Она прибегала в магазин пораньше, когда в нем еще не было ни одного покупателя, и платила за книги монетками, которые мать давала ей на сладости. Из сборников сказок Агата усвоила урок, который казался ей слаще пирожных и шоколада, урок, который снова, и снова, и снова повторялся на страницах этих книг. Урок простой – не нужно сто раз переживать настоящую, искреннюю любовь, чтобы найти свое «долго и счастливо». Достаточно встретить такую любовь всего лишь раз в жизни. И тогда совершенно не важно, что весь город будет называть тебя чокнутой, или ведьмой, или вампиром. Сумей найти всего одного человека, который полюбит тебя, поймет твою несчастную душу, – ну тебя будет все, чем обладает каждая сказочная принцесса. Ну, разве что без дурацкого розового платья, светлых локонов-завитушек да отмытого хорошим мылом личика с коровьими глазами. Не велика потеря.

Потом они познакомились с Софи, и она стала для Агаты именно такой родственной душой. Стала подругой, рядом с которой Агата впервые в жизни почувствовала себя хорошо

и спокойно. Софи была человеком, который заботился о ней, пусть и втайне от всех. В свою очередь, Агата делала все для того, чтобы их дружба длилась вечно, и постоянно боялась, что Софи уведет у нее какой-нибудь парень... Боялась, боялась, а потом сама влюбилась в того парня. И тут все перевернулось с ног на голову, теперь уже Софи изо всех сил старалась удерживать парня и отодвинуть лучшую подругу в сторону. Возник ужасный любовный треугольник, и Софи в нем оказалась именно тем углом, который следовало удалить, оторвать. В конечном итоге Агата и Тедрос отделались-таки от нее, превратив треугольник в прямую линию, соединившую их. Принц и принцесса наконец нашли друг друга – все произошло в точности так, как описано в задвинутых глубоко под кровать Агаты сборниках сказок. Только вот эта самая линия получилась какой-то не слишком прямой, и вот теперь Агате приходится сидеть в потемках, все больше и больше чувствуя себя не принцессой, а прежней девчонкой с кладбища, и размышлять, на самом ли деле Софи была тем самым третьим углом, той самой силой, что разделяла их с Тедросом. А что, если Софи, напротив, была силой, которая удерживала Агату и Тедроса вместе?

Если бы не Софи, Агата никогда не открыла бы Тедросу свое сердце.

Если бы не Софи, она никогда не узнала бы, что такое любовь.

Если бы не Софи, Тедрос и Агата никогда не были бы вместе.

– Принцесса, ау! Что с тобой?

Агата подняла голову, с трудом выбираясь из своих мыслей, и взглянула в ожившее, загоревшееся лицо своего принца.

– Пойдем искать нашу лучшую подругу, – сказала она.

Тедрос моргнул, подобрался и спросил, пряча руку за спину:

– Значит, хочешь заново переписать нашу сказку?

Агата улыбнулась и ответила, пряча за спину руку:

– Да, я хочу заново переписать нашу сказку.

– Тогда... Раз, – сказал Тедрос, закрывая глаза.

– Два... – сказала Агата, закрывая свои.

Они одновременно выдохнули и в один голос произнесли, вытаскивая из-за спины спрятанные руки:

– Три...

Входная дверь дома распахнулась под ударом кованого сапога. Агата вздрогнула.

На пороге стоял стражник в черном плаще, с закрытым железной маской лицом.

Тедрос поспешно схватил Агату за руку, отодвинул девушку к стене и прикрыл ее своим телом. При этом он успел еще прихватить с кухонного стола острый разделочный нож и теперь угрожающе размахивал им перед стражником.

– Еще один шаг, и я глотку тебе перережу! – яростно выдохнул Тедрос.

Стражник хлопнул за собой дверь и громко прошептал в ответ:

– Прячьтесь! Живо! Оба!

Агата узнала блестящие в прорезях железной маски глаза и ахнула:

– Мама?!

– Прячьтесь немедленно! – взвизгнула Каллиса, приваливаясь спиной к двери.

Но Агата словно окаменела. Что происходит? Почему ее мать вломилась к себе домой в униформе стражи? Ведь Старейшины приказали городским стражникам найти и казнить Агату, объявив ее ведьмой!

– Я... Я не пони... – начала Агата, и тут за дверью послышались приближающиеся тяжелые шаги и грубые голоса...

Агата бросилась в спальню, потянув за собой Тедроса. Принц, очевидно, был удивлен не меньше Агаты, потому что от растерянности выронил нож. В спальне Агата нырнула под кровать и потянула туда же принца, который, в свою очередь, потянулся за оброненным ножом...

Входная дверь распахнулась, и Агата увидела, как двое ворвавшихся стражников схватили Каллису за руки и припечатали ее спиной к стене.

– Нет! – выдохнула Агата. Она рванулась вперед, и теперь уже Тедросу пришлось затаскивать ее назад под кровать. Агата нечаянно выбила нож из руки Тедроса, и они с ужасом увидели, как нож скользнул по полу и остановился, ткнувшись лезвием в каблук тяжелого кожаного сапога.

Медленно подняв глаза вверх, они увидели высокого крепкого стражника. Он оскалил зубы, сверкнув ими сквозь прорезь маски, затем вытащил откуда-то из-под плаща несколько яиц и принялся легко, как стеклянные шарики, катать их в своей громадной ладони.

– Когда я в первый раз увидел, как она крадет яйца, я подумал, что у нее нет денег, чтобы заплатить за них. Во второй раз снова решил, что она голодна. Но на третий... – Он швырнул яйца на пол, и они, треснув, растеклись по кирпичам. – На третий раз я решил все же узнать, для кого она их ворует.

Стражник шагнул вперед, рывком сдвинул кровать в сторону и оказался лицом к лицу с Тедросом. Принц поднял вверх свое единственное оружие – сжатые кулаки. Стражник презрительно усмехнулся.

– Если хочешь, давай сразимся как мужчина с женщиной, – сказал Тедрос. – Но не вздумай тронуть мою принцессу.

Стражник повернул голову и долгим взглядом окинул выглядывавшую из-за спины принца Агату.

Затем, не сводя глаз с девушки, небрежным жестом отшвырнул Тедроса в сторону и, хрустя раздавленной яичной скорлупой, вплотную подошел к Агате.

А потом снял с лица маску.

– Вот и пришел тебе конец, лгунья! – грозно прорычал Стефан.

Тюремная клетка на повозке была рассчитана на одного заключенного, но Стражники запихнули в нее всех троих, поэтому Агате пришлось тесно прижаться к матери, умудряясь при этом держать на руках Потрошителя, а Тедрос скорчился в углу, уставившись в пустоту застывшими глазами. Когда в доме началась свалка, Агата просила Тедроса не сопротивляться – но разве будущий король Камелота может сдаться без боя каким-то простолюдинам? Да он сейчас этих шестерых – голыми руками...

Будущий король явно переоценил свои силы.

Агата прижимала к себе Потрошителя, держась за ржавые прутья клетки, которую немилосердно трясло, пока повозка спускалась по заснеженному Кладбищенскому холму. Стефан сидел на козлах, правил лошадью, а внизу, на освещенной зажженными факелами деревенской площади, уже начинала собираться толпа.

– Так вот какое наказание придумали тебе за мой побег Старейшины! – сказала Агата, обращаясь к матери. – Заставили тебя стать стражником. Потому-то стража никогда и не обыскивала наш дом. Понятное дело: кого у тебя искать, если ты сама одна из них, сама защищаешь свой город от своей собственной дочери!

Взглянув на приближающийся эшафот с грудой хвороста и столбами, Каллиса побледнела, затем перевела взгляд на Агату:

– Когда люди объявили тебя и Софи виновными в нападениях на Гавальдон, Старейшины назначили меня и Стефана командирами нового патруля и отдали приказ схватить тебя на месте, если только ты осмелишься сунуть сюда свой нос. Это было, разумеется, своего рода проверкой нашей со Стефаном благонадежности. Выбор, который нам предложили, был невелик – либо мы клянемся поймать наших детей, если они здесь объявятся, чтобы их отправили на костер, либо отправят на костер нас самих, – Каллиса внимательно посмотрела на дочь

и добавила: – Разница между мной и Стефаном в том, что он, в отличие от меня, слишком серьезно отнесся к своей клятве.

– Но как мог Стефан предать свою дочь?! Ведь это Старейшины предали Софи, намеренно отдали ее пришельцам из леса. Старейшины – исчадия ада! Почему он подчинился им?

Но тут повозка вкатилась на освещенную факелами и лунным светом площадь, и ответа на свой вопрос Агата не дождалась. В толпе она увидела Онору – она стояла с краешку со своими маленькими мальчиками, Якобом и Адамом, и оттуда следила за Стефаном. Агата знала, как много значат для отца Софи эти мальчишки. Стефан любил их, пожалуй, намного сильнее, чем свою собственную дочь. Однако сейчас ее внимание привлекли не мальчишки, а золотое обручальное кольцо, сверкнувшее на безымянном пальце Оноры. Так вот оно что!

– Он был вынужден подчиниться им, – тихо сказала Каллиса. – Старейшины заставили Стефана выбирать между своей старой семьей и новой.

На это потрясенная Агата смогла лишь молча покачать головой.

– Пустите меня! – раздался откуда-то снизу сердитый голос, и Тедрос, с трудом поднявшись на ноги, втиснулся между Агатой и ее матерью, заставив их вжаться в прутья клетки.

– Они пробудили во мне зверя! – продолжал кипятился Тедрос, пытаясь разлепить веки своего подбитого глаза. – Никто из этих грязных мужиков не посмеет поднять на нас руку!

Наивный принц!

Дверь клетки распахнулась, двое Стражников бесцеремонно вытащили Тедроса наружу, ловко заткнули ему рот какой-то грязной тряпкой и, схватив под руки, поволокли к эшафоту. Затем таким же не слишком вежливым способом двое других выпихнули из клетки Каллису. Когда же пришла очередь Агаты, всех опередил Стефан. Он сам помог ей выйти из клетки, сам же повел сквозь толпу, кричащую «Ведьма!», «Предательница!» и швыряющую в принцессу снегом, грязью, объедками и другой подвернувшейся под руку дрянью.

– Послушай, Стефан, Софи нужна наша помощь, – негромко взмолилась Агата. – Я знаю, теперь у тебя новая семья, но не можешь же ты отказаться от нее...

– Отказаться?! Ты думаешь, я отказался от нее?! От моей единственной дочери?! – вскипел Стефан, втаскивая Агату на эшафот вслед за Тедросом, брыкавшимся и поносившим на чем свет стоит своих конвоиров. – Это ты предала ее, Агата. Обещала мне, что спасешь Софи, вернешь ее домой, а вместо этого бросила мою девочку... там. Ничего, скоро ты получишь по заслугам, ведьма!

– Стефан, мы все еще можем спасти ее! – захлебываясь, проговорила Агата. – Тедрос и я!

– Я всегда думал, что моя дочь в один прекрасный день бросит тебя ради парня, – сказал Стефан. – К моему сожалению, все вышло ровным счетом наоборот.

Он вывел Агату на эшафот и привязал ее длинной веревкой к столбу. Ко второму столбу конвоиры привязали Тедроса. Над головами осужденных на казнь жарко потрескивали зажженные факелы.

– Стефан, ты должен поверить мне! Мы единственная надежда Софи...

Стефан заткнул рот Агате кляпом, но в последний момент девушка успела шепнуть:

– Она попала в руки Директора школы!

Стефан замер и взглянул в лицо Агате округлившимися синими глазами. Крики в толпе резко оборвались, и по наступившей тишине Агата поняла, что конец уже близок.

У эшафота появились Старейшины.

4. Смерть на эшафоте

– Боюсь, места на костре хватит только для двоих, – усмехнулся поднявшийся на помост Старейшина в сером плаще и с длинной седой бородой. Свою шляпу-цилиндр он держал в руке. Затем Старейшина нашел глазами Каллису – собственно, что было ее искать? Она стояла перед самым эшафотом, и ее крепко держали за руки двое молодых дюжих стражников в серых плащах и высоких черных шапках. – Что ж, тогда дадим матери возможность полюбоваться, как горит ее дочь, а уж потом сожжем и саму старую ведьму, – задумчиво проговорил Старейшина и махнул рукой стражникам. Они оттащили Каллису в сторону, подальше от эшафота.

Агата заметила тень, отделившуюся от матери и метнувшуюся в направлении Кладбищенского холма. Потрошитель. В зубах у него была зажата трепыхавшаяся на ветру полоска, издавала похожая на клочок пергамента.

Девушка дергалась, безуспешно пытаясь ослабить веревки, которыми она была привязана к столбу. От этих усилий и от жара горящего над головой факела на лбу у нее выступили капельки пота. Агата с сожалением и горечью думала о том, что, приди ее мать в дом на пару секунд позже, они с Тедросом успели бы вернуть себе магическую силу и были бы сейчас далеко-далеко отсюда – в Бескрайних лесах, а ее мать была бы в безопасности. Сглатывая слезы, Агата искала глазами Каллису, но не находила ее в казавшейся мечущимся морем теней толпе. Толпа. Люди. Земляки, черт их побери! Они с самого рождения называли Агату ведьмой, грозились сжечь ее на костре. Что ж, сегодня их заветные мечты сбудутся. Правда, внимание зевак привлекала сейчас не только Агата, но и ее принц. В переднем ряду в толпе стояли несколько розовощеких мальчишек и девчонок, они во все глаза пялились на Тедроса, прижимая к груди сборники сказок, со страниц которых пришел в их город этот самый настоящий сказочный принц.

– Но мы, конечно же, не дикари какие-нибудь, – сказал Старейшина, поворачиваясь к Агате и Тедросу. – Правосудие совершится только в том случае, если будет доказано преступление.

Толпа недовольно и нетерпеливо загудела. Всем хотелось поскорее увидеть огненное шоу да пораньше разойтись по домам, чтобы лечь спать.

– Давайте познакомимся с нашим гостем из Бескрайних лесов, – Старейшина окинул Тедроса бойким, почти веселым взглядом. – Как вас зовут, юноша?

– Только троньте ее, и я убью вас! – яростно выкрикнул в ответ принц.

– Вот как? Понимаю, – усмехнулся Старейшина и продолжил, уставившись взглядом в пустоту, куда-то между Агатой и Тедросом: – Что ж, две сотни лет пришельцы из Бескрайних лесов приходили сюда, похищали наших детей, разлучали наши семьи, разрушали и сжигали наши дома. Две сотни лет пришельцы из Бескрайних лесов приносили сюда ужас, боль и стра-

дание. И вот теперь перед нами впервые стоит пойманный и связанный пришелец из тех мест и пытается защитить одну из наших горожанок. Благородно, благородно... Неожиданный поворот... – Старейшина перевел взгляд на Тедроса, с него на Агату и мягким, вкрадчивым тоном продолжил: – Что поделаешь – любовь! Пылкая юношеская любовь! Только каменное сердце способно остаться к ней равнодушным. Так, может быть, милосердие станет достойной наградой за эту любовь?

Толпа недовольно загудела, требуя не милосердия, но казни, и поскорей. К чему тянуть резину, если все известно наперед? Старейшина на эти крики никак не реагировал, продолжая спокойно, с улыбкой, смотреть на Агату.

– Вы сохраните нам жизнь? – спросил Тедрос.

Сердце Агаты бешено застучало – неужели принц своей любовью действительно спасет их?

Старейшина тронул грудь Тедроса дрожащей ладонью, и принц поморщился, потому что его рана все еще давала о себе знать.

– Вы молоды, красивы, у вас еще вся жизнь впереди, – проворковал Старейшина. – Расскажите все, что вам известно о тех, кто нападает на наш город, и я обещаю, мы вас не тронем.

Теперь сердце Агаты сжалось от ужаса. Тон. Воркующий тон. Она узнала, вспомнила его. Именно таким тоном Старейшина обещал Софи спасти, укрыть ее от лесных налетчиков...

Обещал перед тем, как отправить ее на верную смерть.

Агата прижала свой кулак к ребрам Тедроса. Нет, принц не должен, не может участвовать в этой мерзкой, гнусной игре!..

– Тедрос, – сказал принц, отвечая на самый первый вопрос Старейшины. – Меня зовут Тедрос.

Агата еще сильнее надела на бок принца.

– А откуда вы знаете нашу милую землячку Агату, Тедрос? – еще слаще пропел Старейшина, наклоняясь ближе к принцу.

– Она моя принцесса, – торжественно объявил Тедрос, осторожно отпихивая от себя кулак Агаты. – Очень скоро она станет королевой Камелота и породнится с династией короля Артура. Полагаю, что вы должны немедленно освободить нас.

Толпа притихла, не веря своим ушам. Детишки еще крепче прижали к себе сборники сказок. Рыжеволосый Рэдли оглядел Агату, шмыгнул своим сопливым носом и пробормотал:

– Похоже, всех более-менее приличных девок в Бескрайних лесах уже расхватили.

– Настоящий живой принц! – пропел Старейшина, отступая на шаг, и Тедрос впервые посмотрел на него с некоторой настороженностью, словно пытаясь разобраться в поведении людей из нового, незнакомого и непонятного ему мира. – И за что же нам оказана столь высокая честь?

Агата забарахталась у своего столба, пытаясь привлечь к себе внимание Тедроса.

– Я везу принцессу в свой замок в Бескрайних лесах, – торжественно объявил Тедрос, не сводя глаз со Старейшины. – И мы не представляем для вас никакой опасности. Ни малейшей.

– Никакой. Хм. И тем не менее всего несколько месяцев назад наш город подвергся нападению, и как раз из Бескрайних лесов, – сказал Старейшина, и толпа за его спиной громко зашумела. – Мы до сих пор приходим в себя и восстанавливаем дома, разрушенные во время тех атак.

– Больше нападений не будет, – заверил Тедрос. – Отныне ваш городок в полной безопасности.

Агата наступила Тедросу на ногу. Принц ногу убрал.

– Да неужели? В самом деле? Вы что же, обладаете даром предвидения? – принялся ерничать Старейшина, красуясь перед хохочущей толпой. – Откуда вам известно о дальнейшей

судьбе нашего, как вы изволили выразиться, городка? О том, что нападений больше не будет? Поделитесь, прошу вас!

Агата замычала сквозь кляп, пытаясь остановить принца. Напрасно.

– Нападений на ваш городок больше не будет, потому что я так приказал! – выпалил Тедрос.

На площади воцарилась тишина. Агата тяжело обвисла на своей веревке. Это конец.

Старейшина какое-то время молча смотрел на Тедроса, затем зловеще ухмыльнулся и сказал, потирая руки:

– Ну что ж, кажется, мы услышали от нашего дорогого гостя все, что хотели узнать. – И, проходя по эшафоту мимо Стефана, коротко распорядился: – Ведьму сжечь первой.

Толпа радостно загудела и придвинулась ближе к костру.

Тедрос повернул голову к Агате, увидел выражение ее лица и крикнул в спину Старейшине:

– Но ты же обещал освободить нас! Он обещал!

Спускавшийся по ступеням эшафота Старейшина оглянулся и бросил в ответ:

– В каждой сказке должна быть мораль, не так ли, мой юный принц? Возможно, мораль вашей сказки состоит в том, что нельзя верить сказкам в таком... э... зрелом, как у вас, возрасте.

Тедрос изо всех сил рванулся, пытаясь разорвать веревки и поливая отборной бранью и Старейшину, и стражников. Веревки он не разорвал, только ту же затянул их на себе. Агата тем временем искала взглядом мать, но никак не могла найти ее. Она обернулась к Стефану и умоляюще взглянула на него.

Стефан пристально смотрел на Агату, но не трогался со своего места на дальнем краю эшафота.

– Какие-то проблемы, Стефан? – спросил Старейшина, уже спустившийся на землю и стоящий теперь перед толпой.

Стефан продолжал все так же смотреть на Агату.

– Или ты хочешь, чтобы мы заменили этих осужденных членами твоей новой семьи? – Старейшина указал рукой в сторону.

Стефан резко повернулся, увидел Онору, Якоба и Адама в окружении стражников и до крови прикусил губу. Он помрачнел и, опустив голову, подошел к Агате – смотреть ей в лицо он больше не мог. Встав рядом с девушкой, он снял с высокой подставки горящий факел.

Агату обдало жаром, от едкого дыма заслезились глаза. Она слышала приглушенный голос Тедроса, бормотавшего себе под нос ругательства, крики собравшейся поглазеть на казнь толпы, но все эти звуки перекрывало адское шипение пламени. Сквозь слезы Агата видела размытую фигуру Стефана с факелом в руке...

– Пожалуйста! – промычала в свой кляп Агата.

Стефан по-прежнему не смотрел на нее. У него тряслись руки, факел дрожал, роняя искры, прожигавшие крохотные дырочки в платье Агаты.

– Стефан... – угрожающим тоном поторопил Старейшина.

Стефан кивнул. По его щекам поползли слезы. Люди в толпе замолчали, затаив дыхание они следили за тем, как факел Стефана медленно наклоняется к груди хвороста. Еще секунда – и язычки пламени лизнут самые первые, тонкие прутики и огонь начнет расти, разбегаясь вширь и ввысь...

– Возьмите меня! – прорезал тишину пронзительный крик Каллисы. – Стефан, прошу тебя! Дай мне умереть вместо нее!

Стефан замер, держа зажженный факел так близко от лица Агаты, что едва не подпалил затыкавшую ей рот тряпку. С замиранием сердца Агата следила за Стефаном, пытаясь прочесть по его непроницаемому лицу, какое он примет решение.

Затем Стефан отступил на шаг назад и вопросительно посмотрел на Старейшину.

– Что ж, последнюю просьбу матери следует уважить, – усмехнулся Старейшина. – Спалите ведьму вместе с ее дочерью-предательницей у одного столба. Они заслужили право вместе испытать смертные муки.

От этого жуткого приказа Старейшины оторопели даже самые кровожадные зрители.

А Старейшина окинул Стефана грозным взглядом, поджал свои и без того тонкие губы и негромко, но властно распорядился:

– Пошевеливайся, пошевеливайся!

Агата вытолкнула языком ссохшийся от жаркого пламени кляп и во весь голос закричала:

– Нет!

Стражники выхватили Каллису из толпы, втащили на эшафот и привязали к столбу рядом с дочерью. У соседнего столба бился Тедрос, все еще пытаясь разорвать свои веревки. Разумеется, безрезультатно.

– Это я виновата, я... – всхлипнула Агата. – Это только моя вина...

– Закрой глазки, милая, – сказала Каллиса, сдерживая слезы. – Все это скоро кончится.

Агата подняла взгляд и увидела, что факел в руке Стефана больше не дрожит. Невозмутимо спокойный, Стефан приблизился к их с матерью столбу, без колебаний протянул горящий факел вперед, готовясь опустить его на хворост костра. Затем встретился наконец взглядом с Агатой и негромко сказал:

– Если вдруг встретишь вновь мою дочь там, в ином мире... Передай ей, что я люблю ее.

– Быстрее, Стефан, ну что ты возишься! – донесся снизу недовольный голос Старейшины.

Похолодев от ужаса, Агата схватила Тедроса за руку и прижалась головой к материнскому плечу. Теперь Стефан перевел взгляд на Каллису, и его спокойствие как ветром сдуло.

– Прости... – дрожащими губами прошептал он.

– Когда-то ты спас мне жизнь, Стефан, – грустно улыбнулась ему Каллиса. – Я твоя должница.

– Я... не могу, – заколебался Стефан.

– Ты обязан, – твердым, как сталь, тоном, произнесла Каллиса.

– Ну же! – крикнул Старейшина.

Болезненно вскрикнув, Стефан бросил факел к ногам Каллисы. Агата дико завизжала...

Каллиса шевельнула стянутой веревками кистью, направив свой палец на пылающий у ее ног факел. Сверкнула зеленая вспышка: ударив в костер, она кометой срикошетила прямо в грудь Стефана и сбросила его с эшафота.

В тот же миг разгорающийся костер и привязанных к столбам пленников окружила высокая стена зеленого пламени.

Агата и вздохнуть не успела, а Каллиса уже освободила ее и Тедроса от веревок, перерезав их своим светящимся пальцем. Затем обняла дочь и прокричала ей, заглушая бушующий по ту сторону огненной стены шум толпы:

– Заклинание продержится недолго, поэтому слушай меня внимательно, Агата! Стефан все обо мне знал. С той ночи, когда ты ушла вслед за Софи, он начал придумывать, каким образом спасти вас обеих от Старейшин, если только, конечно, вы когда-нибудь вернетесь. Ради своей дочери Стефан был готов на все. Но когда ты возвратилась одна, без Софи, он решил отказаться от своего плана, чтобы не подвергать опасности свою новую семью. Впрочем, он по-прежнему верит в то, что вы нужны его дочери. И я его должница, Агата. Верни этот долг за меня. Спаси Софи – так же, как Стефан когда-то спас меня. Ты должна сделать это, слышишь? Не подведи меня! А теперь бегите на Кладбищенский холм – бегите со всех ног, так быстро, как только сможете...

– Так ты... ведьма?! – пробормотала Агата, у которой все поплыло перед глазами. – И была ведьмой все... все это время?

– Могила между двумя лебедями, – перебила ее мать. – Там вас будет ждать помощь. Вы должны успеть найти эту могилу, пока не станет слишком поздно.

Тедрос ошеломленно посмотрел на Агату, надеясь, что если не он, то хотя бы она понимает, о чем говорит Каллиса. Но Агата выглядела потрясенной, окаменевшей. Тогда Тедрос обратился к самой Каллисе:

– Кто? Кто там должен нас ждать?!

Только теперь он понял, что его принцесса не окаменела – она просто смотрела, как редет окружавшая костер стена зеленого пламени. Заклинание Каллисы теряло свою силу. Зеленое пламя стало уже полупрозрачным, и сквозь него Агата увидела Стефана.

Он стоял на земле, целый и невредимый, а к эшафоту со всех сторон уже сбегались стражники с пиками наперевес.

Каллиса обхватила ладонями лицо дочери и приказала:

– Когда побежишь, не оглядывайся назад, Агата. – Она нежно поцеловала ее в лоб и повторила: – Что бы ни произошло, обещай мне, что не станешь оглядываться!

Агата, зарывав, схватила мать за руку, но принц уже тащил свою принцессу к краю эшафота, подальше от приближающихся стражников. Затем Тедрос крепко обхватил Агату за талию, и они вместе спрыгнули вниз.

Освещенная бледнеющим зеленым светом, Каллиса печально улыбнулась, глядя вслед дочери.

Прыжок с эшафота оказался для Агаты неудачным, она подвернула лодыжку. Тедрос помог своей принцессе подняться, обхватил за талию и потянул в сторону кладбища.

– Нет... Я не могу оставить ее... – хрипела Агата, пытаясь оглянуться.

– Не оборачивайся. Делай, что приказано! – прикрикнул на нее Тедрос. – Верь своей матери, Агата! Она не стала бы ничего говорить просто так. Она же ведьма. Могущественная и проницательная колдунья. Мы должны выполнить ее волю – и спастись.

Услышав за спиной крики стражников, Агата, преодолевая боль в ноге, прибавила шаг. Смотрела она теперь только вперед, да еще иногда по сторонам. «Только не оборачивайся, – твердила она себе. Тедрос тянул ее вперед, сжимая ладонь как в тисках. – Только не смотри назад...»

И все же Агата не выдержала, обернулась – и увидела троих стражников. Они уже перепрыгнули через стену угасающего зеленого пламени и готовы были проткнуть Каллису пиками. Мать спокойно смотрела на них, гордо подняв подбородок.

– Что она делает?! – ахнула Агата, обмирая от ужаса.

– Агата, не смей! – крикнул Тедрос.

Она вырвала свою руку и бросилась назад, крича:

– Что ты делаешь, мама?!

– Убейте ее! – донесся издали голос Старейшины.

Каллиса вскинула руки вверх, словно подзывая стражников к себе.

Они выбросили вперед пики, и Каллиса упала замертво.

– Не-ет!!! – закричала Агата, падая на колени у подножия заснеженного Кладбищенского холма. У нее все поплыло перед глазами, сердце остановилось. Она смутно различала прыгающие по эшафоту освещенные бледными отблесками зеленого огня тени. Потом догорели последние зеленые язычки пламени, и эшафот погрузился в темноту.

– Она позволила им... – прошептала Агата. – Она позволила им убить себя. Почему?!

Понемногу Агата начала воспринимать окружающий мир – он с трудом пробивался сквозь переполнявшие ее голову мысли о матери... О том, что у нее больше *нет* матери...

Нет больше семьи, нет дома, нет самого родного человека на свете, который всегда поймет тебя... Вместе с горечью утраты Агату все сильнее охватывала жгучая, слепящая ярость. Почему Каллиса дала себя убить?! Разве могут несколько обычных мужчин тягаться с ведьмой?

Нет, конечно же! Тогда почему мать не наложила на них еще одно заклятие? Такое, которое разорвало бы этих стражников в клочья! Агата заплакала, и продолжала плакать до тех пор, пока между всхлипываниями не начала слышать свое собственное имя...

Она подняла голову. Перед ней стоял красивый юноша с синяком под глазом – в первый момент Агата даже не узнала его и лишь потом поняла, что это Тедрос. Он нервно указывал пальцем куда-то за его спину. Она обернулась.

С площади вслед за ними бежали шестеро стражников с зажженными факелами и пиками.

– Нужно спешить, Агата, – хрипло выдохнул Тедрос. – Бежим, немедленно!

Агата не отозвалась, продолжая повторять, раскачиваясь вперед и назад:

– Как она могла... Почему она позволила им...

– Она это сделала, чтобы спасти тебя, Агата! – взмолился принц, глядя на приближающихся стражников. – И твоя мать, и отец Софи сделали все, чтобы спасти нас. Но если мы сейчас же не двинемся дальше, их усилия и жертвы будут напрасны.

Агата заглянула в полные тревоги глаза принца, и только теперь ей вдруг все-все стало ясно. Ее мать не хотела, чтобы дочь оставалась с ней. Не хотела, чтобы Агата возвращалась в Гавальдон. Она хотела совсем иного – чтобы дочь спасла лучшую подругу, чтобы нашла счастье с принцем... Потому-то Каллиса и решила добровольно покинуть этот мир, переселившись в другой, далекий-далекий...

Она ушла, потому что здесь ее не ждал счастливый конец.

Она ушла, чтобы не связывать руки своей дочери.

Не подведи меня...

Нет, она ее не подведет!

Нужно спастись.

Агата подняла голову, увидела приближающихся стражников с горящими факелами в руках, вскочила на ноги и рванула вверх по склону Кладбищенского холма:

– Вперед! Спрячемся от них среди могил!

Тедрос бросился следом за ней.

Несмотря на темноту, Агата легко двигалась среди надгробий – это кладбище она знала как свои пять пальцев. Тедросу было сложнее, он то и дело натыкался на какой-нибудь памятник и чертыхался при этом так, что, наверное, даже могильные черви в испуге расползались под землей.

Агата уводила принца все дальше, в глубину кладбища. Старейшины лишили ее матери, но своего принца она им не отдаст. Ни за что!

– Могила между лебедями, – тяжело пыхтел Тедрос за спиной Агаты. – Она сказала, что там нас будет ждать помощь...

– Да, между лебедями, – пробормотала в ответ Агата. – Только на нашем кладбище сроду никаких лебедей не было...

Тедрос обернулся, увидел, что стражники уже взобрались по склону холма и они уже совсем близко.

– Тридцать секунд, Агата! – воскликнул принц. – У нас на все про все есть тридцать секунд, не больше!

Агата лихорадочно осматривала надгробные плиты и памятники в поисках лебедей.

– Я даже не знаю, что должна искать! – воскликнула она.

– Двадцать секунд! – крикнул в ответ Тедрос.

Лебеди! Какие еще лебеди?! Откуда?! В Гавальдоне водятся только куры и голуби. Агата и не видела никогда в жизни живого лебедя. Тем более – откуда лебедям взяться здесь, на кладбище?

Но где-то же она видела лебедей! Где?

А, вот где! Конечно! Герб школы Добра и Зла, на нем как раз изображены два лебедя – черный и белый... Они символизировали равновесие, которое поддерживали между школами два их директора, два брата... Один брат стоял на стороне Добра, второй – на стороне Зла...

Стоп! Если Каллиса была колдуньей, ведьмой и знала про лебедей, олицетворяющих Добро и Зло... Так вот откуда ей было столько известно о сказочном мире! Она наверняка видела школу Добра и Зла своими глазами...

– Десять секунд! – прозвенел напряженный голос Тедроса.

Агата закрыла глаза, попробовала сосредоточиться.

Лебеди... Школа... Стефан...

«Ты спас меня когда-то», – прошептала ему Каллиса.

Что это означает? Что связывало ее мать с отцом Софи и какое отношение к этой связи имеют лебеди? Что же могло их связывать? Что? Или, быть может, кто?

Агата резко открыла глаза и бросилась бежать.

– В чем дело? – закричал Тедрос, устремляясь следом за ней, легко скользящей среди могил к стоявшему на Кладбищенском холме дому.

– Здесь! Это где-то здесь!

Тедрос старался не отставать, ловя взглядом мелькающую в темноте слабую серую тень – силуэт Агаты. Однажды принц оглянулся назад, и, как оказалось, сделал это очень вовремя – стражники буквально наступали ему на пятки. Тедрос, успев нырнуть за какой-то памятник, притаился, и стражники проскочили мимо, освещая себе путь факелами.

– Да здесь, пожалуй, хуже, чем в Бескрайних лесах, – чуть слышно пробормотал принц себе под нос, выбираясь из укрытия и вновь устремляясь за Агатой. – И причем намного хуже, черти бы побрали этот городок!

Агату он увидел почти сразу – она склонилась над могильными плитами, лежащими совсем рядом с ее домом, буквально в первом или втором ряду. Тедрос подбежал, опустился на снег рядом со своей принцессой и тяжело выдохнул:

– Они приближаются, Агата!

– Мать Софи. Вот кто их объединял, – произнесла Агата, обхватывая торчащий из земли надгробный камень с выбитой на нем надписью «Любимой жене и матери».

Справа и слева от камня виднелись две маленькие надгробные плиты, одна светлее, другая темнее.

– Прежде чем на свет появилась Софи, у ее матери были два мальчика, но оба они родились мертвыми.

Агата провела рукой по маленькой надгробной плите, той, что посветлее, пытаясь стереть слой снега, мха и грязи. Имени на плите не было, вместо него на камне был высечен маленький черный лебедь. Тедрос быстро протер вторую плиту, на ней вместо имени был высечен лебедь белый. Затем принц и Агата повернулись к большому надгробному камню, стоявшему между лебедями.

– Родив двух мертвых сыновей, мать Софи пришла за помощью к моей матери. Об этом мне рассказывала сама Софи, – сказала Агата. – Каким-то образом все это связано друг с другом. Мать Софи... Моя мать – колдунья... Ее долг перед Стефаном... Я не понимаю, что это за связь, но она точно здесь есть...

Свет факелов приближался.

Агата и Тедрос ничком упали на землю и осторожно приподняли головы – стражников отделило от них всего каких-то пять рядов могил.

– Мы нашли лебедей. Нашли могилу, – прошептал Тедрос. По его тону было заметно, что принц близок к панике. – А где же помощь?

– Без магии нам со стражниками не справиться, – покачала головой Агата. – Нам нужно загадать желание, Тедрос!

– Пожелаем переписать нашу сказку на счет «три», договорились? – спросил принц. – Прячем руки за спину...

Он не договорил, потому что кончик пальца на его правой руке уже светился золотистым огнем.

Агата посмотрела на свою правую руку. Палец на ней тоже переливался, горел золотом.

– Успела загадать желание? – спросил Тедрос.

Агата отрицательно покачала головой.

– Я тоже еще не загадывал, – удивился Тедрос. – Но почему тогда зажглись наши пальцы?

Свет факелов упал на их лица.

– Вот они! – закричал Стражник. – Сюда! Скорей! Они здесь!

Серые фигуры с факелами в руках были уже на расстоянии нескольких шагов.

– Может быть, потому, что еще там, в доме, моя мать не помешала сбыться нашему желанию. А если это так, то мы давно уже вернулись в свою сказку, Тедрос. Вернулись еще в тот миг, когда стражники нашли нас...

– И это означает, что в конце нашей сказки мы должны умереть, Агата? – спросил Тедрос, глядя на направленные на них с принцессой пики.

Агата и Тедрос крепко взяли друг друга за руки и попятились назад...

... И тут из расположенной между двумя маленькими надгробными плитами могилы поднялась бледная призрачная рука. Она схватила принца и принцессу и утянула их за собой.

5. Возвращение принцессы

Могилы, как известно, предназначены для мертвецов, которым не нужно видеть, не нужно дышать, и ходить в туалет тоже не нужно. Но Агата была жива, и ей требовалось и первое, и второе, и третье. Запертые под землей, во тьме, они лежали с Тедросом в яме, где стоял тяжелый запах сырой холодной земли. Сжимая вспотевшую ладонь принца, Агата не видела его лица, слышала только частое, тяжелое дыхание.

– Дыши пореже, скоро весь воздух кончится! – зашипела на него Агата.

– Это могила... А в могилах всегда лежат эти... м-м-мертвецы...

Агата представила рядом с собой окоченевший труп, и ей тоже стало не по себе.

– Д-да, – тоже заикаясь от страха, прошептала она. – Мать Софи... Это ведь она нас сюда... затащила?

– Ага... Ни черта не видно... Но она должна быть где-то здесь, рядом...

– Магия, – прохрипела Агата. – Используем магию!

Тедрос нервно сглотнул, сосредоточился, и вскоре его палец загорелся золотистым огнем, похожим на огонек свечи. Из темноты возникли стены неглубокой могилы, своими размерами напоминающей двуспальную кровать. Палец Агаты тоже засветился. Дрожа и прижимаясь друг к другу, они с Тедросом медленно осмотрелись по сторонам.

Грязная черная земля.

Никакого мертвого тела. Никакого скелета...

Земля, только земля.

– Где же она? – пробормотала Агата, скатываясь с Тедроса, на котором она лежала. Тедрос негромко застонал, заслоняя рукой рану на груди, которую задела Агата, и повел пальцем, освещая свою, правую половину могилы. Никого и ничего, если не считать двух навозных жуков, дерущихся в углу из-за шарика навоза. Агата тряхнула головой, повела светящийся палец влево, и...

... и оба они замерли от страха.

На них сквозь прорези в черной маске ниндзя смотрели два глаза. Живых. Ярких. Карих.

Агата и Тедрос открыли рты, чтобы дружно закричать, но черная фигура погрозила им пальцем и прошептала:

– Тсс! Они вас услышат!

– А вы... – так же шепотом спросил Тедрос. – Вы, наверное... матушка Софи?

– Глупости какие! – негромко хмыкнул ниндзя. – Нет, я не мать Софи. А теперь – тихо!

Агата напряглась. Этот голос показался ей знакомым. И хмыканье тоже. Где же она могла их слышать? Девушка попыталась поймать взгляд Тедроса, чтобы понять, знаком ли этот голос принцу, но тот уткнулся лицом в черный плащ ниндзя и лихорадочно бормотал:

– О, слава Небесам! Представляете, я целый месяц просидел взаперти в самом тесном, самом грязном и неудобном домишке, который только можно себе представить! Потом меня едва не сожгли на костре. Затем чуть не проткнули пикой. Наконец затащили в эту могилу. Как хорошо, что вы появились здесь! Ведь вы вытащите нас отсюда? Нам очень, очень нужно попасть в школу Добра и Зла, чтобы освободить нашу лучшую подругу. Вы, наверное, знаете, где эта школа? На полпути между Бормочущими горами и...

Ниндзя заткнул ему рот своим кулаком:

– Я знаю котов, которые умеют слушаться лучше, чем вы! Сказано же было – тсс!

– Вы просто не представляете, что с нами случилось, – вступилась за своего принца Агата.

Над их головами раздался громкий треск, словно сверху кто-то вонзил в могилу тяжелый меч. На лица Агаты и Тедроса посыпались мелкие комья земли.

– Ищи их, – долетел приглушенный грубый голос, затем последовали новые удары. Земляной потолок могилы зашатался. – Перехвачено сообщение от Лиги Тринадцати. В нем сказано, что они появятся из могилы.

У Агаты все внутри похолодело. Доносившийся голос явно не принадлежал никому из Старейшин.

– Слишком расплывчато. Не указана конкретная могила, а их здесь тысячи. Ух, как я проголодался! – ответил второй, низкий и невнятный голос. – Между прочим, не понимаю, почему нам нельзя переписать свои истории, как это делают все остальные, без того, чтобы копаться в могилах. И вообще, чем так уж важны эти двое?

– Они нужны Директору школы. Этого достаточно, – ответил первый, грубый голос, затем последовал новый сильный удар сверху. – Найдем их, и Директор тут же перепишет наши с тобой сказки!

Агата и Тедрос дружно повернули головы, чтобы посмотреть друг на друга. Люди Директора в Гавальдоне? Но как они смогли ускользнуть от стражников? Странно, очень странно. Потолок могилы вновь зашатался.

– Как ты думаешь, он разрешит нам в награду съесть этого всегдашника? – невнятно спросил второй.

– Надеюсь. А может, и обоих, – ответил первый.

Сквозь пробитый насквозь потолок могилы просунулась громадная мохнатая лапа с острыми, как ножи, когтями, пошарила влево и вправо. Агата и Тедрос сжатыми кулаками заткнули себе рты, чтобы не закричать. Ниндзя прижал их обоих к дальней стене могилы. Изогнутые когти царапнули воздух, вскользь задев брюки Тедроса. Лапа еще немного пошарила в могиле, затем остановилась.

– Здесь никого нет, – прозвучал низкий голос. – Пойдем отсюда, перекусить пора! Если повезет, может, поймает вкусенького мальчишку в Дубовом лесу.

Лапа исчезла, затем послышались громкие тяжелые шаги.

Агата и Тедрос долго еще просидели неподвижно, жадно хватая ртами хлынувший сквозь пробитое в земле отверстие свежий воздух. Агата взглянула на Тедроса, проверяя, все ли с ним в порядке. Она ждала, что он ответит ей таким же обеспокоенным взглядом, но принц был занят – он рассматривал свои брюки. Убедившись, что они целы, он облегченно вздохнул и только тут заметил, что Агата нахмурилась.

– Что такое? – спросил Тедрос.

Агата хотела было ехидно спросить, что для него важнее – его принцесса или его драгоценные штаны, но замерла, услышав подозрительную тишину наверху.

– Тедрос, осторожнее! – воскликнула она.

Поздно! Сквозь потолок могилы вновь опустилась черная лапа, схватила Агату, и, оторвав ее от принца, потащила наверх.

Тедрос попытался ухватить Агату за ногу, но не успел – задрав вверх голову, он увидел, как огромная лапа уносит его принцессу в темное ночное небо. В этой лапе Агата казалась маленькой и беспомощной, как пойманный мышонок.

Взлетев высоко вверх, Агата увидела перед собой два желтых, налитых кровью глаза. Это оказался громадный тощий волк, стоящий на задних лапах. Мех и гнилая плоть на его черепе в некоторых местах отвалились, обнажив белые кости.

– Нет, ты только глянь! – хрипло воскликнул волк. – Принцессочка вернулась!

Агата побледнела. Что за чертовщина! Выходит, вот этот самый волк упоминал здесь минуту назад о Директоре школы? Но как он мог попасть в Гавальдон? И куда, в таком случае, делись стражники? Она попыталась оглядеться по сторонам, но в потемках не увидела ничего, кроме длинных рядов покосившихся надгробий. Агата попробовала зажечь палец, но волк слишком сильно сжимал ее руку.

– Сториан не пишет, мир умирает, армии воюют друг с другом – и все это по твоей милости?! – глухо прорычал волк, разглядывая бледную кожу и черные, как уголь, волосы Агаты. – Однако ты мало похожа на принцессу, мало! Скорее на скунса. Как же измелывали всегдашники за то время, пока меня здесь не было! Моя Красная Шапочка и то была симпатичнее. И аппетитнее...

Агата никак не могла понять, о чем толкует волк, но что касается ее внешнего вида... Да, после всего, что выпало на ее долю этой ночью, выглядит она, наверное, и вправду не очень.

– Если помнишь, связавшись с Красной Шапочкой, волк получил хороший урок, – предупредила Агата, помня о том, что ее принц должен быть где-то рядом. – Он напрасно бросил вызов Добру, в конце его сказки явился Охотник и разорвал волку живот.

– Разорвал живот? – забеспокоился волк.

– Ага. Причем голыми руками, – не моргнув глазом, громко солгала Агата, пытаясь тем самым подсказать Тедросу, где она.

– И что волк?.. Он умер?

– Умер, умер, еще как умер, – заверила его Агата. – Так что заруби это себе на носу и не дожидайся, пока за тобой явится мой Охотник!

– Он что, правда стал мертвый? Как полено? – еще больше взволновался волк.

– Мертвый, мертвый. Как полено, – подтвердила Агата, начиная сердиться на своего медлительного принца.

– Мертвый, мертвый, мертвый. Мертвый, как полено, – забормотал волк. – Ну хорошо, но если это правда, то почему... – он закатил к небу свои янтарные глаза. – То почему я все еще здесь?

Агата опустила глаза и увидела, как волк постукивает свободной лапой по грубо зашитому рубцу, пересекающему его брюхо. Кровь отлила от ее лица, и она тихо прошептала:

– Нет, это невозможно...

– Не возражаешь, если я его съем? – раздался грубый голос за спиной Агаты. Она повернула голову и увидела трехметрового сутулого лысого гиганта, который раскачивал в воздухе висящего вниз головой Тедроса. Это был огр, великан-людоед. Плоть на голове огра тоже местами отвалилась, обнажив синеватые кости черепа. Он пощупал Тедроса и добавил: – Давненько я не видел свежего мяса, с тех самых пор, как ко мне на бобовый стебель забрался тот мелкий придурок, Джек!

У Агаты перехватило дыхание. Съевший Красную Шапочку волк., убитый Джеком великан-людоед... живы?! Почему они живы?! Тедрос встретился взглядом с Агатой. По окаменевшему лицу принца было понятно, что он думает о том же самом.

– Я же говорил тебе, – недовольно проворчал волк. – Они нужны Директору живыми.

Великан печально вздохнул, но заметно оживился, когда волк, самодовольно ухмыльнувшись, добавил:

– Живыми-то живыми, но это не значит, что мы не можем откусить от них по кусочку-другому. Уж такую-то малость мы можем себе позволить, я полагаю?

При этих словах Агата и Тедрос дружно вскрикнули, а великан и волк так же дружно поднесли пленников к зубам, примеряясь, с чего начать.

– Вы сейчас совершаете большую ошибку, – прозвучал новый голос.

Великан и волк замерли с открытыми ртами и уставились на появившуюся фигуру в черном костюме ниндзя. Волк облизнулся. К чему довольствоваться легкой закуской, когда появилась более крупная дичь?

– Что ты имеешь в виду, безликий? – спросил он.

– Отпустите их, и я отпущу вас, – ответил ниндзя.

– А если не отпустим? – прогремел великан-людоед.

– Тогда вам придется худо.

– Странно... – заметил волк, придвигаясь к ниндзя и по-прежнему держа Агату в лапе. – Учитывая, что принц и принцесса у нас, выходит, ты один, а нас двое. Думаешь, справишься с нами?

Ниндзя медленно снял черную маску. В лунном свете показалось лицо с оливковой кожей и большими, слегка раскосыми глазами. Взметнулась на ветру копна темных блестящих волос.

– Ошибаетесь, – улыбнулась принцесса Ума.

Она пронзительно свистнула, и со всех сторон из темноты послышалось рычание. Задрожала земля. Рычание и топот приближались отовсюду – с севера и юга, с востока и запада. Великан и волк застыли в замешательстве, а затем поспешно бросили своих пленников. Оказавшись на земле, Агата подняла вспыхнувший палец вверх, и в ту же секунду из темноты появилось огромное стадо разъяренных животных.

Буйволы ринулись на огра и волка, перепрыгивая через упавших на землю Агату и Тедроса, выставив вперед свои острые рога. Следом за ними за дело принялись мустанги и медведи – начали бить врагов копытами и рвать их зубами и когтями. Когда Агата и Тедрос поднялись на ноги и осветили своими пальцами поле боя, оно уже опустело – буйволы, медведи и мустанги скрылись в темноте, преследуя великана и волка. Принцесса Ума свистом поблагодарила свою армию, та ответила ей радостным ревом и ржанием. Затем все стихло.

Агата повернулась к принцессе Уме, преподавательнице из школы Добра. Она всегда считала ее слабой и беспомощной – но вот гляди-ка!

– А я думала, вы погибли! – воскликнула Агата. – Эстер сказала, что декан Садер бросила вас умирать в Бескрайних лесах. Мы все думали, что вы мертвы...

– Чтобы специалист по общению с животными не смог выжить в Бескрайних лесах? Что за чушь! – Принцесса Ума повела светящимся пальцем, и ее черный костюм стал розовым, с вышитым над сердцем серебряным лебедем. – Даже твоя мать и то верила в меня больше, чем ты, а ведь мы с ней никогда не встречались.

– Вы... Вы знаете мою маму? – спросила Агата. Конечно, правильнее было бы сказать не «знаете», а «знали». От этой мысли Агате стало не по себе. Она не могла смириться со своей потерей.

– Да, хотя мы общались с ней только через ее переписку с Лигой, – ответила Ума.

– Лига? А что это за Лига? – вмешался в их разговор Тедрос.

– Лига Тринадцати, разумеется, – пожала плечами Ума. – В своем последнем письме она совершенно четко сообщила три вещи. Первое: мы должны защитить вас. Второе: мы должны доставить вас к Софи. И третье: найти вас мы сможем именно здесь.

Тедрос и Агата проследили за взглядом принцессы Умы. Она смотрела на пустую могилу, в которой когда-то лежала мать Софи... Только надгробный камень на ней стал теперь другим, не прямоугольным, а овальным, рассеченным посередине глубокой трещиной. И надпись на нем изменилась:

– Мать Софи звали Ванессой. В переводе это имя означает Бабочка, – припомнил Тедрос, глядя на камень. – Софи сама мне однажды об этом сказала, когда выдавала себя за Филипа.

– А мне Софи никогда не называла имя своей матери, – заметила Агата. Она чувствовала себя слегка задетой.

– Может быть, потому, что ты никогда ее об этом не спрашивала, – сказал Тедрос. – Только погоди... Раньше на памятнике ее имени не было. Там было выбито только «Любимой жене и матери»... – Он, прищурившись, оглядел ряды покосившихся надгробий. – Если мы на том же кладбище и на том же месте, все это очень странно. Не мог памятник сам собой измениться. И надпись на нем тоже...

– А если вы не на том же кладбище? – спросила принцесса Ума.

Агата и Тедрос повернулись к учительнице, и в тот же миг с ее пальца сорвался ослепительно-белый луч.

Он поднялся высоко в небо, и тут же, как по сигналу, со всех сторон взлетели светлячки – тысячи, тысячи светлячков. Они облаком повисли над головами всегдашников, озарили все вокруг своим мерцающим зеленоватым светом. Перед глазами принца и принцессы открылось огромное кладбище с тысячами покосившихся надгробий, раскинувшихся на пологом склоне. На секунду Агате подумалось, что их Кладбищенский холм каким-то волшебным образом сделался намного больше, но, взглянув за край кладбища, она увидела лес – сплошную стену из темных, высоко поднимающихся в небо деревьев.

Нет, они были не на Кладбищенском холме.

И вообще уже не в Гавальдоне.

– Мы в Бескрайних лесах! – выдохнула Агата.

Она внезапно подумала о целом море мертвых тел, которые покоятся прямо перед ней. Мелькнули в голове зловещие образы – стражники, пики, гибель ее матери... Агате стало дурно.

– Я здесь, я с тобой, – успокоил свою принцессу Тедрос, взяв ее за руку.

Его голос привел Агату в чувство. Она сглотнула накопившуюся во рту горечь, выпрямилась и крепче ухватилась за Тедроса, пытаясь внушить себе, что перед ней кладбище – кладбище, и больше ничего...

– Смелее, – сказал Тедрос, осматриваясь по сторонам. – Я уже бывал здесь когда-то.

– Всех студентов-первогодков объединяют в лесные отряды и приводят сюда собирать могильных червей, – кивнула принцесса Ума. – Наверняка с вами был гном Юба.

– Да, гном с нами был. Сад Добра и Зла, так он называл это место, – подтвердил Тедрос. – Здесь похоронены все всегдашники и никогдашники, имена которых упоминаются в каких-либо сказках.

Он оглядел освещенное облаком светлячков кладбище. Тысячи и тысячи могил виднелись вдали – с одиночными надгробиями и массивными склепами над могилами семейных пар всегдашников, неразлучных в жизни, и оставшихся вместе после смерти.

– Уголок Вечно Живых. Там покоятся величайшие сказочные герои, – сказал он. – За исключением моего отца, разумеется.

Агата ждала, что ее принц скажет дальше, но он повернулся к ней спиной.

– Очевидно, мы прошли сквозь могилу Ванессы, – предположил Тедрос. – Одна ее сторона находится в Гавальдоне, другая здесь, в Бескрайних лесах. Другого объяснения я просто не вижу. Но как твоя мать узнала, что могила Ванессы – это портал между мирами?

Агата вспомнила двух лебедей, черного и белого, по краям могилы матери Софи.

– Но даже если она откуда-то узнала об этом, как может могила Ванессы соединять миры?

– Вы задаете неправильные вопросы, студенты.

Агата и Тедрос повернулись к принцессе Уме, которая внимательно наблюдала за ними.

– Вы должны были бы спросить, почему ее могила пуста.

Тедрос обвел взглядом ту часть кладбища, где они сейчас находились. Здесь тоже были тысячи могил, но с треснувшими, покосившимися надгробиями, напоминающими гнилые зубы.

– Уголок Мертвых, – сказал он. – Место, где похоронены самые страшные злодеи.

– Выходит, мать Софи была никогдашницей? – спросила Агата.

– Согласно нашим исследованиям – нет. Лига Тринадцати вообще не располагает сведениями о том, что Ванесса из-за Дальнего леса когда-либо училась в школе Добра и Зла или упоминалась в какой-либо сказке. И о том, что ее тело было похоронено здесь, сведений тоже нет, – ответила Ума, собирая в карман вылезших из могилы серых червей. – И, тем не менее, ее могила существует, и расположена она среди захоронений наших самых знаменитых никогдашников.

– Вы постоянно упоминаете о своей Лиге, – сказал принц. – Но я никогда ничего о ней не слышал...

– Потому что и не должен был слышать, – ответила Ума. – Агата, я понимаю, что тебе сейчас очень больно вспоминать о своей матери, но все же я должна тебя спросить. Дело в том, что Каллиса не успела ответить Лиге на несколько важных вопросов. Скажи, ты можешь предположить, почему на надгробии в Уголке Мертвых выбито имя Ванессы? И где может на самом деле покоиться ее тело? Тебе мать ничего об этом не рассказывала?

– Я не понимаю, почему мы должны помогать Лиге, о которой совершенно ничего не знаем, – вклинился в их разговор Тедрос.

А у Агаты голова шла кругом. Ее мать была колдуньей, о чем не знал никто в Гавальдоне, включая ее собственную дочь. И Каллиса перемещалась между мирами, вот как! Да-да, если припомнить, то она соблюдала все требования, предъявляемые к никогдашникам, – никогда не выходила замуж, окружила себя таинственностью, жила отшельницей... Но если с Каллисой все более-менее понятно, то как быть с матерью Софи? Сама Софи отзывалась о ней исклю-

чительно в восторженных тонах, проклинала ее неверного мужа, сломавшего Ванессе жизнь. Мать Софи была страдальцей-женой, заботливой любящей матерью – ничего другого о ней, пожалуй, и не скажешь.

Так почему же тогда ее могила оказалась среди надгробий самых отъявленных сказочных злодеев? Агата думала, вспоминала... а затем вдруг воскликнула, широко распахнув глаза:

– Кладбищенский Смотритель, вот кто должен знать!

Она огляделась по сторонам, ища фигуру гиганта с голубой кожей и массой косичек-дредов. Уж он-то точно все знает про всех, кто здесь похоронен, он же сам копает здесь могилы и укладывает в них мертвецов!

– Хорт говорил, что Смотритель сам хоронит всех умерших, – продолжила Агата. – И никого при этом близко не подпускает. Иногда на похороны уходит очень много времени – вот и отец Хорта столько лет ждет, чтобы его положили в могилу. Поэтому Кладбищенский Смотритель не может не знать, почему здесь находится надгробье Ванессы... – Но кладбище выглядело пустынным, ни одной живой души вокруг, если не считать нескольких копошащихся на земле воронов. – Только где же он?

Агата замерла, когда увидела лицо Умы.

Затем присмотрелась к тому, чем заняты вороны.

Птицы копошились не на земле, они клевали огромное тело с голубой кожей, распростертое в грязи. Кости Кладбищенского Смотрителя были переломаны, горло разорвано, открытые глаза неподвижно уставились в небо.

Агата почувствовала, как Тедрос сжал ей руку своей горячей ладонью. Проследив за его взглядом, она увидела позади тела Кладбищенского Смотрителя сотни могил знаменитых злодеев и только сейчас заметила, что они раскопаны. А если эти могилы раскопаны, значит, лежавшие в них злодеи...

– Могилы пусты, – произнесла Агата. – Могилы злодеев пусты.

– Съевший Красную Шапочку волк с жутким шрамом на животе... Великан, которого убил Джек... И еще сотни, сотни других, еще более мерзких злодеев...

Агата побледнела, вспомнив слова волка о том, на кого они с великаном-людоедом работают.

– И теперь все они служат Директору школы.

– Сотни лет Зло проигрывало в каждой сказке, потому что на стороне Добра всегда была любовь, – заговорила стоявшая позади них принцесса Ума. – Любовь, и только любовь придавала Добру силы, указывала цель, выводила на правильный путь. Но счастливый конец в сказках был возможен только до тех пор, пока Зло не знало любви. Но времена изменились, студенты. Директор школы нашел девушку, которая полюбила его и которую полюбил он сам. Тем самым он доказал, что Зло умеет любить, а значит, имеет право переписывать сказки на свой лад. Теперь каждый прежний злодей получил шанс переписать свою сказочную судьбу. И они восстали из могил, чтобы сделать это.

По-настоящему полюбила Директора школы? Как такое возможно?! Агата тряхнула головой – это было выше ее понимания. Неужели нашлась девушка, которая смогла полюбить это чудовище?!

Агата вновь посмотрела на пустую могилу Ванессы, и сердце у нее тревожно сжалось.

– Погодите... Мать Софи... Пустая могила... Неужели она... Она?

– Она не была похоронена здесь, не забывай об этом, – напонила ей Ума. – Мы даже не знаем, было ли ее тело вообще где-нибудь похоронено. При этом Кладбищенский Смотритель выкопал могилу для матери Софи среди могил самых знаменитых некогдашников. Почему? Есть вопросы, на которые Кладбищенский Смотритель никому не должен был давать ответ – кроме, разумеется, Сториана. Почему он приготовил для Ванессы эту могилу? Ответ на этот

вопрос может стать ключом к пониманию того, как Директор школы смог выбрать свою новую королеву.

У Агаты похолодело сердце. В голове у нее теснились десятки вопросов – о своей матери, о матери лучшей подруги, о письмах и Лиге, пустых могилах и оживших злодеях... Но самым главным для нее был сейчас лишь один вопрос.

– Кто? – прошептала она, медленно поднимая голову. – Кто его новая королева?

Ума встретила взглядом с Агатой и твердым голосом ответила:

– Софи. Она приняла обручальное кольцо Директора. Она стала его истинной любовью.

Агата лишилась дара речи, но вместо нее заговорил Тедрос:

– Но... Но мы же пришли сюда, чтобы спасти Софи от него!

– И вы должны сделать это. Но это станет нелегкой задачей, – кивнула Ума. – Поцелуй Софи мог лишь вернуть Директора к жизни, но силу ему придает кольцо, надетое на палец его королевы. И пока Софи носит это кольцо, Директор остается бессмертным. Но все же это наваждение можно разрушить. Можно найти способ уничтожить Директора раз и навсегда. Вы – наша единственная надежда. – Голос Умы окреп, зазвенел. – Вы должны убедить Софи уничтожить кольцо Директора, причем сделать это собственоручно. Убедите Софи уничтожить кольцо – и вместе с ним навсегда исчезнет сам Директор школы.

Агата все еще была как в тумане.

– Только будьте осторожны, – добавила Ума. – Пока вы станете искать способ написать свое окончание «Сказки о Софи и Агате», Директор тоже будет искать способ закончить ее по-своему.

Тедрос заметил, что Агата смотрит в небо и уже не слушает принцессу Уму.

– И какое же окончание он хочет написать? – спросил он.

– Появление волка и великана не случайность, – мрачно сказала Ума. – Приближается война, сын короля Артура. И пока Софи носит на пальце кольцо Директора, все Добро находится в смертельной опасности. Либо вы с Агатой сумеете вновь склонить Софи на сторону Добра, либо Добро – в том виде, в каком мы его знаем, – исчезнет навсегда. Вот какое окончание сказки хочет написать Директор школы.

В висках Агаты бешено стучала кровь.

Когда-то они с Софи убили жуткого злодея, который их разлучил.

Теперь ее лучшая подруга отдала этому злодею свое сердце.

– Но Директор школы – воплощение Зла. И Софи знает об этом... А сама Софи больше не злая, – с трудом проговорила Агата, глядя на учительницу. – Как она могла захотеть связать с ним свою жизнь?!

– По той же причине, по которой решили связать свои жизни вы с принцем, – грустно улыбнулась Ума. – Чтобы быть счастливой.

Легким движением руки принцесса Ума погасила светлячков и поспешила вниз по склону холма, к темнеющему впереди лесу.

– Шире шаг, всегдашники! – позвала она, подцепляя на ходу еще пару могильных червей. – До школы два дня пути, и нам нужно найти Софи раньше, чем они вас обнаружат.

– «Они» – это кто? – спросил Тедрос, спеша вслед за Умой.

– Как это «кто»? – бросила через плечо принцесса Ума. – Те, кто еще недавно лежал в этих могилах.

6. Не синий больше Синий лес

Рафал никогда не ночевал в ее комнате, поэтому Софи первой увидела, что волшебное перо ожило и принялось писать. Случилось это на заре.

К тому времени Софи уже шестой день болела. Болезнь настигла ее сразу после того, как она приняла кольцо Директора. Лихорадка приковала девушку к постели. Здесь, завернувшись в одеяла, Софи часто думала о Тедросе и Агате, представляла себе, как они гуляют по Гавальдону в свое удовольствие, покупают кексы в кондитерской лавке (Софи хотелось надеяться, что от этих кексов Тедроса разнесет как борова) или торчат у озера (чтоб он в нем утонул, этот жирный Тедрос!). А она, Софи, сидит тем временем взаперти в этой башне, чихает и дрожит, как какая-нибудь сопливая Рапунцель, которую никто не любит, потому что она до безобразия никчемная и скучная девица.

– Ты говорил... что я... могу взглянуть на... школу, – сказала этим утром Софи, зябко кутаясь в одеяло. – Мне хочется увидеть... Эстер... Анадиль...

– Ага, и заразить их, – ехидно закончил за нее Рафал, накидывая ей на плечи еще одно одеяло.

Софи, конечно, могла бы ответить колкостью на колкость, но не стала – ее трогало внимание, с каким относился к ней Рафал. Днем он почти не отходил от своей королевы – прикладывая ей ко лбу влажное холодное полотенце, кормил с ложечки крепким бульоном, приносил свежие ночные рубашки, чтобы могла переодеться, когда потела, стойко выслушивал ее бесконечную болтовню о Тедросе и Агате, о том, как им, наверное, трудно быть вместе, особенно Тедросу, потому что Агата ревнива как кошка и наверняка то и дело пилит, пилит, пилит своего принца. Вскоре Софи начала бояться ночной поры, когда Рафал уходил к себе и она оставалась одна. Точно так же в свое время она боялась, что Рафал может вернуться к ней среди ночи. Софи стало приятно ощущать прикосновение холодных рук Рафала к ее горячей в лихорадке коже, слышать его мелодичный голос, который так хорошо успокаивал ее после ночных кошмаров.

Короче говоря, сама того не ожидая, она все сильнее привязывалась к юному Директору, и он, замечая это, нежно смотрел на Софи и улыбался ей.

Лихорадка по-прежнему не отпускала Софи, и ее ночные кошмары продолжались. Сегодня, например, ей снился туннель – угольно-черный, с сияющим на его дальнем конце пятном света. Туннель перегораживало подвешенное в воздухе громадное золотое кольцо с направленными к его центру острыми, как бритвы, зубами. Кольцо вращалось в воздухе, не давая Софи пройти дальше. Чем ближе она подходила, тем быстрее начинало вращаться кольцо, и вот его острые зубы уже слились в сверкающий диск, на поверхности которого Софи увидела отражение лица, но не своего. Этого лица она никогда прежде не видела.

Лицо было мужским, с всклокоченными темно-каштановыми волосами, морщинистой задубелой кожей и длинным крючковатым носом. Оно притягивало Софи к себе как магнит, она наклонялась к нему все ближе и ближе... А затем на лице внезапно открылись большие, темные, налитые кровью глаза и появилась дикая, зловещая ухмылка...

Откуда-то протянулись руки и потащили Софи прямо в бешено вращающиеся острые зубы кольца.

И тут она с криком проснулась.

Девушка неподвижно лежала, съежившись под одеялом, и ее не оставляло ощущение, что кроме нее в комнате есть еще кто-то. И этот кто-то негромко шуршит – звук был таким, словно невидимая кошка точит обо что-то свои когти.

Софи, осторожно повернув голову, огляделась в слабо освещенной предутренним светом комнате. И вздохнула с облегчением, обнаружив, что здесь никого нет, только вращается что-то длинное, тускло отсвечивающее сталью. Веретено? Да, этот предмет был похож на веретено – но откуда оно здесь? Веретено – это из другой сказки, про Спящую Красавицу, но та глупенькая принцесса давным-давно укололась и теперь спит непробудным сном, если еще не умерла от старости. Но Софи-то не Спящая Красавица, чего ей веретена бояться?

Она осторожно выбралась из постели, подошла ближе к тому, что ей показалось похожим на веретено, и трянула головой, не веря своим глазам. Нет, это было не веретено – это было перо Сториан, долгое время провисевшее неподвижно над последней страницей со словом «Коне...», оно ожило и теперь... писало. Да, оно писало!

«Как странно», – подумала Софи. С тех пор как она надела на палец кольцо Директора школы, перо ни разу не шелохнулось, и это означало, что Сториан раздумывает не над тем, как закончить историю Софи. Но в таком случае...

Кровь бешено застучала в висках Софи.

Плотнее завернувшись в одеяло, она осторожно, на цыпочках – чтобы не спугнуть перо – подошла еще ближе.

Теперь она увидела, что перо, оказывается, не пишет, а вымарывает строчки из раскрытой перед ним книги – букву за буквой, слово за словом, пока не исчезло недописанное «Коне...». Затем кончик пера налился красным светом, опустился на страницу и принялся стремительно рисовать. Перед глазами Софи замелькали странные картины – стена изумрудно-зеленого пламени... Стражники в черных масках... Чудовищные волк и великан... И, наконец, густая зеленая лесная поросль.

А затем среди нарисованных высоких деревьев на странице появились две фигурки. Затаив дыхание, Софи следила за тем, как волшебное перо прорисовывает их лица. Юноша с синими глазами и полными влажными губами... Девушка с прямыми бровями и впалыми щеками...

«Нет, это невозможно», – подумала Софи, но перо добавляло новые и новые штрихи, делая рисунок все более узнаваемым. Это показалось Софи настолько невероятным, что она сильно ущипнула себя за руку, чтобы проверить, не сон ли это. Больно. Значит, это действительно не сон. Но Агата и Тедрос не могут быть в лесу, сейчас они должны наслаждаться своим «долго и счастливо» совершенно в другом месте, далеко-далеко отсюда! И все же они были здесь, на этой странице, и смотрели прямо на Софи, словно звали ее к себе.

– Они... вернулись?! – негромко ахнула Софи, прижимая руку к сердцу. Ревность и обида покинули ее, сменились неожиданной, невероятной надеждой.

Софи смущенно и радостно вглядывалась в знакомые, родные лица, и впервые за все это время ей вдруг стало стыдно. Что же она наделала!

– Я скучаю по тебе, Агги. И по тебе тоже, Тедди.

Слезы хлынули из глаз Софи, когда она представила себя идущей по нарисованному лесу в том промежутке, который еще оставался между двумя фигурками...

Но тут Сториан дорисовал на этом пустом месте сплетенные руки Агаты и Тедроса. Нет, места для Софи рядом с ними не было.

– Они идут за тобой, – раздался голос за спиной Софи.

Она обернулась к Рафалу. Директор стоял возле окна – юный, в кружевной черной рубашке и черных кожаных брюках. Его прозрачные, как льдинки, глаза следили за ожившим пером спокойно, без тени удивления, словно он давно был готов к такому повороту событий.

– Я же говорил тебе, что Сториан сомневается не в том, как закончить нашу с тобой сказку, – сказал он. – Выходит, твои друзья не чувствуют себя счастливыми, пока ты не с ними. Они думают, что должны спасти тебя. От меня, разумеется. Таким они видят конец своей сказки.

Софи снова перевела взгляд на перо, которое закончило рисовать и писало теперь бисерным почерком:

*Одной любви им теперь было недостаточно.
Им нужна была их лучшая подруга.*

Софи зачарованно смотрела на книгу. Теперь она проклинала себя за то, что все это время так плохо думала об Агате и Тедросе, когда они, оказывается, постоянно волновались за нее. Милые... Она улыбнулась, но тут же вновь посерьезнела.

– Разве может конец нашей сказки быть счастливым для всех троих? – спросила Софи.

– Да, если один из героев сможет стать счастливым сам по себе, – ответил Рафал, пристально глядя на нее.

– А двое других будут счастливы друг с другом? – нахмурилась Софи.

– Ну, такой расклад тебе знаком, не правда ли? Вспомни, как ты смотрела на них, когда они целовались у костра. Как одиноко сидела с ними за одним столом, пока они любезничали друг с другом. Как они шли по саду парой, а ты плелась позади них, словно собачка на поводке. Ты всегда была пятым колесом в их телеге, – Рафал приблизился к Софи, половина его лица по-прежнему оставалась в тени. – Впрочем, ты легко могла бы найти себе в Камелоте какого-нибудь другого парня. Ну, не принца, конечно, однако там полно деревенских ребят, есть из кого выбрать. Чумазого, с пожелтевшими зубами, коренастого, с пустыми карманами – но нормального симпатичного парня. Парня, который живет со своей старой морщинистой матерью в ветхой лачуге и круглый год пасет коз и свиней. С таким ты могла бы прожить спокойную долгую жизнь. Варила бы ему похлебку, купала его дряхлую мамашу, нянчила ваших чумазых орущих детей...

– Этого никогда не будет, – прошептала Софи. – Не хочу я для себя такого счастья.

– Ты хорошо подумала? – так же шепотом ответил Рафал и прикоснулся к ее щеке своими холодными молочно-белыми пальцами.

У Софи никогда не было парня, который командовал бы ею, а не она им. Но и такого, прикосновение которого рождало бы в ней бурю эмоций, у нее тоже никогда не было. И уж совершенно точно у нее никогда не было парня, который любил бы ее так, как Рафал – всю, целиком, со всеми ее капризами и недостатками.

Софи взглядела в ангельское лицо Рафала и неожиданно подумала, что он, пожалуй, красивее и привлекательнее, чем она сама.

– Ты любишь меня сейчас, когда я молода, – но что будет, когда я состарюсь? – спросила она. – Ты и тогда будешь любить меня по-прежнему?

– Мы с моим братом оставались юными, пока любили друг друга, – улыбнулся Рафал. – Разорвав нашу связь, я был обречен стареть, как любой другой злодей, доказавший, что не способен любить. Но твой поцелуй вернул мне молодость. Твоя любовь позволит мне жить вечно, как позволяла это любовь моего брата. Это означает, что пока ты носишь мое кольцо, я буду оставаться юным. И ты тоже, Софи.

– И я тоже буду жить вечно? – переспросила она.

– Мы оба будем жить вечно. Вместе.

Жить вечно. Быть юными, но старыми. Старыми, но юными. Юными и прекрасными, как этот стоящий рядом с ней парень. Но что это значит – вечно любить друг друга? Разве любовь может длиться так долго? Софи вспомнила, как Агата клялась на берегу озера, что вечно останется ее подругой. А Тедрос... И Тедрос обещал тогда, на освещенном лунной мосту, что навсегда будет ее принцем. А потом Тедрос и Агата поклялись друг другу в вечной любви, когда целовались.

Вечно! Ничто никогда не длится вечно!

Софи прислонилась к твердой холодной груди Рафала, рассматривая золотое кольцо, блестящее у него на пальце. Такое же кольцо, как у нее. Все это время она была уверена, что двое лучших друзей бросили, предали ее, уверена, что они настолько счастливы друг с другом, что и думать о ней забыли. А они, оказывается, решили вернуться, чтобы переписать конец своей сказки так, чтобы сделать счастливой и ее тоже. Софи хотелось поступить так же – выбрать своих друзей, даже если такой конец сказки обернется для нее одиночеством...

Но рядом с ней стоял юный красавец, который всегда оставался верным и преданным. Любящим. Надежным. Юноша, с которым слово «вечность» вдруг обрело свой истинный смысл.

Софи подняла голову, прикоснулась губами к холодным губам Рафала, ожидая, не скажет ли ей сердце, что она делает что-то не то. Сердце ей ничего не подсказало. Снова повернув голову к Сториану, она увидела, что перо бойко рисует новую картину, на которой Софи целует Рафала. Закончив, перо добавило под картинкой подпись:

*Но самой Софи одной дружбы было уже
недостаточно. Ей нужна была любовь.*

Лоб Софи покрылся бисеринками пота. Рафал заметил это, нежно стер пот с ее кожи и произнес:

– Смотри. Лихорадка прошла.

И они вместе взглянули на выходящее из-за облаков солнце. Софи ожидала, что сейчас оно вновь станет ярким и жарким, как прежде, но солнце оставалось бледным, болезненным, слабым. Мало этого – солнце вдруг начало ронять светящиеся желтые комочки, они падали с него словно капли с тающей сосульки. Кап-кап-кап...

Солнце таяло.

– Но ты говорил, что если Сториан начнет писать... – прошептала Софи, поворачиваясь к Директору.

– Новую историю, – спокойно продолжил Рафал. – Но наша сказка все еще не окончена, поскольку твои друзья вернулись. И не будет окончена, пока они намерены дописать ее по-своему. Придумать нашей сказке конец, в котором Добро побеждает, а Зло умирает... – Он немного помолчал, глядя в изумрудно-зеленые глаза Софи, и добавил: – Они идут, чтобы убить меня.

Софи перевела взгляд на книгу, на рисунок, изображавший Агату и Тедроса. Они шли по лесу спасать ее. В их варианте сказка должна закончиться тем, что они спасут Софи от Директора школы. Но это означает, что они собираются убить единственного на свете человека, который по-настоящему любит ее. Они убьют его, и Софи снова станет пятым колесом в чьей-то телеге.

Они считают, что ничего лучшего, чем быть пятым колесом, Софи не заслуживает.

Она перевела взгляд на свое золотое кольцо. Кольцо, которое делало ее королевой.

– Я не позволю им убить тебя! – гневно воскликнула она.

– Ты впрямь готова на это ради меня?! – с надеждой воскликнул юный Директор. – Готова сразиться со своими друзьями?!

– Сразиться с Агатой и Тедросом? – замялась Софи. – Но я думала...

– ... что они оставят нас в покое и уйдут, если ты им прикажешь? – улыбнулся Рафал.

– Но я... Нет, я не могу драться с Агатой. Наверняка должно быть какое-то другое решение, – промямлила Софи.

– Война – вот единственное решение, – твердо ответил Рафал.

Софи покоробил тон Рафала, но она понимала, что он прав. После того как юный Директор едва не убил Тедроса его же собственным Экскалибуром, сын короля Артура вернулся, чтобы отомстить, и Агата была на его стороне.

Война приближалась, война была неизбежна, и Софи нужно решать, на чьей стороне она сама.

Софи вспомнила, сколько раз Агата объединялась с Тедросом против нее. Так было и на Вечере Талантов, и на балу. Позже Агата тайком придумала, как ей поцеловать Тедроса, и пыталась отправить Софи домой во время войны между девочками и мальчиками. От этих воспоминаний кровь закипела в жилах Софи. А еще был Синий Лес, где Агата заставила Тедроса поверить в то, что Софи становится ведьмой, хотя Софи подставила декан Садер. Вечно Агата была против нее, она всегда принимала сторону своего принца!

Значит, и Софи нужно выбрать, с кем она, даже если это означает схватку с бывшей лучшей подругой. Агата защищает принца? В таком случае Софи будет защищать свою единственную, истинную любовь.

– Выбора нет, – прошептала она, глядя на тающее солнце. – Либо они умрут, либо мы. Добро против Зла. Классический расклад. Такими схватками заканчиваются все сказки.

Теперь Софи точно знала, на чьей она стороне.

– Твои друзья считают, что им по силам не дать нашей книге закрыться, любовь моя, – сказал Рафал. – Надеются, им удастся предотвратить неминуемое. Но они опоздали. – Он снова посмотрел на угасающее солнце. – Наша война против Добра уже началась.

Он криво усмехнулся, и Софи подумала, что не в одной только любви заключен смысл жизни для возвратившегося с порога небытия Директора школы. Были у Рафала и другие цели.

– Но в конце Добро всегда побеждало... – начала было Софи, но Директор еще шире улыбнулся и перебил ее:

– Ты забыла, что теперь на моей стороне то, с чем им не справиться. Твоя любовь, Софи.

Софи едва дыша смотрела на него. Какое-то время она не могла произнести ни слова.

– Пойдемте, моя королева, – торжественно произнес Рафал, протягивая Софи свою холодную руку. – Ваше королевство ждет вас.

Сердце часто забило в груди Софи. Королевство... Жила-была когда-то на свете девочка. Красивая маленькая девочка в розовом, как у принцессы, платье. Она сидела у окна и ждала, чтобы ее похитили в сказку, где она будет править далекой огромной страной... Своим королевством...

Софи посмотрела на Рафала, улыбнулась и приняла его руку. Она была готова сражаться за их «долго и счастливо» так же, как принц и принцесса, нарисованные в оставшейся у нее за спиной книге.

– Наверное, сначала мне нужно было переодеться. Куда же я в таком виде? – ворчала Софи, пытаясь плотнее запахнуть свою просторную ночную рубашку, которую трепал ветер.

Хрустальные тувельки скользили по подоконнику, стряхивая крохотные серебристые камешки. Они срывались и улетали вниз, в бездонную, затянутую зеленоватым туманом бездну. Софи испуганно прижалась спиной к стене башни, крепко ухватившись обеими руками за плечи Рафала. Окно находилось так высоко, что отсюда не было видно земли.

– Только сумасшедший мог построить башню без лестниц, даже без каната какого-нибудь. Как отсюда спастись, если вдруг случится пожар, например?

– Ты мне веришь?

Софи взглянула в глаза Рафалу – в них горел азарт, но не было ни капли неуверенности или страха.

– Да, – прошептала Софи.

– Тогда вперед! – Рафал обнял Софи за талию и прыгнул с башни.

Они понеслись вниз со скоростью пули, сквозь зеленоватый туман и ледяной холод. В первую секунду Софи едва не завизжала от ужаса, но очень скоро успокоилась, почувствовав себя надежно и безопасно в крепких руках Рафала. Они на огромной скорости сделали «мертвую петлю», затем вновь понеслись к земле. Сальто, еще сальто... Софи прикрыла глаза, раскинула руки как крылья – сквозь опущенные веки мелькали и вновь пропадали солнечные блики, на губах она ощущала вкус облаков. «Если бы только Агата могла видеть меня сейчас! – подумала Софи. – Счастливую, любящую и любимую, настоящую принцессу, оседлавшую дракона!» Рафал камнем спикировал вниз, затем развернулся вертикально и на какое-то время неподвижно завис в воздухе. Это было так потрясюще, что Софи попросила, по-прежнему не открывая глаз:

– Сделай так еще!

Рафал хмыкнул, прикоснулся ладонью к щеке Софи, и она медленно открыла глаза.

Первым делом она увидела приближающийся, наплывающий снизу Синий лес, только теперь он уже не был синим. Еще секунда, и Софи почувствовала под ногами твердую землю. Их полет закончился плавной посадкой.

Деревья в Синем лесу почернели, стали похожими на гнилые зубы. Голубая трава пожухла, пожелтела, безжизненно шелестела под ногами. Все еще приходя в себя после головокружительного полета, Софи с трудом пробиралась среди поваленных деревьев Бирюзовой рощи, цепляясь ночной рубашкой за покрытые мхом и плесенью сухие сучки. Хуже всего был стоящий здесь запах – едкий, кислый. Чем дальше в лес, тем сильнее он становился, начинал щипать глаза, комом вставал в горле. К тому времени, когда они добрались до сада тюльпанов, запах сделался совершенно нестерпимым, и Софи шла теперь пригнувшись, зажав нос руками и хватая воздух ртом. Она обернулась, чтобы взглянуть на Рафала, но не увидела его.

Больше всего Софи хотелось поскорее отсюда выбраться.

Тяжело волоча ноги, она вышла в долину папоротников и устремилась к Северным воротам, но вскоре остановилась. Некогда высокие, по пояс, папоротники теперь легли на землю, а у ворот лежали трупы животных, над которыми вились мухи.

В бледном, болезненном свете солнца можно было различить разлагающихся кроликов и аистов, белок и ланей. Казалось, что все они погибли, стремясь вырваться на свободу через запертые ворота.

И тут Софи услышала знакомое шипение.

Она подняла голову и увидела десятки черных гадюк, обернувшихся вокруг прутьев ворот. Софи отшатнулась назад. Она знала этих змей. Раньше гадюки сторожили ворота, следили за тем, чтобы никто не проник в школу для мальчиков, а теперь не впускали стремящихся выбраться из леса животных.

Софи медленно подняла голову, чтобы посмотреть на башню Директора школы – та возвышалась вдали как скала над погибшим Синим лесом.

У Софи болезненно сжалось сердце. Синий лес когда-то считался задворками школы, чем-то вроде игровой площадки, прирученной копии смертельно опасных Бескрайних лесов. Софи вспомнила, как она гонялась здесь по черничным полянам за стимфами, за что ее постоянно ругала Агата. Здесь они встречались с Тедросом, здесь, над Синим ручьем, принц наклонился, чтобы поцеловать ее... Но с Синим лесом у нее были связаны и куда менее приятные

воспоминания. Здесь Тедрос порвал с ней, когда она не спасла его во время Испытания. Здесь, в синих ивах, Тедрос назвал ее предательницей, когда Софи призналась ему, что она не Филип. А перед тем как попытаться отослать ее домой, Агата и Тедрос обсуждали свой заговор, укрывшись здесь же, в ложине голубых сосен. Вскоре плохие воспоминания взяли верх над хорошими. Софи смотрела на бывший Синий лес и видела, как он темнеет и погибает прямо у нее на глазах.

– Он стремится стать похожим на тебя, – раздался веселый голос подошедшего к ней сзади Рафала.

– Как?! Это я с ним сделала? – резко обернулась Софи.

– И с ним тоже, – ответил Рафал, обводя рукой вокруг. – Ты и я. Мы оба.

– Я не понимаю, – пробормотала Софи. – Я вовсе не хотела, чтобы лес стал таким...

– Наши желания и мысли ничего не значат, – сказал Рафал. – Значение имеет только твоя душа, то, какова она. Вот школы, например. Они тоже как зеркало отражают души своих директоров. Когда мой брат руководил школой Добра и Зла вместе со мной, школьные замки отражали баланс между нами. Замок Добра был светлым, замок Зла темным. В прошлом году, когда началась война между Эвелин Садер и Тедросом, замки отражали баланс между мальчиками и девочками. Но теперь, когда ты оказалась на моей стороне, возник новый баланс... не такой, как между Добром и Злом, не такой, как между мальчиками и девочками.

Софи нашла глазами два черных замка, словно плывущих над лесом в волнах зеленоватого тумана. На первый взгляд замки были очень похожи, казались едва ли не близнецами, но, присмотревшись внимательнее, Софи заметила отличия, да еще какие! Старый замок Зла превратился теперь в зазубренный каменный утес, чем-то напоминающий чудовищную челюсть. Густо оплетающий три его башни плющ из красного, каким он был когда-то, сделался злое-ще-зеленым, как окутывающая замок туманная дымка. Старый замок Добра тоже почернел и тоже был окутан тем же зеленоватым туманом, но его четыре башни сохранили четкие очертания, а стены замка влажно блестели и казались сделанными из отполированного вулканического стекла, обсидиана. Соединенные погруженным в туман мостом, эти два замка, две школы, словно олицетворяли «Старое» и «Новое», где «Старым» был обветшавший, полуразрушенный замок, а «Новым» – щегольская, с иголочки, крепость.

Софи в замешательстве подошла ближе к воротам, чтобы лучше рассмотреть замки, но тут к ней сразу повернулись головы всех висящих на прутьях гадюк. Софи отшатнулась, испугавшись, что гадюки плюнут в нее ядовитой слюной, но вместо этого змеи дружно склонили перед ней головки. Позолоченные створки ворот разошлись, открывая Королеве проход на поляну.

Софи осторожно миновала ворота, а затем, постепенно ускоряя шаг, двинулась к выходу из леса. К счастью, никаких сюрпризов ее не ожидало. По краям полянки, как и прежде, виднелись входы в два древесных туннеля, каждый из которых вел к одному из замков. Во время войны между мальчиками и девочками туннели были заложены огромными камнями, но теперь камни убрали, и входы в туннели вновь стали открытыми и широкими, такими же, какими были в первый год учебы Софи в школе.

Правда, подойдя ближе, Софи обнаружила, что над входом в каждый из туннелей прибит гвоздями деревянная табличка.

На табличке, висевшей над входом в туннель, который вел к ветхому, полуразрушенному замку, крупными неровными буквами было написано:

СТАРОЕ

А над туннелем, который вел к полированному, блестящему замку, так же неряшливо было написано:

НОВОЕ

Софи коснулась чья-то рука, и от неожиданности она подпрыгнула на месте. Это был Рафал, он с улыбкой смотрел на свою Королеву.

– Проверенный временем Директор. Прелестная юная Королева, – сказал он. – И возродившаяся школа Зла.

Софи слабо улыбнулась ему в ответ, подавляя охватившее ее неприятное чувство.

Рафал повел ее в туннель с табличкой «Новое», и Софи поспешила вперед, вновь и вновь убеждая себя в том, что она наконец-то нашла настоящую, истинную любовь, дороже которой нет ничего на свете и сохранить которую необходимо любой ценой. Любой.

7. Зло – это новое Добро

Лесной туннель вел прямо к дверям школы Добра. Бывшей школы Добра. В прежние времена этот ярко освещенный замок был виден издалека, но сейчас, чем дальше Софи уходила в туннель, тем темнее в нем становилось. И в этой темноте раздавался неприятный ритмичный звук, напоминающий щелканье огромного часового маятника. Тик-так, тик-так. Чтобы почувствовать себя увереннее, Софи взяла Рафала за руку.

– Не ожидал, честно говоря, что декан Садер устроит такую кутерьму, – вздохнул он. – Помещая частичку своей души в Эвелин, я надеялся, что мне удастся сохранить контроль над ней в случае моей смерти.

Щелканье становилось все громче. Тик-так, тик-так, тик-так...

– Я рассчитывал, что, находясь внутри тела Эвелин, я буду обладать достаточной силой, чтобы наверняка вернуть тебя назад в школу... – продолжал Рафал. – А затем, в один прекрасный день, и ко мне. Но, увы, полностью контролировать Эвелин у меня не получается. Все эти ее неуклюжие проделки с мальчиками-невольниками, с мирами без принцев, с хорошими девочками и плохими мальчиками... Эвелин постоянно ревновала к своему более одаренному, чем она, брату, и боюсь, что из-за этого ученикам обеих школ пришлось несладко.

Софи едва слышала его слова. Наконец перед ними показалась дверь замка. Раньше ее створки были белыми – теперь их перекрасили в черный цвет. Раньше над дверью весело блестя голубые фонари – теперь их свет стал тускло-зеленым.

– Она развязала ужасную войну, в которой мальчики и девочки с дьявольским упорством и изобретательностью уничтожали друг друга, – говорил тем временем Рафал. – Война потребовала таких жертв, что в результате оказалось не так уж трудно заставить и тех, и других сложить оружие. В конце концов, стало совершенно не важно, что когда-то мальчики и девочки воевали друг с другом. Теперь их всех крепко объединяет нечто гораздо более важное... – он остановился у двери замка и с самодовольной ухмылкой объявил: – Я. Теперь их объединяю я.

Софи озадаченно посмотрела на Рафала, распахнула дверь, вошла внутрь – и тут же отпрянула к стене, увидев шагающие прямо на нее колонны учеников.

– Добро пожаловать в Новую школу Зла, – сказал Рафал.

По облицованному черным мрамором фойе четкими рядами маршировали одетые в новенькие черные униформы мальчики и девочки в заляпанных черных беретах. Они печатали шаг, высоко задрав подбородки и выпятив грудь. Оказывается, это они выступывали своими стальными каблуками как чудовищный маятник – тик-так, тик-так... левой-правой, левой-правой... проходя мимо четырех выходящих в фойе стеклянных лестниц, кото-

рые теперь, как и многое другое, тоже стали зелеными. Марширующие мальчики были в кожаных брюках с широким ремнем, черных рубашках с коротким рукавом и жестким накрахмаленным воротничком. На шее повязан узкий зеленый галстук, на ногах тяжелые ботинки с подкованными каблуками. Девочки были в облегающих черных платьях-сарафанах, надетых поверх зеленых блузок, в зеленых гольфах и легких черных туфлях без каблуков. Перед Софи прошли две девочки, которых она знала, – Мона с зеленой кожей и одноглазая лысая Арахна. В следующей шеренге за ними маршировал Раван с гладко выбритым лоснящимся лицом и коротко подстриженными волосами, совсем не похожий на себя прежнего.

Вслед за Раваном показался еще один бывший никогдашник, Веке – с обритой головой, прямой, как палка, спиной, в тугих, врезавшихся в живот брюках.

Софи замерла от удивления. Чистенько одетые, аккуратно подстриженные никогдашники... да еще и строем маршируют! Эти сорвиголовы?! Невероятно! Раньше Софи всегда презирала злодеев за их ужасно неопрятный внешний вид, но сейчас ей самой было неловко за свое неумытое лицо и мятую невзрачную черную ночную рубашку. Софи попыталась отыскать в рядах марширующих лица других никогдашников, но это ей не удалось – слишком уж темно было в фойе. Собственно говоря, единственным источником света здесь служили перелетающие с места на место зеленоватые облачка, похожие на сбившихся в стаю светлячков.

Зеленоватым светом была освещена также стоящая между четырьмя лестницами хрустальная колонна обелиска Легенд и развешанные возле нее на стене портреты учеников. Ища источник света, Софи медленно подняла голову и вначале увидела высокие витражные окна (раньше на каждом из них был изображен белый лебедь, теперь лебеди стали черными), а над ними – застекленный купол крыши. Купол больше не был прозрачным, как в былые времена, но густо оброс то ли сосульками, то ли сталактитами, излучавшими мертвенный зеленоватый свет. Софи оглядела хорошо знакомые ей полированные лестницы, блестящие арки из оникса, марширующих без устали мальчиков и девочек – и окончательно поняла, что прежнего замка Добра – элегантного, щегольского, стильного – больше не существует, Зло захватило в нем каждый уголок и на всем оставило свой отпечаток.

Но вместе с тем, наблюдая за марширующими шеренгами, Софи не чувствовала ни напряжения, ни тревоги, она не видела ничего зловещего в попытках Зла стать «Новым», добавив какие-то новые краски, детали, новый лоск, если хотите. Собственно говоря, разве не к тому же самому призывали бунтари во время ее первого года учебы в школе?

Тут Софи увидела в рядах армии никогдашников еще одно испуганное лицо. Это был Чеддик, паренек с широкой грудью и волосатыми руками. Он встретился с Софи взглядом, и по выражению его круглых серых глаз стало заметно, что он поражен, обнаружив ее здесь. Впрочем, и сама Софи была удивлена не меньше, увидев его в черной рубашке с зеленым галстуком. Чеддик шевельнул губами, беззвучно прошептал «Помоги», и тут же на него набросилось светящееся зеленоватое облачко. Лицо Чеддика перекосилось от боли. Он отвел взгляд в сторону и продолжил маршировать.

Софи проводила Чеддика растерянным взглядом, она была ошеломлена. Чеддик? Один из самых преданных сторонников Добра – и вдруг в рядах никогдашников? Невероятно!

Бежали секунды, и Софи начала замечать среди марширующих все новых и новых всегдашников, переодетых в черно-зеленую униформу. Вот очаровательная, сладкая, как карамелька, Рина... высокая гибкая Жизель... стройный темнокожий Николас... рыжая веснушчатая Миллисент... Хиро с ее детским личиком... Все они послушно маршировали, напряженно уставившись вперед, а рядом висело и, казалось, контролировало каждого из них светящееся зеленоватое облачко.

Софи вновь повернула голову к обелиску Легенд, точнее – к развешанным возле него портретам. Раньше с них смотрели веселые, добрые лица всегдашников, теперь их было не отличить от развешанных на той же стене портретов никогдашников.

– Всегдашники теперь учатся... Злу?! – выдохнула Софи, глядя на Рафала.

– Всегдашники и никогдашники теперь учатся вместе, – поправил ее Директор школы. – После двухлетней войны школа стала единой, и ее задача – сохранение безопасного будущего для Зла. Конечно, ученикам приходится теперь привыкать жить всем вместе в одном замке. Теснее стало в общежитии, возросла конкуренция в классах... Может быть, это кому-то и не нравится, хотя лично ко мне еще никто с жалобой не обращался.

Софи, прищурившись, взглянула в окно, вспомнив про второй лесной туннель.

– А что сейчас происходит в Старой школе? – спросила она.

Рафал нашел глазами виднеющиеся за Мостом-на-Полпути полуразрушенные башни.

– Если Новая школа пишет будущее Зла, то Старая школа переписывает его прошлое, – Рафал пристально взглянул на Софи и очень строгим, «директорским» голосом продолжил: – Заходить в Старую школу и даже приближаться к ней тебе категорически запрещено. Точно так же, как и всем ученикам. Понятно?

Софи испуганно кивнула.

– Твое поле деятельности будет ограничено одной только этой школой будущего, – приказным тоном добавил Рафал. – В твои обязанности входит убеждать своих юных коллег в необходимости свыкнуться с Новой школой, принять новые правила игры. После резких перемен и нестабильности последних двух лет я считаю необходимым повысить требования ко всем учащимся. Ко всем без исключения. И я этого добьюсь. Они все у меня станут как шелковые.

– Да, но ты же сам говорил, что душа каждого из нас с момента появления на свет принадлежит либо Добру, либо Злу, – возразила Софи. – И что это никак нельзя изменить...

– Говорил, однако позднее одна мудрая девушка помогла мне понять, что главное не то, кто ты. Главное – то, что ты делаешь, чем ты занят. Так вот, теперь все они заняты тем, что творят Зло. – Он скользнул взглядом по лицу Софи и добавил: – Точно так же, как их новая Королева.

Он отвел взгляд в сторону, и Софи повернулась туда же. Юный Директор школы смотрел на украшавшие стены фойе фрески. Разнообразием те фрески зрителя не баловали, на каждой повторялся один и тот же сюжет – Софи и Директор школы обмениваются поцелуем, стоя под приторно-красивым ночным небом. На всех фресках они оба изображены в черных кожаных куртках и брюках, у обоих на голове ослепительным блеском сверкает сделанная из простого железа корона. Всего на стене было три фрески, и в правом нижнем углу каждой из них зеленела буква. Одна на каждой фреске. Три фрески – три буквы, которые складываются в короткое слово. «ЗЛО».

Софи вспомнила, что раньше в фойе было пять фресок, а не три, и на каждой фреске тоже было написано по одной букве, и эти буквы тоже складывались в слово, только было это слово совершенно другим: «ВСЕГДА».

Ученики продолжали маршировать по фойе, а Софи тем временем разглядывала свои собственные изображения на стенах.

Честно говоря, ее портреты, как и сюжеты фресок, оказались довольно однообразными. На каждом из них Софи была изображена в блестящей, туго облегающей ее стройную фигуру черной коже, с выбивающимися из-под короны золотистыми пышными волосами. Изображена целующейся с таким фантастическим красавцем, при одном взгляде на которого охотно послали бы, наверное, ко всем чертям своих сереньких картонных принцев и Белоснежка, и Золушка, и Спящая Красавица. Всю жизнь, с самого детства, Софи зачитывалась сказками, отчаянно мечтая о том, что когда-нибудь станет знаменитой на весь мир и все соседские девчонки с ума сойдут от зависти. Ну вот, можно считать, что ее дикие мечты сбылись. Она стала хозяйкой огромной сказочной страны. Королевой. Символом своего поколения. Олицетворением будущего.

Чем цветистее были титулы, которыми награждала саму себя Софи, тем надменнее становился ее взгляд, тем сильнее распирало ее от гордости.

– Сотни лет такие же, как ты, читатели хотели быть на стороне Добра, потому что Добро всегда побеждало. Но наша с тобой сказка изменит все, она опровергнет прежние представления о Добре и Зле, перевернет их с ног на голову, – сказал Рафал, обнимая Софи за плечи. – Отныне Зло – это новое Добро.

Софи было приятно чувствовать на своих плечах сильные руки Рафала, слушать его слова, в которых она буквально купалась.

– Зло – это новое Добро, – с радостной улыбкой повторила она.

Улыбаться Софи перестала только тогда, когда заметила в одной из шеренг прелестную, похожую на маленького ангелочка Кико. Она маршировала, утирая на ходу слезы. Лицо Кико прикрывала черная вуаль – чаще всего женщин в таких вуалях можно встретить на похоронах.

– А если предположить, что некоторые из них просто не могут быть злыми? – тихо спросила Софи, виновато отводя взгляд от Кико.

– Так ведь никто никого не неволит, – хохотнул Рафал. – У каждого ученика есть выбор – встать на сторону Зла или умереть. И не просто встать на сторону Зла, но и проявить себя с самой злой стороны!

Рафал смотрел в это время на зеленые стеклянные лестницы, начинавшиеся в углах фойе. На перилах лестниц больше не виднелись надписи, перечислявшие четыре заповеди Добра, их сменили другие вывески.

ЗЛОДЕИ ПРИСПЕШНИКИ ЖИВОТНЫЕ РАСТЕНИЯ

– Третий курс решающий, – произнес Рафал. – На третьем году обучения мы делим всех учеников на группы и начинаем готовить к той жизни, которая ждет их после окончания школы. А воспитывать учеников мне помогают мои... э... светлячки.

Рафал поманил пальцем первое попавшееся зеленоватое облачко, оно подплыло ближе, и Софи с удивлением обнаружила, что это вовсе и не светлячки. Оказалось, что над головами школьников плавают облака чернокрылых фей – маленьких, злобных, вооруженных острыми зелеными жалами и челюстями, полными мелких, но острых, как у акулы, черных зубов. Как только кто-нибудь из марширующих всегдашников или никогдашников сбивался с ноги или, например, просто поворачивал голову, чтобы взглянуть на Софи, эти твари облепляли несчастного ученика и принимались «воспитывать» его, а проще говоря – кусать и жалить, жалить и кусать. Пока феи вились вблизи, Софи смогла хорошенько рассмотреть их лица – неестественно бледные, с остекленевшими, как у зомби, глазами. Софи брезгливо прикусила губу, и тут одна из крошечных фигурок зависла в воздухе и в свою очередь уставилась на нее. Судя по впалым щекам и коротеньким крыльям, это был фея-юноша, и его лицо показалось Софи вначале смутно знакомым, но затем... Затем она вспомнила.

Бейн. Мальчик-фея, которого она нечаянно убила, когда училась на первом курсе.

Он погиб, спасая Агату. Погиб, но вот он, Бейн, – висит в воздухе прямо перед Софи, возвращенный к жизни силами Зла, и с ненавистью смотрит на свою убийцу.

Софи прижалась спиной к стене, огляделась по сторонам, ища, куда бы ей спрятаться, но только прятаться было уже поздно. Бейн злобно зашипел на Софи, показав свои острые, как иголки, зубы...

Директор небрежно взмахнул рукой. Мелькнула белая искра, Бейна пулей вынесло из фойе, и он скрылся из виду.

Софи облегченно вздохнула, затем посмотрела на Рафала и спросила:

– Мертвые феи... ожили?

– Когда-то не способные к Злу никогдашники становились рабами Добра. Теперь они получили второй шанс доказать свою верность Злу и преданность мне, – ответил Рафал, глядя Софи прямо в глаза. – Так же, как ты. Пойдем, любовь моя, я тебе еще кое-что покажу.

И он не спеша пошел прочь, негромко насвистывая себе под нос.

Софи змерла на месте, у нее перехватило дыхание.

Не ходи, – прозвучал у нее в голове негромкий голос Агаты. – *Это не твое, Софи. Это не настоящая любовь!*

Софи почувствовала, как у нее по спине побежала струйка пота, а надетое на пальце кольцо вдруг сделалось нестерпимо горячим, будто раскалилось добела.

Он просто использует тебя.

Кровь застыла в жилах Софи. Она закрыла глаза. Кольцо продолжало жечь, впиваясь в кожу. Софи подумала, что нужно снять его прямо сейчас, немедленно...

– Софи.

Она подняла взгляд.

– Никто тебя не любит, кроме меня, – произнес Рафал. Его слова впивались в мозг Софи словно отточенные кинжалы. – И никто никогда не полюбит тебя, кроме меня!

Софи заглянула в глаза Рафала и увидела в них свое отражение. Кольцо на пальце моментально остыло, а звучащий в голове голос Агаты стих.

Рафал обнял Софи за талию, и на этот раз она не стала сопротивляться, пошла вместе с ним к лестнице Злодеев. В ее голове снова и снова звучали слова Директора: «Никто, кроме меня... Никто, кроме меня...»

Эти слова все глубже проникали в ее сознание, укреплялись в нем и от многократного повторения становились единственной, непреложной истиной. Софи еще крепче прижалась к Рафалу, его плечо казалось ей сейчас таким надежным...

А затем она резко остановилась.

Впереди, у стены фойе, стоял парень с черными, как вороново крыло, волосами. Крепкий, в туго облегающей тело черной форме, длинноногий. На лоб спадала длинная челка, на узком овальном лице резко выделялся длинный, слишком крупный для такого лица нос. В первую секунду парень показался Софи тем страшным человеком из ночного кошмара с вращающимся кольцом, но тот, в туннеле, был намного старше... А этот явно ученик, только не понятно, из какой школы.

Софи никак не могла вспомнить, где она встречала этого парня, но потом увидела его глаза.

Они горели ненавистью.

Они прожигали Софи насквозь.

– Почему ты здесь, Хорт? – спросил Директор, подходя к парню.

Хорт сначала опустил взгляд на руку Софи, лежащую в ладони Рафала, затем поднял голову и посмотрел на Директора.

– Я бросал молот в спортивном зале, Директор, – ровным тоном ответил Хорт. – И успешно справился с заданием. Мне дали время для самостоятельных занятий.

– Хорошо. Я слышал, ты в отличники выбиваешься, – и Директор намеренно обнял Софи так, чтобы это не ускользнуло от внимания Хорта. – Старайтесь, старайтесь, староста...

Хорт в последний раз окинул Софи испепеляющим взглядом и отошел.

Софи не могла тронуться с места, сердце бешено колотилось у нее в груди. Отличник? Спортивный зал? Староста? Староста Хорт?

– Мы идем?

Софи тряхнула головой. Рафал мрачно смотрел на то место, где только что стоял Хорт.

– Я не хочу, чтобы ты пропустила свой первый урок, – сказал он и, вручив Софи листок бумаги, повел ее вверх по ступеням лестницы Героев.

Софи тащилась вслед за Рафалом, словно баржа за буксиром – она все еще не могла отойти после появления Хорта и странных взглядов, которыми тот обменивался с Директором.

Затем до нее дошли слова Рафала, и она переспросила, удивленно округлив глаза:

– Мой первый... что? Урок?

Софи на ходу расправила листок, который сунул ей в руку Рафал, и принялась читать.

– Углубленный курс уродождения... Мастерство управления Приспешниками... Да это же расписание занятий! Но ты говорил, что я теперь Королева! А разве королевы должны посещать уроки?..

– У Королевы есть определенные обязанности, – уклончиво ответил Рафал, выводя Софи на первую площадку лестницы.

– Погоди, погоди! Разве Золушка должна была ходить в класс, чтобы получить свое «долго и счастливо»? Или Белоснежка... Она что, встретила свою настоящую любовь, а потом отправилась делать домашнее задание? – сердито спросила Софи. – Подходящие занятия для Королевы – это приемы, примерки новых платьев, чай со сладостями, обеды с иностранными послами, подготовка к балам, прогулки и все такое. Королева не какая-нибудь заурадная школьница, она не должна тратить время на дурацкие уроки!

Софи огляделась вокруг – и ойкнула. В свое время эта часть замка – башня Чести – была выдержана в морском стиле, с искусно расписанными пенистыми волнами стенами, с плывущими по голубому небу-потолку веселыми облачками.

Теперь стены и потолок покрывал ровный слой тусклой зеленой краски, такой же мрачной и зловещей, как окутывающий два замка туман. Софи подошла к сделанному в виде иллюминатора окну и увидела в нем освещенное умирающим солнцем Озеро-на-Полпути. Прежняя линия водораздела исчезла, озеро целиком стало ядовито-зеленым, как краска на стенах.

– Стоит теперь кому-то лишь войти в воду – и его плоть моментально слезет до самых костей, – сказал Рафал, прислоняясь к стене. – Отличное средство против любого, кто попытается через озеро проникнуть в школу... Или выбраться из нее.

В голосе Рафала прозвучала скрытая угроза: директор наверняка помнил, как она несколько раз пыталась бежать через это озеро. Нет, не через это. Через то, старое, исчезнувшее. Очевидно, Рафал все еще не до конца доверяет ей. Так-так-так... А куда, интересно, исчезли крокодилы? Софи поискала взглядом белых крокодилов, которые в былые времена охотились в заливе за стимулами, и вскоре заметила плывущую по зеленым волнам оторванную, на глазах разлагающуюся в ядовитой воде крокодилию голову. Недолго прожили в этом новом озере хищные рептилии. О судьбе стимулов можно и не спрашивать.

Вслед за Рафалом Софи прошла по выложенному морскими раковинами полу – теперь на нем добавились со знанием дела нарисованные кровавые пятна. А вот и пьедестал, на котором раньше стояла статуя добродушно улыбавшегося бога Тритона. Как и все вокруг, статуя тоже изменилась. Тритон больше не улыбался, он сурово смотрел перед собой, выставив вперед грозный трезубец, который в былые времена спокойно лежал у морского бога на коленях. Завернув за угол, Софи увидела очередное новшество. Если раньше эти стены украшали нарядные фрески, изображавшие самые памятные победы Добра над Злом, то теперь они превратились в кадры из фильма ужасов. Вот Серый Волк впился в шею Красной Шапочке, готовясь отгрызть ей голову. Вот Великан как тростинку переламывает Джека, посмеявшегося забраться на его Бобовый Стебель. Капитан Крюк вонзает свое жуткое оружие прямо в сердце Питеру Пэну. В лужах крови лежат убитые Белоснежка и семь гномов...

Казалось бы, от кровавых картинок Софи должно было замутить, но этого не произошло. На фресках победы Зла над Добром выглядели так убедительно, что становилось как-то само

собой понятно: Добро, если разобраться, ни за что не сможет одолеть Зло. Потому что Зло гораздо, гораздо сильнее. А что произошло с самой Софи? Всю жизнь она стремилась к Добру. Пыталась перебраться в школу, которая, как ей казалось, должна была стать ее школой. И что? Добро отвергало ее, отбрасывало прочь, как попавшийся под ноги камешек. Софи повторяла свои попытки, но Добро отталкивало ее снова и снова, – и вот в итоге она стала Королевой Зла. Хозяйкой школы, которую так долго отказывалась признать своей. Рассмотрев последнюю фреску – на ней Спящая Красавица и ее принц были изображены привязанными к огромной прялке, под которой весело разводила костер одетая в черное ведьма, – Софи вдруг поймала себя на том, что никак не может вспомнить, чем *на самом деле* заканчивались все эти сказки. Может быть, именно так, как изображено на фресках?

«А что, если бы я еще в детстве прочитала сказки с такими окончаниями, как здесь? – подумала она. – Интересно, захотелось бы мне после этого быть доброй? А впрочем, какое это теперь имеет значение!»

Софи тряхнула головой, выводя себя из задумчивости, и сказала:

– Все это очень впечатляет, Рафал, но в этих картинах нет ни капельки правды.

– Кто это сказал? – спросил Рафал.

– Сами сказки, разумеется. Послушай, я тоже могу, например, изобразить себя загорающей где-нибудь на тропическом пляже, под пальмами или на яхте с белыми парусами, но это будет всего лишь выдумкой, фантазией. Так и эти фрески. Ведь все окончания старых сказок давным-давно написаны, разве не так? Реальные окончания, не выдуманные.

– А как насчет твоего поцелуя с Агатой? Или поцелуя Агаты с Тедросом? Это что, тоже были реальные окончания вашей сказки? Или всего лишь возможные? А мы с тобой? Разве сказка не продолжается так, будто тех развязок никогда и не было? Окончания в сказках могут меняться, моя Королева. – Он взглянул в окно, за которым виднелась Старая школа, и добавил: – И они должны меняться.

Софи могла поклясться, что слышит долетающий сюда из подвалов замка Старой школы низкий рокот. Ощущение было таким, будто там, внутри башни, рычит и бьется о прутья клетки огромный монстр.

– Деканы с нетерпением ждут встречи с тобой, – сказал Рафал, указывая Софи на боковую лестницу. – Они отведут тебя в твой класс.

Но Софи подбоченилась и не двинулась с места:

– Ты сам говорил, что Агата и Тедрос идут, чтобы убить тебя. Какие тут могут быть уроки? Я должна защищать тебя. Я буду драться рядом с тобой...

– А кто же станет твоей армией в борьбе против Агаты и Тедроса, если не твой класс? – не оборачиваясь, бросил Рафал.

– Что? Да меня в этой школе никто не любит... Они ни когда не станут слушать меня...

– Напротив, они тебя будут слушать, причем очень внимательно, – перебил ее Рафал, начиная подниматься по лестнице.

Оставшись внизу одна, Софи проводила взглядом удалявшегося Рафала, затем со вздохом развернула смятый листок и перечитала его – на этот раз внимательнее, чем прежде.

Урок	Преподаватель
1. УГЛУБЛЕННОЕ УРОДОВЕДЕНИЕ	Проф. Биллус Мэнли
2. МАСТЕРСТВО УПРАВЛЕНИЯ ПРИСПЕШНИКАМИ	Кастор
3. СЛОЖНЫЕ ЗАКЛЯТИЯ И СМЕРТЕЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ	Королева Софи
4. УГЛУБЛЕННЫЙ КУРС ИСТОРИИ ЗЛОДЕЙСТВА	Директор школы
5. ОБЕД	
6. УГЛУБЛЕННЫЙ КУРС РАЗВИТИЯ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ	Проф. Шеба Шикс
7. ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ В ЛЕСАХ	Лорд Арик

Софи удивленно хмыкнула. Еще раз перечитала листок.

– Тут, наверное, какая-то ошибка, – произнесла она. – Здесь стоит мое имя...

– Ты будешь преподавать этот предмет. В своем классе.

В ее классе?

Нет.

Не может быть!

Софи выронила из руки листок и пробормотала:

– Так что же, выходит, я теперь преподаватель?!

8. Когда все идет из рук вон плохо

Петляющая среди густого леса тропинка была такой узенькой, что идти по ней приходилось гуськом, поэтому трое всегдашников напоминали сейчас стайку направляющихся к пруду уток. Тедрос шел в середине, за спиной принцессы Умы, и то и дело оборачивался, чтобы взглянуть на идущую замыкающей Агату

– Да хватит уже проверять меня, – огрызнулась наконец Агата.

– Да нет, я так... Я просто... Слушай, у нас с тобой пальцы совершенно одинаково светятся... – тут Тедрос смутился, увял и быстро отвернулся.

Агата промолчала. Честно говоря, она уже устала от этих его внимательных, озабоченных взглядов.

Он смотрел на нее так, будто опасался, что она, охваченная горем, сойдет сейчас с ума или побежит к ближайшему пруду, чтобы утопиться. Вступать в разговор ей тоже не хотелось (и уж меньше всего о том, одинаково светятся у них с Тедросом пальцы или нет) – Агата опасалась, что любая беседа (хоть о пальцах, хоть о грибах) легко может свернуть в сторону и привести к разговору о ее матери. Кроме того, это отвлекло бы ее от напряженного диалога, который она мысленно вела сама с собой, продумывая, что она должна сказать Софи, чтобы оторвать ее от Директора школы.

«Сказать, как я по ней скучаю? Или все же сначала извиниться? Но как извиняться за то, что погубил чью-то жизнь? Просто взять и сказать: «Прости, что я пыталась навсегда избавиться от тебя»? А может, лучше: «Прости, но я думала, что ты ведьма»? Или: «Прости, что ни разу не спросила, как звали твою мать, такая вот уж я дрянь»? М-да... – Агата сглотнула комок в горле. – А, собственно говоря, зачем вообще ворошить прошлое? Просто уговорю ее уничтожить кольцо, чтобы вместе с нами... как это принято писать в книжках... э-э... «с надеждой шагнуть в будущее»... Ага, шагнуть... С надеждой... И всем троим начать в Камелоте жизнь с чистого листа...»

Агата попыталась убедить себя, что именно так и следует поступить, но не убила.

Все-таки сначала придется извиниться.

Агата принялась размышлять дальше.

«Так, а что, если она не захочет уничтожить кольцо? Ничего удивительного, если учесть, каким красавцем стал помолодевший Директор школы... Софи наверняка думает, что это ее настоящая любовь... И Ума то же самое говорит... А Софи не та девушка, чтобы отказаться от своей любви, если она считает ее настоящей. Уж я-то ее знаю... А что, если она, например, счастлива без меня? Как говорится, в полном порядке? И я ей больше не нужна? То есть совсем-совсем не нужна?»

– Когда мы найдем Софи, я ее спасу, – снова повернул голову Тедрос, словно читая ее мысли. – Честно говоря, я не уверен, что она будет очень рада видеть тебя, так что позволь мне самому поговорить с ней с глазу на глаз.

«Как он понял, о чем я думаю?» – оторопела Агата.

– Почему я сам хочу с ней поговорить? Ну, во-первых, на твою долю и без этого выпало уже достаточно всяких переживаний, дорогая, – продолжил тем временем принц, ловко перепрыгивая через поваленное поперек тропинки дерево. – Во-вторых, насколько я тебя знаю, ты в самый неподходящий момент можешь грохнуться в обморок. И, наконец, в-третьих... Видишь ли, между мной и Софи существует... э-э... особая связь... Нити, так сказать...

Агата вслед за принцем перепрыгнула через то же самое дерево и принялась спокойно, по пунктам, отвечать:

– Во-первых, со мной все в порядке. Во-вторых, если я и упала один раз в обморок, то...

– Дважды. В танцевальном классе и у озера...

– Это детали. И в-третьих. Софи моя лучшая подруга, и спасу ее я...

– Нет, послушай, будет лучше, если я ее спасу, – возразил Тедрос, ускоряя шаг. – У вас с ней такие серьезные проблемы, которые в пять минут не решить.

– А у вас с ней нет никаких проблем? – ехидно парировала Агата.

– Вы с Софи вечно соперничали, сражались друг с другом...

– Из-за тебя! Только из-за тебя!

– Вот я и говорю, что со мной она скорее договорится, чем с тобой, – кивнул Тедрос.

– Когда это в последний раз вам удавалось договориться друг с другом? – поинтересовалась Агата.

– В прошлом году, когда мы жили с ней в одной комнате...

– И она выдавала себя за парня!

– Какое это имеет значе...

– За парня, которого ты пытался поцеловать!

– И что из того? – побагровел Тедрос. – Тебе, значит, можно было ее поцеловать, а мне нет?

– Я не целовала Софи, когда она была мальчиком! – отрезала Агата.

– Да, ты целовала ее, когда она была девочкой! – заорал в ответ Тедрос.

– Знаете, мне гораздо больше нравится, когда вы не кричите, – шикнула на них принцесса Ума.

Тедрос пробурчал что-то про «лицемерных девиц», потом замолчал и перестал обращаться на свою принцессу.

Следующие три часа Ума, Тедрос и Агата прошагали по Бескрайним лесам, останавливаясь только тогда, когда Агата натыкалась на дерево (это случалось довольно часто) или Тедросу нужно было отбежать за кусты (это он делал еще чаще, чем Агата натыкалась на деревья).

– Что с тобой? – недовольно спросила Агата, когда принц в очередной раз попросил подождать его.

– Холодно! – жалобно ответил Тедрос.

Во время одной из остановок Агата попыталась расспросить Уму о прошлом своей матери. Спросила ее, не упоминалась ли Каллиса в какой-нибудь сказке? И как получилось, что она окончила свои дни в Гавальдоне? Но Ума отвечала, что сейчас не время задавать подобные вопросы.

– А когда будет время их задавать? – спросила Агата.

– Когда мы окажемся в штаб-квартире Лиги, – ответила Ума.

– В штаб-квартире Лиги? – хмуро переспросил Тедрос. – А я-то думал, мы в школу направляемся...

– Да кто сейчас пропустит тебя в школу? – грустно усмехнулась Ума. – Директор превратил оба замка в крепости Зла. Попробуй сунуться туда один – и умрешь, даже не войдя в ворота. Как говорится, мяукнуть не успеешь. Кстати, Агата, твоя мать знала, что Лига Тринадцати – ваша единственная возможность добраться до Софи живыми, – Ума тревожно посмотрела вверх, на солнце, и продолжила: – Если не произойдет ничего непредвиденного, в штаб-квартире Лиги вы окажетесь уже сегодня к вечеру. И это хорошо. После наступления темноты каждая лишняя минута, проведенная в лесу, может оказаться последней.

– Вам доводилось видеть других оживших злодеев, кроме волка и великана-людоеда? – спросила Агата, которой хотелось продолжить разговор с учительницей.

– Пока нет, – коротко ответила Ума. – И это еще одна причина, по которой лучше вести себя в лесу тихо.

Мутная заря сменилась ветреным холодным утром, и ребята погасили наконец свои зажженные пальцы-фонарики.

Чем дальше уходила в глубину леса их маленькая экспедиция, тем гуще и заметнее становилась висящая в воздухе призрачно-зеленоватая дымка – холодная как лед и пахнувшая какой-то кислятиной. Эта дымка чем-то напоминала Агате размокшую плесень на их крыльце, где раскладывал своих обезглавленных птиц Потрошитель. У Агаты сжалось сердце, когда она подумала о своем бедном лысом коте, оставшемся в одиночестве в их опустевшем доме. Чтобы не захандрить, Агата попыталась сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас. Ничего веселого здесь и сейчас не происходило. Слева и справа стеной тянулись уродливые темные деревья, поднимая к небу корявые, похожие на руки скелета ветки.

От вида этих деревьев Агате стало еще тоскливее.

– Когда же наконец потеплеет-то, черт побери? – стуча зубами от холода, спросил Тедрос. – Заснуло оно, что ли, это солнце?

Агата и сама ждала, когда же выглянет солнышко, но шел час за часом, светило поднималось на небе все выше к зениту, однако оставалось таким же бледным и больным, как на туманной заре. Впрочем, даже в слабеньком свете дня Агата начала замечать и гниющие стволы деревьев, и высохшие мертвые папоротники, и присыпанные листьями скелеты бурундуков, и тощие, покрытые перьями трупы ворон. Агата увидела одинокий, неведомо откуда взявшийся на голом дереве цветок сливы, прикоснулась к нему, и он немедленно рассыпался под ее пальцами черной пылью.

– Агата, смотри, – сказал Тедрос.

Агата повернула голову и метрах в десяти от тропинки увидела огромный завал из стеблей, деревьев и тускло блестящих на солнце обломков стекла. Больше всего это место напоминало огромную разбомбленную оранжерею. Тедрос, свернув с тропинки, направился к завалу, и Агата поспешила следом за ним. Подойдя ближе, она увидела, что все листики на поваленных деревьях, все цветочные лепестки на поникших стеблях мертвы и один за другим опадают вниз, на грязную землю, хороня под собой мертвых разбухших синих жаб. Агата заметила вырезанные на стволе одного из поваленных деревьев буквы, провела рукой, чтобы очистить надпись от упавших на нее листьев, и прочитала:

ЭКСПРЕСС «АЛАН РОЗА»

– Это был поезд цветочного метро, – сказал Тедрос, рассматривая надпись. – Похоже, весь лес умирает. Быть может, солнце стало таким слабым, что его света не хватает растениям, чтобы выжить?

Агата молча пожала плечами – она все еще была сердита на Тедроса после их последнего разговора.

– В таком случае возникает новый вопрос: а почему солнце становится все слабее и слабее? – продолжил принц.

Они помолчали, потом оба промямлили, что об этом нужно спросить у принцессы Умы, хотели сделать это, но увидели, что учительница, не останавливаясь, продолжает идти по тропинке. Они бросились догонять ее, и маленький отряд продолжил свой путь.

Время от времени Ума останавливалась, давая Агате и Тедросу возможность подкрепиться несколькими холодными скользкими могильными червями, которых они набрали в свои карманы еще на кладбище. Сама Ума червей не ела, говорила, что не может так жестоко поступить со своими друзьями. Еще пару раз они останавливались, чтобы Ума могла спросить у какого-нибудь воробья или бурундука дорогу к ближайшему пруду, где можно было напиться, черпая полными пригоршнями холодную солоноватую воду. Что и говорить, Бескрайние леса безопасными не назовешь, однако всегдашникам ни разу не попались какие-нибудь следы, оставленные ожившими злодеями, и постепенно Агата начала думать, что ей просто-напросто привиделось все, что произошло в Уголке Мертвых. Могли же быть эти зомби – Волк и Великан-людоед – плодом ее воображения, утомленного ночными происшествиями и долгим сидением в могиле?

Словно отвечая мыслям Агаты, светлее и просторнее становился и сам лес – деревья росли в нем уже не так часто, между ними появились просветы, а в просветах – густой зеленый ковер травы. Правда, довольно скоро на этом ковре начали появляться отдельные желтые пятнышки, а затем и пятна покрупней.

После того как наши путешественники миновали позолоченную табличку с надписью «Лисий лес», Ума заметно воспрянула духом и расправила плечи, а там и грязная тропинка сделалась шире, по ней стало можно идти вместе, а не гуськом, и воздух, казалось, стал чище. У Агаты появилось ощущение, что теперь они в безопасности и Бескрайние леса им больше не страшны.

– Это древнейшее королевство всегдашников, здесь живет Белоснежка, – с облегчением объявила Ума.

На западе Агата увидела выступающие над вершинами деревьев золотые шпили замка, они напоминали органные трубы, однако учительница повела их на восток по не приметным петляющим тропинкам.

– Нам следует избегать хоженных дорог, поэтому мы с вами пойдем через лощину, – сказала Ума. – Пока что нам лучше ни с кем не встречаться, в том числе, и со всегдашниками.

– А почему? – спросила Агата, но Ума не ответила, она уже оживленно жужжала о чем-то с пролетающим мимо, а теперь зависшим возле ее лица шмелем.

Перевалило за полдень, когда спасательная экспедиция добралась до большого каменного колодца с деревянной крышкой, заваленной увядшими, побуревшими белыми розами. Здесь же стояла сухая деревянная бадья, а на ней сидел голубь. Агата смахнула мертвые розы, и под ними проступили написанные белой краской на крышке колодца слова:

– Штаб-квартира Лиги в часе ходьбы, мы легко доберемся туда до заката, – сказала принцесса Ума, кладя перед голубем могильного червя. Увидев Уму и червяка, голубь оживленно заворковал. – Он говорит, что после возвращения Директора школы всегдашников выгнали из этих лесов. Но надеется, что я все равно буду время от времени приходить сюда повидаться со своими друзьями.

Голубь устался на Агату и Тедроса и несколько раз вопросительно гулькнул.

– Да, дорогой, да, это именно они, – кивнула Ума, поглаживая голубя. Тот нервно покоился на Агату и Тедроса и еще несколько раз проворковал. – Он слышал, что вы те самые всегдашники, которым судьбой назначено одолеть Директора. – Ума прислушалась и, сдерживая усмешку, добавила: – А еще ему любопытно было бы взглянуть, какие дети у вас получаются.

Тедрос рассмеялся. Агата промолчала.

– Могу, кстати, показать вам по дороге домик Белоснежки, – сказала Ума, сворачивая на очередную тропинку. – После своего изгнания вместе с другими мальчиками, домик занимали принцы, и оставались в нем до возвращения Директора, после чего девочки принялись умолять всех мальчиков вернуться и помочь им защитить свои королевства. Появление более опасного врага всегда заставляет помириться прежних, менее сильных – это вещь известная. Принцы вернулись в школу, и с тех пор в домике Белоснежки вот уже несколько недель никто не появлялся, даже я, хотя у меня осталось здесь много друзей – овцы, свинки, даже лошади! Я собиралась приводить сюда своих учеников, чтобы учить их разговаривать со своими друзьями, но Кларисса сказала, что ходить так далеко нет никакой необходимости, потому что для обучения отлично подходят и животные из самого ближнего к школе Синего леса. Нужно заметить, Кларисса не любит, когда ее студенты выходят на практические занятия далеко от школы. Она считает, что на таких занятиях они львиную долю времени не общению с животными учатся, а целуются, скрывшись за деревьями. Нужно признать, что здесь уважаемая декан факультета Добра Кларисса Доуви недалеко от истины.

Ума отправилась дальше, а Тедрос подошел к своей принцессе и сказал, придержав ее за руку:

– Послушай. Я не хочу сказать, что ты плохо знаешь Софи, но...

– Много ты сам о ней знаешь! – вспыхнула Агата.

– Ты две секунды можешь помолчать или нет? – огрызнулся Тедрос.

Агата поджала губы, кипела – но молча.

– Итак, мы оба знаем твою лучшую подругу. Ты была рядом с ней не один год, но все равно не можешь понять, что заставило ее принять кольцо от Директора, – сказал Тедрос. – А на самом деле все просто. Софи хочется быть любимой. Ради этого она готова принять любое, самое темное Зло, пойти на что угодно, лишь бы не остаться под конец в одиночестве. Я знаю,

сколько боли накопилось у нее на сердце и на душе, знаю, потому что она говорила мне об этом. А вот тебе она про свою боль ничего не говорила, не хотела, чтобы ты знала о ней.

– Хочешь сказать, что с тобой Софи была откровеннее, чем со мной? – фыркнула Агата.

– Не все так просто, дорогая. В свое время Софи думала, что я в нее влюблен. Считала меня своим принцем. Ты сама говорила, что больше всего на свете Софи хотела счастливого конца для своей сказки – такого же, как у нас с тобой. Но у нас этот счастливый конец есть, а у нее нет, поэтому если разговаривать с Софи станешь ты, она ни за что не уничтожит свое кольцо. Начнет сравнивать тебя и себя, будет думать, что кольцо Директора – залог ее собственного «долго и счастливо». Мысли у нее всякие ползут, чувства всколыхнутся. Снова представит себя третьей лишней, а быть лишней – это и есть одиночество.

– Проще говоря, уговорить ее уничтожить кольцо под силу только тебе, да? – подколола его Агата.

– Да, – горячо подтвердил Тедрос, не обращая внимания на ехидный тон принцессы. – Потому что только я могу убедить Софи, что если она перейдет на нашу сторону, у нее по-прежнему останется шанс встретить однажды свою настоящую любовь, и это не обязательно будет Директор. Только я смогу открыть Софи, какая она красивая, очаровательная, прелестная... Какая она чуткая, умная, интересная... – Он улыбнулся, погрузившись в воспоминания об этой девушке. – Короче, я смогу заставить Софи почувствовать себя любимой и нужной, а ты – нет.

О, как хорошо Агате была знакома белоснежная улыбка, игравшая сейчас на губах принца! Когда-то именно с такой улыбкой он смотрел на саму Агату, ухаживая за ней. Быть может, это автоматическая реакция Тедроса на любую хорошенькую девушку, и больше ничего? Интересненько.

Тедрос вышел из транса, перестал бормотать, как токующий тетерев, и заморгал, молча уставившись в сердитое, покрасневшее лицо Агаты.

– Я сама ее спасу. Одна. Усвоил? – сказала она, проходя мимо принца вперед по тропинке. Сделав несколько шагов, Агата остановилась и небрежно бросила через плечо: – А если в это время ты будешь отираться поблизости и грохнешься в обморок, ловить тебя я не стану, так и знай!

– Принцы в обморок не падают! – огрызнулся в ответ Тедрос.

Агата состроила гримасу и поспешила вперед, пока не догнала учительницу.

Принцесса Ума посмотрела на нее, оглянувшись на приотставшего Тедроса и грустно усмехнулась:

– «Они жили долго и счастливо и не ведали никаких проблем». Такой конец только в сказках встречается, правда?

– Иногда мне кажется, что ему нужна *настоящая* принцесса, – проворчала Агата.

– Так ты все это время только *прикидывалась* принцессой? Как же я сама не догадалась!

– Не надо, вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Если разобраться, ему просто нужна другая девушка – смазливая дурочка, которая пятки ему будет лизать. И чтобы никому не было любопытно поглядеть на их будущих детей.

– У меня был принц с блестящими волосами и маленьким носиком. Я в нем души не чаяла, – ответила Ума. – Но лучше от этого наше «долго и счастливо» не стало.

– У вас был принц?

– Ага. Кэвин, принц из Шазабаха. Правнук Аладдина, между прочим. Он спас меня во время Испытания Сказкой от роя пчел-кровососов. Те пчелы едва не убили его при этом, и Кэвин потерял свой шанс стать Старостой... Правда, взамен он со временем получил меня. Кларисса не раз пыталась нас застукать, когда мы с ним прятались после отбоя в библиотеке. Но эта сонная тетеря так нас и не поймала. Знаешь, в библиотеке есть очень уютный, спрятанный от всех посторонних взглядов уголок за полкой с любовными заклинаниями. На той полке

до сих пор остались вырезанные инициалы – мои и Кэвина. – Ума улыбнулась, погрузившись в воспоминания. – А после того как мы поженились, меня выкрал маг-чернокнижник из Чертова леса. Хотел получить выкуп. С одной стороны, я понимала, что должна просто сидеть тихо и ждать, пока не придет Кэвин и не освободит меня. Но с другой – я никак не хотела подвергать драгоценную жизнь моего принца опасности! А что, если маг ранит Кэвина? Или – страшно подумать! – вообще убьет его? – Тут янтарные, как карамельки, глаза Умы ярко заблестели. – На мою просьбу о помощи откликнулся белый олень из Бескрайних лесов. Он прискакал, раскидал подручных злодея и пронзил рогами сердце чернокнижника, а я тем временем выбралась на свободу. Таким образом, Кэвин успел, как говорится, только к шапочному разбору.

– Я видела эту сцену на иллюстрации, – сказала Агата. Конечно, видела, ведь книжку со своей сказкой Ума подарила ей в первый же день, как только Агата появилась в школе. – Это был счастливый конец вашей сказки.

– На первый взгляд, конец нашей сказки действительно выглядел счастливым, – негромко сказала Ума. – Сториан расписал победу принцессы Умы во всех красках, вот только мой принц никакого отношения к той победе не имел. Я стала легендарной сказочной героиней благодаря крепкой дружбе с животными, а Кэвин... А над Кэвином лишь насмеялись за то, что он прискакал спасать свою принцессу, когда все уже было кончено. Прославленная принцесса-героиня и ее принц-неудачник – такая вот из нас с Кэвином получилась парочка. Но когда читаешь нашу сказку, этого в ней нет, верно?

Ума немного помолчала, потом закончила свой рассказ:

– К чести Кэвина, он никогда ни в чем меня не винил, вообще не касался того рокового для нас случая, просто все глубже погружался в свои мысли. Мы с ним стали чаще ссориться, потом вообще перестали замечать друг друга... К сожалению, такое у многих семейных пар случается, а когда случается, то их «долго и счастливо» счастливым уже не назовешь, да и насколько долгим оно будет, тоже неизвестно.

– И что же произошло потом? – спросила Агата.

– Потом... Потом в таких случаях люди ищут для себя нового счастья с кем-нибудь другим. Или предпочитают оставаться в одиночестве, – и Ума добавила моментально севшим голосом: – Как я, например. Счастье – это такая птица: улетит – назад не жди.

– Но почему же... Его можно вернуть, – возразила Агата. – Именно за этим мы с Тедросом и вернулись – чтобы стать счастливы вместе с...

– И тем самым доказать, что я была не права, – невесело улыбнулась Ума.

– Я не хочу вам ничего доказывать, просто...

– А что, Белоснежка до сих пор живет в этом домике? – спросил нагнавший их Тедрос.

Агата прокашлялась. Ума вытерла глаза рукавом своего розового платья.

– Королева в лесном домике? Не говори глупостей! – фыркнула она, прибавляя шаг. – Белоснежка живет в королевском замке, вы видели над лесом его золотые шпили. Сейчас она осталась одна после того, как лет пять назад ее король умер от укуса змеи, а ее друзья-гномы разъехались по разным странам и, между прочим, прекрасно там устроились. Советниками, например... Когда вернулся Директор школы, Лига предложила Белоснежке перебраться в нашу штаб-квартиру, но Белоснежка ответила, что вполне довольна своей новой жизнью и в своем прошлом тоже не хочет ничего менять.

– А что Лига предлагала изменить в прошлом Белоснежки? – спросила Агата.

– И почему Лиге нужно защищать тех, чья сказка уже дописана? – иронически заметил Тедрос.

Их разговор прервал разнесшийся над лесом высокий душераздирающий крик.

Трое всегдашников замерли на месте и, подняв головы, взглянули на протянувшуюся у конца тропинки длинную, двухметровой высоты, живую изгородь из пожухлых кустов сирени.

Крик донесся из-за этих кустов.

– Надо идти другим путем! – заволновалась Ума. – Давайте... Тедрос! Что ты делаешь? Но Тедрос уже спешил к кустам сирени.

– Похоже, какая-то девушка звала на помощь, – бросил он на бегу.

– Иди за мной, Агата, не... – начала Ума, оборачиваясь к Агате.

– Если он собрался спасти какую-то девушку, я за ним пригляжу, одного с ней не оставлю, пусть не надеется, – сказала Агата.

Ума подумала, не наложить ли на них обоих замораживающее заклятие, но было поздно, Тедрос и Агата уже ломились сквозь сирень.

– Мне был дан приказ выволить их из могилы, – фыркнула себе под нос Ума, направляясь к кустам. – А задания гоняться за любящими порисоваться принцами и успокаивать их ревнивых подружек у меня не было...

Ума продралась сквозь кусты и застыла на месте, рядом с окаменевшими от ужаса Агатой и Тедросом.

Перед ними открылась довольно большая поляна, в дальнем конце которой, наполовину скрытый в тени деревьев, стоял домик Белоснежки. Домик был небольшой, двухэтажный, с островерхой розовой крышей, на которой уже успели прорасти молодые деревца. Бревенчатые стены потемнели от времени.

Рядом с домиком был разбит небольшой сад с заброшенными, одичавшими клумбами и деревянным столбом, служившим местом сбора туристов. Здесь же был установлен оригинальный памятник – семь пар медных башмаков, как бы сброшенных семью гномами перед тем, как разъехаться в разные края, к своей новой жизни. Правда, эти медные башмачки больше не пустовали.

Сейчас все семь пар башмачков были надеты на ноги гномов, ничком лежащих здесь же на земле в лужах крови. Все гномы были в рубашке, жилете и штанишках своего цвета, на голове – бархатный колпачок.

– Нет... Нет, это невозможно! – чуть слышно ахнула Ума.

– А вы говорили, что гномы уехали отсюда, – запинаясь, сказала Агата.

– Да, они уехали! Десятки лет назад, – приглушенным голосом ответила Ума. – Кто-то должен был найти их и привезти назад...

– Но кому могло понадобиться возвращать гномов только для того, чтобы убить их? – спросила Агата.

Ума промолчала, стоя с побелевшим от страха лицом.

– Ладно, тот, кто это сделал, уже успел уйти, – хрипло сказал Тедрос, зорко оглядываясь вокруг и старательно изображая «настоящего» принца. – Прежде всего я... хм... собираюсь проверить, не остался ли в живых кто-нибудь из гномов.

– Я тебе помогу! – сорвалась с места Ума. – Если найдем того, кто еще жив, отнесем его в Лигу!

Агата с ними не пошла, осталась стоять, глядя на безжизненные тела, лежащие в ярко-красных лужах. Смерть. Смерть повсюду преследовала ее – гномы... Кладбищенский Смотритель... ее собственная мать...

Агата почувствовала, как ее руки и ноги немеют, начинает кружиться голова. Чтобы не упасть в обморок, она глубоко вдохнула и перевела взгляд с мертвых гномов на траву у себя под ногами и стояла так до тех пор, пока к ней не вернулась способность нормально мыслить. Итак, кто же проделал такую огромную работу – собрал из разных мест семерых гномов и привез их сюда? Кто затем хладнокровно убил их и картинно разложил их тела, надев на ноги каждому гному медные башмачки? А тот жуткий крик...

Агата замерла.

Да, тот крик.

Высокий, женский.

«Это не мог быть гном», – подумала Агата.

Она медленно двинулась к домику Белоснежки, он притягивал ее к себе так, как манит мотылька горящая в ночной темноте свеча.

Ни Тедрос, ни Ума не заметили, как Агата двинулась к домику, они переходили от гнома к гному, проверяя, не бьется ли хоть одно маленькое сердечко.

К тому времени, когда им стало ясно, что сердца всех гномов остановились навек, Агата уже вошла в домик.

9. Когда все идет хуже некуда

Самым первым делом Агата заметила, что в домике Белоснежки пахнет так же, как от Софи. Стоя в затененном дверном проеме, она закрыла глаза и еще раз вдохнула знакомый аромат лаванды и ванили.

За спиной Агаты качалась и поскрипывала покрытая облупившейся розовой краской входная дверь – Агата специально оставила ее открытой, чтобы слышать Тедроса и Уму. Сейчас они обсуждали в саду, что делать с телами гномов. Почему Агата не позвала Тедроса вместе осмотреть домик, она и сама не знала. Быть может, это была ее маленькая месть за размолвку в лесу, а может, ей хотелось проверить, заметит ли вообще принц, что ее нет, а если заметит, то как скоро... а может, ей просто хотелось доказать всем, что она не такая чувствительная и слабая, как им кажется.

Впрочем, причина, по которой Агата вошла одна в домик Белоснежки, чтобы узнать, кто же там кричал, не так уж и важна.

Она поморгала, привыкая к полутьме, и медленно двинулась в глубину домика.

Гостиная оказалась довольно уютной, с закопченным камином, перед которым на коричнево-красном ковре из ястребиных перьев были расставлены обитые ситцем кресла с широкими подлокотниками, а возле прикрытого ставнями окна висела полка с драгоценными камнями, морскими раковинами и птичьими яйцами. Вдоль дальней стены гостиной поднималась лестница на второй этаж, поперек нее была натянута красная ленточка. На стене рядом с лестницей тускло блестела медная табличка с надписью:

Живя в этом лесном домике, Белоснежка своими руками украшала его безделушками, которые приносили ей гномы, возвращаясь из странствий. Интерьер домика в точности сохранен таким, каким он был в тот день, когда Белоснежка навсегда уехала отсюда в замок в Лисьем лесу, чтобы выйти замуж за своего принца. Единственным предметом, который позднее был добавлен в интерьер гостиной, стало сделанное из овечьей шкуры и кошачьей шерсти кресло ручной работы – свадебный подарок от Злой королевы, которая явилась на праздник под видом бродячей старой торговки. Однако, увидев Белоснежку с ее принцем – а они были прекрасной парой, – Злая королева вскрикнула от зависти и гнева, чем и выдала себя. В качестве наказания Белоснежка

приказала Злой королеве танцевать перед гостями в раскаленных докрасна туфлях, и та танцевала в них, пока не упала замертво. Свадебный подарок Злой королевы хранится в домике Белоснежки как постоянное напоминание о том, что Добро всегда побеждает Зло.

Музей «домик Белоснежки» содержится на средства Лесного общества охраны памятников истории и культуры. Детям, животным и ограм вход в домик-музей запрещен.

Сбоку от гостиной располагалась кухня, вход в которую, как и на лестницу, был перегороден красной ленточкой. Агата заглянула в дверь кухни, за которой увидела только покрытую толстым слоем пыли утварь, но не заметила никаких признаков жизни (если не считать, конечно, пары мух, которые крутились возле подтекающего крана – напиться воды хотели, наверное).

– Агата! – донесся с улицы голос Тедроса. – Где ты?

Агата вздохнула, успокоилась – принц ее все-таки хватился, и года не прошло! Теперь ей стало казаться вполне вероятным, что кричать тогда могла не женщина, а все-таки кто-то из гномов. Она передернулась, представив себе, что происходило в ту секунду с несчастным, и пошла к входной двери, чтобы продолжить путь в штаб-квартиру Лиги. Что это за Лига такая, Агата не знала, зато наверняка это знала Каллиса, если верила, что там, в Лиге, ее дочери помогут. «Спаси Софи – так же, как Стефан когда-то спас меня», – вспомнились Агате слова матери.

Немного не дойдя до двери, девушка замерла на месте, услышав негромкий, донесшийся сверху скрип.

Потом все опять стихло.

Агата медленно подняла глаза к потолку.

Она знала, что любая настоящая (то есть пугливая и нервная) принцесса сейчас стала бы во весь голос звать на помощь своего принца, но сама решила поступить иначе. Агата скинула с ног тяжелые походные башмаки, оставив их на обтянутом овечьей шкурой кресле, и дальше пошла босиком, бесшумно и с удовольствием шагая по ковру из птичьих перьев. Не сводя глаз с потолка, она нырнула под красную ленточку, опустилась на четвереньки и начала крадучись, словно кошка, подниматься по лестнице, следя за тем, чтобы скрип ступенек по возможности совпадал со скрипом болтающейся на петлях входной двери.

Наверху обнаружилась узкая лестничная площадка, на которую выходили две двери. Агата медленно поднялась с четверенек и осторожно заглянула в первую дверь. За дверью оказалась спальня, в которой стояли семь маленьких кроваток, застланных разными по цвету покрывалами. Тех же цветов были и костюмчики на мертвых гномах, лежащих сейчас в садике перед домом. Спальня гномов навевала грусть – во-первых, потому, что ее обитатели только что были убиты, а во-вторых, потому, что и без этого слишком уж напоминала комнату в детском приюте.

Смерть. Раньше она редко напоминала о себе, но в последнее время стала преследовать Агату, словно стая болотных комаров. Смерть безжалостно, одного за другим, забирала людей вокруг нее.

Мама, Кладбищенский Смотритель, семь добрых гномов... Вот они только что были – а в следующую секунду их уже нет. Они исчезли – куда? И что в момент смерти происходит со всеми нашими мыслями, мечтами, страхами и надеждами? Что происходит с любовью, которую ты отдаешь и которую получаешь от других? Агата вздрогнула и тряхнула головой, прогоняя нахлынувшие мысли. На площадке стояла мертвая – опять мертвая! – тишина. «И чего я здесь застряла?» – мысленно обругала себя девушка, поворачиваясь к двери. Наверное, Тедрос

уже беспокоится, мечется там по двору. Агата решила мельком заглянуть во вторую дверь, а затем – бегом вниз, к своим.

Она открыла дверь – и в ужасе застыла, привалившись плечом к косяку.

В белоснежной спальне на деревянном полу ничком лежало хрупкое женское тело – головы видно не было, ее скрывала кровать. Рядом с телом поблескивала хрустальная корона, видно, скатившаяся с головы, когда женщина падала. Но было в комнате нечто, напугавшее Агату намного сильнее, чем мертвая женщина – к трупам она за последние дни, как мы знаем, почти привыкла.

Рядом с покойницей, вполоборота к Агате, на коленях стояла старая карга, одетая во все черное. Глаза у ведьмы были красные, нос плоский, приплюснутый словно свиной пяточкой, гнилая плоть местами отвалилась от лица, обнажив кости черепа – точь-в-точь как у сожравшего Красную Шапочку волка или сражавшегося с Джеком великана, которых Агата видела на кладбище. В похожей на клешню руке ведьма держала потрепанный, заплесневевший от времени сборник сказок, раскрытый на последней странице. Агате был хорошо виден изображенный на ней рисунок – принц, возвращающий Белоснежку к жизни поцелуем, семь счастливо улыбающихся гномов и лежащая позади них мертвая ведьма.

И эта мертвая ведьма как две капли воды была похожа на старую каргу, которая держала сейчас в руке эту книгу.

– Вот то, что было, – нараспев протянула ведьма, злобно косясь на рисунок...

... Рисунок, который на глазах Агаты волшебным образом начал меняться.

И вот уже ожившая ведьма стоит над мертвым телом Белоснежки, и лежат у ее ног зарезанные гномы, и нет нигде никакого принца...

– А вот, что стало! – довольно усмехнулась ведьма.

Взгляд Агаты вновь метнулся к наполовину скрытому под кроватью мертвому телу... к лежащей на полу хрустальной короне... И ледяной холодок пополз по спине Агаты, когда ей вспомнился подслушанный на кладбище разговор...

«Надеюсь, наши сказки тоже перепишут, как и у остальных», – сказал тогда великан-людоед.

«Я думаю, он очень скоро даст нам такую возможность», – ответил сожравший Красную Шапочку волк.

Ведьма тем временем захлопнула книгу и торжествующе захохотала – ее смех был похож на жуткое куриное квохтанье, именно он и вывел Агату из транса. Она посмотрела на поднимающуюся с колен ведьму, которая уже начинала поворачиваться в ее сторону...

– Агата! – долетел с улицы голос Тедроса.

Ведьма выронила книгу на пол. Агата и вздохнуть не успела, а ведьма уже уставилась на нее своим жутким, леденящим кровь взглядом.

Агата вылетела на лестничную площадку и съезжилась в углу, прижавшись спиной к стене.

Ведьма вытащила из-под своего плаща тонкий, покрытый засохшей кровью кинжал с украшенной драгоценными камнями рукоятью.

Агата метнулась к лестнице. Поздно! Ведьма уже вышла на площадку и преградила девушке дорогу вниз. Среагировав на опасность, палец Агаты загорелся золотистым светом. Теперь надо было лишь произнести нужное заклинание, но все они, как нарочно, вылетели у Агаты из головы. Она открыла рот, хотела закричать, позвать на помощь своего принца, но ведьма и тут оказалась проворнее и метнула кинжал, который устремился прямо к горлу Агаты...

Агата вскрикнула, из ее светящегося пальца вырвался яркий луч, ударился о лезвие кинжала и превратил его в белую маргаритку, мягко спланировавшую на пол.

Судорожно хватая ртом воздух, Агата смотрела на цветок и мысленно благодарила Софи – подруги использовали это заклинание на первом году обучения, и теперь Агата не смогла бы забыть его, даже если бы захотела.

– Агата! – вновь донесся крик Тедроса.

Девушка рванулась было вперед, но ведьма вновь опередила ее и, прижав к стене, схватила за горло своей костлявой, покрытой коричневыми старческими пятнами рукой. Задышавшись, Агата опустила взгляд и увидела ожоги на ногах ведьмы. «И тогда Белоснежка приказала Злой королеве танцевать... в раскаленных докрасна туфлях... пока та не упала замертво», – вспомнила Агата, безуспешно пытаясь вырваться из железной хватки ведьмы. Они с Софи однажды тоже танцевали в раскаленных туфельках. Это было наказание, которое назначил им гном Юба на первом курсе... Или на втором?.. Голова у Агаты начинала кружиться, мысли путались. Софи... Агата вдруг вспомнила, каким было лицо Софи, когда они танцевали в тех раскаленных туфельках... Беспомощным, со страдальческим взглядом...

У нее потемнело в глазах. Еще немного, и тьма поглотит ее навеки. «Нет! – мысленно взмолилась Агата. – Пожалуйста, нет! Не сейчас! Софи... Я спасу тебя!»

Собрав всю волю в кулак, Агата впилась зубами в костлявую руку ведьмы. Старая карга вскрикнула от боли и удивления и разжала пальцы. Агата согнулась пополам, жадно глотая воздух, а ведьма продолжала оторопело смотреть на нее, словно не веря, что ее укусила вот эта маленькая дрянь с жирными грязными волосами и вытаращенными глазами. Где это видано, чтобы всегдашницы так себя вели?! Может, эта девчонка и не всегдашница вовсе?

Сомнения ведьмы еще больше усилились, когда Агата пнула ее ногой в живот и бросилась к лестнице. Правда, благополучно спуститься по ней Агате не удалось. На верхней ступеньке ее догнал ответный пинок ведьмы – он пришелся Агате чуть ниже спины. Агата кубарем скатилась вниз и сильно приложила лицом к деревянному полу в гостиной. Из расквашенного носа хлынула кровь.

Агата поднялась и повернулась, готовясь продолжить схватку с ведьмой, но...

Но в гостиной было пусто, ведьма исчезла.

В доме стояла тишина, слышно было лишь, как поскрипывают на легком ветру ставни широко распахнутого окна.

Во входную дверь домика ворвался Тедрос с раскрасневшимся от раздражения лицом.

– А, вот ты где! – воскликнул он и, увидев Агату, покраснел еще больше. Можно сказать, побагровел. – Агата, ты меня решила в могилу свести, что ли? Кричу, бегаю, суечусь как дурак, не знаю уже, что и подумать, а ты в прятки решила со мной поиграть, да? Тоже мне, нашла место и время! – тут Тедрос заметил на лице Агаты кровь и сразу сбавил тон: – Что с тобой?

Агата покачала головой и всхлипнула...

Снаружи донесся женский крик.

Агата и Тедрос замерли на месте и одновременно прошептали одними губами:

– Ума!

Принц бросился к двери, Агата поковыляла следом за ним.

Принцесса Ума сидела под деревом рядом с телами гномов. Неподвижными, широко распахнутыми глазами она уставилась в небо, раскинутые в стороны руки и ноги были безвольны и безжизненны, как у фарфоровой куклы.

Тедрос опустил перед Умой на колени, потряс ее за плечи. Ума на это никак не отреагировала.

– Да что это с ней такое, черт побери?! – крикнул принц.

Агата, присев рядом с Умой, провела пальцами по ее лицу.

Кожа на лице принцессы была живой, эластичной, хотя и мертвенно-бледной.

– Окаменение, – сказала Агата, вспоминая, как сама однажды применила это заклятие против учителей.

– Как его снять, помнишь? – спросил Тедрос.

– Снять это заклятие может только тот, кто его наложил, – покачала головой Агата. – А наложила его ведьма... Да, та ведьма...

– Какая еще ведьма?! – раздраженно воскликнул Тедрос, но Агате было не до него – она обшаривала глазами поляну и окрестный лес. Нет, здесь эту старую каргу им ни за что не найти, поэтому еще неизвестно, сколько времени принцесса Ума будет оставаться ни жива ни мертва.

«Нет, только не это! – подумала Агата, закрывая лицо ладонями. – Конец всем надеждам. Как же мы теперь доберемся до Софи?»

– Агата...

– Потом, – отмахнулась она.

– Агата, смотри...

– Я же сказала... – начала Агата, но тут же замолчала.

На коленях у Тедроса сидел голубь – тот самый, которого они видели возле колодца, – и сердито ворковал.

– Что он говорит? – спросил Тедрос у Агаты.

– Откуда я знаю?

– Но ты же училась общаться с животными.

– Ага, училась. И при этом школу едва не спалила... – Агата замолчала, потому что голубь перестал ворковать и вместо этого принялся чертить кончиком крыла по грязи. – Эй, почему он рисует слона?

Голубь громко заворковал – можно было подумать, что он сердится, – и начал подправлять свой рисунок.

– Нет, это не слон. Это куница, – сказал Тедрос. – Видишь, какие уши?

– А по-моему,мышь...

– Или енот.

Не прекращая чертить крылом по грязи, голубь страдальчески закатил глаза.

– А, теперь понятно, – сказала Агата. – Это кролик.

– Точно, кролик, – согласился Тедрос. – А зачем он нарисовал кролика?

Голубь затопал лапками и стал тыкать крылом куда-то в сторону.

Тедрос и Агата посмотрели в том направлении. Сначала они не увидели ничего, а потом из-за дерева вышел жирный лысеющий белый кролик в грязной синей жилетке с вышитым на левой стороне груди серебряным лебедем, с нелепым галстуком на шее и криво сидящих на носу очках. Он вытащил из жилетки карманные часы, открыл, нетерпеливо постучал лапой пор циферблату и засеменил по грязной тропинке прочь от ужасной поляны.

– Мне кажется, он хочет, чтобы мы пошли за ним, – сказала Агата.

– Тогда чего мы ждем? – ответил Тедрос, закидывая окаменевшую Уму на плечо. – И то сказать, оставаться на этой поляне нам совершенно ни к чему. Пойдем, пока нас не прирезали, как гномов!

– Но мы же не знаем, куда он собирается нас вести, – возразила Агата. – Стоит ли так уж доверять какому-то странному зверьку с галстуком на шее?

– Знаешь, чем скорее мы отсюда уберемся, тем быстрее найдем кого-нибудь, кто поможет расколдовать Уму.

И они отправились в путь вслед за кроликом. Вскоре на лес опустились сумерки, а там и ночь навалилась – темная, непроглядная. Хорошо еще, что кролик, за которым шли Тедрос и Агата, двигался медленно, чинно, иначе они давно уже потеряли бы его из виду. В ночном лесу, как водится, слышалось уханье, поскрипывание, потрескивание и другие зловещие звуки.

Откуда-то появились сучки, то и дело хватавшие путников за одежду, и норовившие хлестнуть по глазам ветки, но Агата старалась не обращать на эти мелкие неприятности внимания. Гораздо страшнее были глаза – желтые и красные, они все чаще вспыхивали среди густой

листвы, предупреждая, что опасность приближается, и притом очень быстро. «Эх, если бы мы только знали, где находится штаб-квартира Лиги! – с тоской размышляла Агата. – Мама жизнью своей пожертвовала, чтобы мы добрались до этой самой Лиги. А я даже не удосужилась в свое время спросить Уму, куда мы направляемся. Почему я такая дура, никогда ни о чем не позабочусь заранее? Вот и тащись теперь неведомо куда за каким-то сумасшедшим кроликом, да еще с окаменевшей учительницей на руках».

Ну, это уж Агата преувеличила. У нее на руках Умы не было, ее тащил Тедрос. Так они шли больше часа, и вот в ночной темноте Агата рассмотрела струйку белого дыма, поднимающуюся над видневшимися впереди соснами.

Когда они приблизились, до ноздрей Агаты долетел тонкий аромат сандалового дерева и еще какой-то знакомый запах, который она, впрочем, никак не могла вспомнить. Потом они вышли на небольшую полянку, и стало видно, что дым поднимается из полуприкрытой ветками папоротника норы в грязной земле. Кролик сдвинул ветки в сторону, нырнул в нору – и тут же снова высунул наружу голову, нетерпеливо поглядывая на Агату и Тедроса.

Агата замялась – уж очень не хотелось ей, честно говоря, снова лезть под землю.

– Ладно, терять нам все равно нечего, – пробормотал стоявший рядом с ней Тедрос.

Агата и глазом моргнуть не успела, а ее принц уже опустил в нору окаменевшую Уму и сам прыгнул следом. Агата недовольно прикусила губу, но тоже полезла – а что ей оставалось делать? Она прыгнула в темноту, неуклюже приземлилась, и здесь ее подхватили влажные руки Тедроса.

Странно, но потом от Тедроса совершенно не пахло. «Как такое может быть? – удивилась Агата. – Он столько времени тащил на себе Уму, а пахнет от него свежестью, как от весеннего луга». Она вдруг вспомнила Софи. От нее тоже всегда пахло ландышами и медом, даже после подъема на высокий Кладбищенский холм под палящим солнцем. «Быть может, потому Тедрос и тоскует по Софи, – с горечью подумала Агата. – Они оба всегда умудрялись оставаться свеженькими, не то что я. Представляю, как сейчас я сама пахну, отмахав столько километров по лесу, вывалявшись в грязи, подравшись с ожившей ведьмой...»

– Есть здесь кто-нибудь? – спросил Тедрос.

Агата огляделась по сторонам – темно, даже белого кролика не видно.

– Эй! – снова позвал Тедрос.

Никто не откликнулся.

Принц протянул руку и уткнулся ладонью в сырую земляную стену.

– Почему все наши походы заканчиваются тем, что мы оказываемся в грязи? – проворчал он.

– Может, голубь советовал нам тогда съесть этого кролика, а не следовать за ним? – предположила Агата.

– А может, кролик хотел сказать, чтобы мы оставили здесь Уму и шли искать штаб-квартиру Лиги налегке?

– Ты что, предлагаешь бросить здесь нашу окаменевшую учительницу? – поразились Агата.

– Ну, похоже, она никуда отсюда не денется.

– Выходит, ты и меня запросто бросишь в какой-нибудь норе, если я вдруг потеряю сознание?

– Что?

– Ну да, ты легко бросил бы меня, чтобы отправиться искать свою пахнущую свежестью, прекрасную Софи, – не успокаивалась Агата.

– Слушай, ты никаких грибочков по дороге не ела, а?

– Давай-давай, смейся. Я знаю, ты бросил бы меня при первой возможности, нашел бы Софи, и у вас родились бы чудесные детки! Мальчик и девочка. С золотыми волосами. Вы могли бы назвать их Блонд и Блонди.

– Вот уж не знал, что ты такая ревнивая, – удивился Тедрос.

– Я?! Ревнивая?! Ну что ты! С чего мне ревновать? Только из-за того, что ты охотно целовал Софи и когда она была девушкой, и когда она была парнем? Потому что ты можешь рассказать ей о том, что такое любовь, лучше, чем я? Да? – Чем больше заводилась Агата, тем сильнее ее мучила совесть.

– Ну что ты прицепилась к Софи?

– Могу поспорить, ее одну ты бы в темной норе не бросил!..

– А мы-то считали самыми безнадежными спорщиками Твидлди и Твидлду, – раздался чужой хриплый голос.

Агата и Тедрос замолчали, увидев приближавшегося к ним гнома с седой бородой, в зеленом камзоле с вышитым на груди серебряным лебедем, в оранжевой остроконечной шляпе, с зажженным факелом в одной руке и белым жезлом в другой. Агата была уверена, что этот гном сторел в огне, – но вот пожалуйста, он здесь, в этой норе, живой и невредимый. Чудеса! Агата облегченно вздохнула и широко улыбнулась гному.

Гном Юба в ответ не улыбнулся, оставался хмурым.

– Во-первых, вы потеряли свою учительницу, потому что не умеете защитить друг друга в минуту смертельной опасности. Во-вторых, вы все время так громко спорите и бранитесь, что переполошили весь лес. Наконец, вы настолько увлеклись своей перепалкой, что забыли произнести простейшее заклинание, чтобы осветить место, в котором оказались. Будь это не наша нора, а пещера тролля, вы давно уже расколотили бы себе головы в этой темноте. Если бы вам на помощь не пришел кролик, вы бы и до утра не дотянули, безмозглые! – Он взмахнул белым жезлом так, словно хотел ударить их. – Нет, вам не место даже в группе отстающих. Она слишком хороша для вас. Вы самые никудышные всегдашники, которых мне когда-нибудь доводилось видеть... Хуже некуда!

Агата и Тедрос смущенно опустили головы.

– Вам повезло, что вы оказались нужны Лиге так же, как она нужна вам, – вздохнул гном Юба.

Замелькали, затрещали новые факелы, освещая незнакомцев, появившихся из темноты норы, которая на деле оказалась очень просторной, размером с небольшой дом, пещерой.

– Позвольте представить вам Лигу Тринадцати, легендарный отряд Добра и Просвещения, – торжественно объявил Юба, явно рассчитывая произвести на Агату и Тедроса сильное впечатление.

Но те при виде легендарной Лиги пришли в ужас.

Почему? Да потому, что все члены Лиги, которая была их единственной надеждой на то, чтобы спасти Софи и уцелеть самим, оказались... как бы это помягче сказать... очень, ну *очень* старыми.

10. Тринадцатый

Если это шутка, то очень неудачная, – сухо заметил Тедрос, оглядывая старцев.

Агата насчитала четырех мужчин и четырех женщин. У всех была покрытая старческими коричневыми пятнами кожа, дрожащие морщинистые шеи, уши с торчащими из них волосами, мутные глаза, редкие пожелтевшие зубы, высохшие тонкие руки, лысые или покрытые жиденькими волосиками головы. Двое вообще приехали сюда в инвалидных креслах, трое опирались на клюшки, еще двое едва волочили ноги, а восьмой была тучная, едва передвигавшаяся старуха, которая постоянно смотрелась в ручное зеркальце, проверяя свой макияж. Веселенькая компания, что и говорить!

И у всех у них на левой стороне груди, над сердцем, блестел серебряный лебедь – точно такой же значок, который был у Умы, Юбы и Белого Кролика. И этим старцам Каллиса решила доверить жизнь своей дочери?!

«Но была же причина, по которой она направила нас сюда, – мрачно подумала Агата. – Может быть, этот маскарад сейчас кончится, они скинут маски и окажутся непобедимыми рыцарями? Волшебным образом станут юными, как Директор школы?» Агата затаила дыхание, ожидая и молясь, чтобы что-нибудь произошло...

Ничего не произошло.

Старцы из Лиги молча моргали, как рыбы в аквариуме, и, похоже, тоже чего-то ждали. Интересно чего?

– Я же говорила, что они нас не узнают, – проворчала жирная старуха с зеркальцем.

– Узнать вас? – Агата внимательно оглядела толстуху, ее обвислые щеки, маленькие, заплывшие жиром зеленые глазки, жидкие кудряшки, которые женщина явно пыталась покрасить в каштановый цвет, но они у нее вместо этого почему-то получились голубыми. Больше всего она напоминала разбухшую от воды куклу, которую выловили со дна пруда. – Могу с уверенностью заявить, что всех вас вижу впервые в жизни, – сказала Агата, оглядев остальных стариков и старух. Она обернулась к Тедросу, надеясь, что, может быть, он заметил что-то важное, ускользнувшее от ее внимания, но принц стоял красный как рак и, казалось, в любую секунду готов был взорваться.

– Так это вы должны доставить нас к Софи? – резко спросил Тедрос, рассматривая выпцветший заплесанный ковер под ногами, дрянные, обитые тканью в мелкий цветочек

диваны, изъеденные молью портьеры и тринадцать жестких тонких матрасов, двумя рядами лежащих на полу. – Это что, дом престарелых?

– Как ты смеешь так говорить о Лиге?! – вспыхнул Юба, отталкивая Тедроса. – Ты знаешь, чего мне стоило найти их всех, чтобы собрать вместе? Может быть, ждешь, что они начнут представляться тебе, словно какие-то простолюдины? Да кто ты такой, мальчишка?!

– Я принц, который спустя пару недель станет королем! – вспыхнул в ответ Тедрос.

– Высокомерная козявка! С таким умением запороть любое дело ты вряд ли дотянешь до своей коронации! – парировал Юба.

– Дотяну! И стану королем! И первым делом издам указ, объявляющий всех старых гномов вне закона!

– Успокойся, – сказала ему Агата. – Моя мать знала наверняка, что Лига нам поможет. Потому она и написала им. Очевидно, мы чего-то не...

– Написала! Этим людям, которым вот-вот исполнится по тысяче лет каждому! – продолжал кипятиться Тедрос. – Мы с тобой едва избежали казни на эшафоте, мы шли дни и ночи, чтобы спасти нашу подругу, которой не повезло влюбиться в злого волшебника, мы прошли сквозь могилы, ускользнули от ходячих мертвецов и ведьм – и ради чего? Чтобы найти вот этих старцев, из которых песок сыплется? Все, пойдем отсюда. Попытаемся сами пробраться в школу...

– Она была моей матерью, Тедрос, – возразила Агата. – И я ей верю больше, чем кому-либо другому в целом свете. Включая тебя. А теперь заткнись.

И Тедрос замолк.

Агата обернулась и обнаружила, что старики и старухи с серебряными лебедями на груди больше не обращают на них с Тедросом никакого внимания, а занимаются кто чем – вяжут, читают, дремлют, перебрасываются в карты, вынимают свои вставные челюсти, чтобы съесть тарелочку манной каши. При виде такой картины ее вера в Калиссу вдруг пошатнулась.

– Послушайте меня, вы оба, – сказал Юба. – Ответ на свои вопросы вы получите, когда возвратится тринадцатый член Лиги. А тем временем можете выпить травяного чая и съесть по миске овсяной каши. Проработав сто пятнадцать лет преподавателем искусства выживания в Бескрайних лесах, я хорошо понимаю, сколько сил отнимает такое путешествие, как ваше.

– Тринадцатый? – переспросила Агата. – Но я здесь насчитала только восьмерых. – Тут она заметила Белого Кролика, который примостился в углу и сейчас сосредоточенно разрезал вареную морковь на своей тарелке. На груди у Кролика тоже серебрился лебедь. – Хорошо, девять.

– Десять, – поправил ее Тедрос, взглядом указывая на серебряного лебедя, приколотого к зеленому камзолу Юбы.

– Я основатель Лиги, – гордо заметил гном. – Одиннадцатый член – Ума... – Тут гном всполошился, хлопнул себя по лбу и воскликнул: – Ума! – Он повернулся к застывшей в углу принцессе: – Бросили ее тут, словно котенка бездомного! Динь! Динь, где ты?

Рядом с Агатой кто-то громко всхрипнул. Она обернулась, и увидела толстую, похожую на грушу фею размером с кулак, прикорнувшую в уголке на грязном диване. Фея потянулась, пригладила седые волосики, поправила короткое зеленое платьице и развернула за спиной потрепанные золотые крылышки. Затем поморгала, повела головой влево-вправо, увидела застывшую в углу Уму и немедленно полетела к ней, жужжа и пошатываясь в воздухе, словно умирающая пчела. Приблизившись, фея вытащила из кармана платьица пригоршню порошка, похожего на заплесневевшую сажу, и посыпала им голову Умы, что-то бормоча при этом себе под нос.

Ничего не произошло.

– Однажды в мой день рождения отец устроил мне экскурсию в гарем Али-Бабы. Даже там все было пристойнее, чем здесь, – проворчал Тедрос и уже направился было к лазу, собираясь покинуть эту пещеру с динозаврами, но тут...

... Но тут у него за спиной закашляла Ума.

Тедрос обернулся и увидел, что принцесса парит примерно в метре над полом, и ее кожа из мертвенно-бледной становится привычно смуглой. Затем Ума потянулась в воздухе, зевнула, открыла глаза, улыбнулась и... опустилась на пол, где тут же вновь погрузилась в глубокий сон.

– Ну вот, а ты боялась, что твоя волшебная пыльца выдохлась, – сказал Юба и потрепал фею по голове.

Фея что-то ответила гному на своем эльфийском языке.

– Что за глупости, Динь! Ясное дело, у всех у нас в нашем возрасте уже не те силы, что в шестнадцать лет. Да речь и не идет о том, чтобы отправить Уму по воздуху в Шазабах, нам было просто расколдовать ее. Очень хорошо, пускай поспит несколько часиков, проснется – и будет как новенькая. Да, теперь продолжим считать, – сказал Юба, поворачиваясь к Агате и Тедросу. – Итак, Кролик девятый, Ума десятая, я одиннадцатый, Динь-Динь, она же фея Тинкербелл, двенадцатая. Не хватает только...

– Динь-Динь? – не веря своим ушам, переспросила Агата.

– Та самая, настоящая? – пробормотал Тедрос, глядя на сморщенное лицо феи и ее седые, как остывший пепел, волосы. – Но она... Она же...

Агата бросила на Тедроса испепеляющий взгляд. Динь-Динь зевнула и вновь свернулась калачиком на своем диване.

– Он не это имел в виду, Динь, – фыркнул Юба и от души заехал Тедросу под ребра своим жезлом.

– Я не понимаю, – удивленно спросила Агата. – Что здесь делает Динь-Динь?

– По-моему, нам все еще кажется, что мы выглядим лучше, чем на самом деле. Я не прав, Юба? – сказал лысый тощий старик в зеленом камзоле, вязавший носок ядовитого желто-зеленого цвета. Черты лица у него были тонкие, можно сказать, аристократические, портили картину только оттопыренные эльфийские уши. – Они до сих пор не понимают, кто мы.

– Годовые кольца ваши, что ли, посчитать, как на дереве, – пробурчал Тедрос, потирая ушибленные ребра.

– Давай-давай, шути дальше, весельчак-красавчик! – вспыхнул лысый старик. – Можно подумать, ты сам никогда не состаришься.

– Пожалуй, вам действительно стоит представиться этим двум желторотикам, – сказал Юба, гневно косясь на Агату и Тедроса. Затем он подвел их ближе к двум креслам-каталкам и спросил, обращаясь к членам Лиги: – Кто хочет начать?

– Вообще не понимаю, почему это мы должны им представляться, – проскрипел старик с зеленым носком. – По-моему, следует прогнать их отсюда, и дело с концом.

– Боюсь, это невозможно, – вздохнул Юба. – Потому что эти двое всегдашников – наша единственная надежда на то, чтобы...

– Какая еще надежда? – надул губы лысый старик. – Вы же слышали этого парня. Он считает, что мы уже ни на что не годимся и стоим одной ногой в могиле.

– Успокойся, – вздохнул Юба. – Вечно ты ворчишь. Вспомни, что ты говорил, когда я пришел позвать тебя из Нетландии. Ты сидел там в своем домике на дереве, ворчал и отказывался примкнуть к Лиге, даже когда я сказал, что твоей жизни угрожает смертельная опасность. Но когда я рассказал тебе об этих юных всегдашниках, ты сразу загорелся, завелся словно мальчишка. Заявил, что готов на все, лишь бы снова оказаться с молодежью. И еще сказал, что если кто и поймет тебя по-настоящему, так это именно они. Разве не так было, Питер?

Питер посмотрел на Юбу, и его выцветшие голубенькие глазки вдруг загорелись.

– Это Динь меня уговорила, а не ты, – сварливо возразил он.

Фея протестующе пискнула и швырнула в старика манной кашей.

А Агата и Тедрос с раскрытыми ртами уставились друг на друга. Питер? Неужели это Питер Пэн? Быть того не может!

– Я согласна с Питером, – пророкотала грузная женщина с голубыми волосами, отрываясь от своего зеркальца. – Прогнать их, и дело с концом! Послушайте, они же даже школу еще не окончили, им бы пятки нам лизать да автографы просить, но поглядите только – у них уже есть своя собственная сказка! Волшебная сказка! У учеников! Да не простая сказочка-то, не простая! На ней много чего узлом завязано. Из-за их сказки старые злодеи встали из могил и теперь собираются вмешаться в наши с вами «долго и счастливо», а это не фунт изюма!

– Наши «долго и счастливо»! Ба! Было бы во что вмешиваться! – воскликнул высоким голосом нескладный высокий человечек в коротких байковых штанишках на помочах. У него были большие блестящие глаза, длинный – очень длинный – нос и шапка курчавых седых волос. Очень странно выглядели локти и колени этого человечка: на них виднелись ровные круглые отметины – такое впечатление, что старичка собрали и свинтили шурупами из отдельных частей. – Начнем с того, что Питер вовсе не завелся тогда как мальчишка, он едва выполз из своего домика, в котором много лет просидел в глубокой депрессии оттого, что стал стариком. Во-вторых, я и сам в свое время не захотел бы стать настоящим живым мальчиком, скажи мне Голубая Фея заранее, что я превращусь в старика, страдающего ревматизмом, вечными запорами и к тому же полуслеплого на оба глаза. Нужно мне такое счастье! А в-третьих, Элла, ты сама говорила, что лучше золу из каминов выметать, чем быть дряхлой королевой.

– Когда это я тебе говорила? Когда? – возразила толстуха.

– Прошлой ночью, ты что, забыла? – удивленно ответил длинноносый старичок. – Выдула целый бочонок вина и начала плакаться. Уверяла, что скучаешь по тем временам, когда убирала в доме за своими сводными сестрами. Дескать, от этого хоть какая-то польза была, все лучше, чем стать старой, нудной и толстой, как дирижабль...

– Куда ты лезешь?! – загрохотала толстуха. – Сам-то ты всю жизнь был куклой деревянной, а туда же!

– Ну вот. Раньше меня ругали за то, что я все время лгу, теперь ругают за то, что говорю правду, – надулся длинноносый старичок и присел на диван.

Агата и Тедрос от удивления выпучили глаза.

– Пиноккио? – спросил Тедрос.

– Золушка? – спросила Агата.

– Не закатывай глазки, – сердито ответила Золушка, окидывая Агату взглядом с головы до ног. – Для будущей королевы Камелота ты сама выглядишь не ах, милочка. Готова поспорить, никому не захочется видеть твои ножищи в хрустальных туфельках.

– Эй, вы, полегче! – взвился Тедрос. – Она моя принцесса!

– Я не виню тебя, красавчик, не виню, – с ехидной улыбочкой ответила Золушка. – Что поделать, твой папенька тоже никогда в девушках не разбирался, вкус у него плохой.

Тедрос передернулся так, словно его поленом по спине огрели.

– Профессор Доуви верит в Агату, лучше и тебе поверить в нее, Элла, – вздохнул Юба. – Так что я предлагаю отнестись к нашим юным гостям со всем возможным уважением, и...

– Мы будем уважать этих студентов только тогда, когда они исправляют беспорядок, – хрипло прокаркал сгорбленный старичок в кресле на колесиках. У него были круглые, как у совы, серые глаза и какой-то жуткий акцент. – Почему я должен считать их какими-то особенный только потому, что дер Сториан пишут их собственный сказка? Их нихт ферштеен! Все наши сказка иметь конец, так? И это есть нормаль. А почему эти двое бес конца меняют конец ф свой сказка? Что за дела? «Мы есть счастливые уже?» – «Нет, мы еще не есть счастливые!»

Фу! Дурачье, думкопфс! И что мы из-за это иметь? Шуледиректор есть снова юный, Зло переписывают сказки, мертвецы преследуют меня, и я снова должен убивать...

– Это я один раз уже убивает тот старый федьма, Гензель, и не намерена делать это вновь, – перебила его сидящая во втором кресле женщина с такими же большими серыми глазами и таким же странным акцентом. Она обожгла взглядом Агату и Тедроса и продолжила: – Это из-за вашей сказка злодеи выходить из могил, значит, вы должны и загонять их обратно. Ах да, я забыл представить себя, как просил тот гном, который любит всеми командовать. Я Гретель.

– А я Джек, тот самый, с Бобового стебля, – сказал веснушчатый старичок в коричневом камзоле и белых лосинах. Он держал под руку элегантную седую даму в потертом красном лиловом платье. – Мы с Брайер Роуз – малообразованные читатели предпочитают называть ее Спящей Красавицей – готовились к нашей волшебной свадьбе, но тут явились вы, и нам теперь вместо этого приходится прятаться от моего великана-людоеда и от злой феи, которая охотится за Роуз. Премного вам за это благодарны!

– Да, мы с Джеком торчим здесь из-за вас, хотя в это время должны были разрезать наш свадебный торт! – сердито добавила Брайер Роуз, она же Спящая Красавица.

– Итак, семеро из нас высказались за то, чтобы выставить этих юных шалопаев в Лес, пусть крутятся там как знают.

С дивана слабо пискнула Динь-Динь.

– Ну вот, нас уже восемь, – сказала Золушка.

Агата и Тедрос поняли, что эта банда престарелых знаменитых сказочных героев сейчас выставит их из своей берлоги.

– Вот почему я не хотела, чтобы по дороге вы встретились с кем-нибудь из всегдашников, – зевнув, подала голос из своего угла Ума. – Все они проклинают вас за то, что вы натворили здесь, в Бескрайних лесах.

И, сказав это, она снова уснула.

– Не знаю, как вам, а мне нравятся эти ребятишки, – проворковала низенькая коренастая старая женщина с крашеными фиолетовыми волосами, прикрытыми выцветшей красной шапочкой. – Ну что вы на них взяли? И почему старики всегда так любят поучать молодых!

– Катилась бы ты к своей бабушке, – сердито проворчала Золушка. – Лучше помолчи.

И Красная Шапочка замолчала.

– Вы ведете себя так, словно наши гости вам совершенно не нужны, – прозвучал в тишине голос Юбы.

Все повернули головы, чтобы посмотреть на старого гнома. Он стоял возле изъеденной молью портьеры, висящей на стене пещеры. Рядом с ним, в позе ассистента фокусника, маячил Белый Кролик.

– Позвольте напомнить вам, что неделю назад Директор школы надел золотое кольцо на палец своей королеве и добился от нее признания в любви. В ту же ночь злодеи начали вставать из своих могил и убили Кладбищенского Смотрителя.

По знаку гнома Белый Кролик отдернул портьеру, за которой обнаружились десятки сказочных книг, каждая из них была прикреплена заостренными палочками к стене и раскрыта на последней странице.

– Спустя еще два дня Рапунцель и ее принц были похищены Матушкой Готель, отведены в башню, сброшены вниз и погибли, разбившись насмерть, – объявил гном, освещая своим волшебным посохом страницу одной из книг. Картинка на ней действительно была ужасной. – А вчера Мальчик-с-пальчик был заживо съеден великаном-людоедом, и в тот же день Румпельштильцхен убил дочь мельника, которая когда-то угадала его имя, – продолжил Юба и осветил еще две книги с переписанными окончаниями. – Сегодня были убиты Белоснежка и семь гномов. Злая королева убила их прямо в доме, где они когда-то жили так счастливо. – Он сер-

дито взмахнул своим посохом, освещая следующую книгу. – Все они стали жертвами злодеев, потому что отказались покинуть свои дома и примкнуть к нашей Лиге. Боюсь, что очень скоро такая же судьба ожидает и многих других.

В пещере повисла напряженная тишина. Агата смотрела на рисунок с мертвой Белоснежкой и семью гномами – все на нем выглядело так, как было на самом деле, эту картину она видела своими глазами. Агата непроизвольно потерла запястье, на котором остались глубокие ссадины после ее стычки с ведьмой.

– Как, Белоснежка умерла?! – прошептал Пиноккио.

– Милая, милая Белоснежка, – печально покачал головой Питер Пэн.

– Ну, не такая уж она и милая, – пробормотала себе под нос Золушка.

Члены Лиги скорбно рассматривали рисунок, изображавший новое, трагическое окончание сказки о Белоснежке и семи гномах, промокали платочками выступившие у них на глазах слезы.

– Я видела того, кто их убил, – выпалила Агата.

Все члены Лиги медленно повернули головы в ее сторону.

– Это была Злая королева, прикинувшаяся старухой. У нее обожжены ноги – именно так, как говорится в сказке. От лица ведьмы отваливаются куски сгнившей плоти, и вся она пропахла тухлятиной. А глаза... Глаза у нее неподвижные, как у мертвеца. Но вот что странно. Она могла убить и Уму, и Тедроса, и меня, но почему-то не сделала этого. Такое впечатление, что ей это было запрещено. И еще я слышала на кладбище разговор между волком и великаном-людоедом. Они говорили, что скоро придет их очередь переписывать концы в сказках. Именно в *их сказках*... Мы тогда просто не поняли, что все это значит...

– Волк? Серый? С Уголка злодеев на кладбище? – заволновалась Красная Шапочка. – Мой волк? Тот самый?

– И мой великан-людоед?! – ахнул Джек, крепче обнимая свою Брайер Роуз.

– Да, выходит, все они вырвались на свободу, – кивнула Агата. – Мертвые злодеи. И ждут своей очереди, чтобы переписать окончания сказок. Вот такие дела, как я понимаю.

– А по-моему, это чушь какая-то, – возразил Тедрос, поворачиваясь лицом к Юбе. – Зачем армии злодеев под командованием Директора школы тратить время на то, чтобы переписывать старые сказки? Зачем им убивать героев, которые никому больше не угрожают? Почему бы им вместо этого не пойти войной на королевства всегдашников?

Тут даже всезнающий Юба задумался, вертя в руках свой посох. Похоже, ответа на этот вопрос у него пока не было.

Старики с испугом наблюдали за ним.

– Но мы же и есть герои, не так ли, доннерветтер? – воскликнул Гензель. – Мы должны отфетить, воефать!

– Мы? Против две сотня мертвых федьм, чудовищ и еще черт-знает-кого, кто бегать по лесам? Не будь идиоттен, – оборвала его Гретель. – А почему, как ты думать своей глупый пашка, мы прятаться здесь, в этой грязной фонючей пещера?

– Прятаться здесь до бесконечности мы не сможем. Рано или поздно они найдут нас, даже если мы будем постоянно перемещать нашу штаб-квартиру, – кисло заметила Золушка. – На стороне Директора теперь любовь, а значит, он непобедим. А что можем противопоставить ему мы, кроме своих дрожащих рук и морщинистых шей?

– Элла права, – вздохнул Джек. – Если у него есть королева, которая искренне его любит, всех нас ждет печальный конец. Такой же, как Белоснежку.

– Так что же нам делать? – плачущим голосом спросила Красная Шапочка.

– Единственное, что мы можем сделать, – сказал Юба, переводя взгляд на Агату и Тедроса, – это убедить Королеву разрушить их любовь.

В пещере вновь повисло тяжелое молчание.

– Еще одна чумовая идея, – пробормотала Золушка.

– Ты действительно думаешь, что им по силам сделать это, Юба? Ты в самом деле считаешь, что твои друзья смогут уничтожить кольцо Директора школы? – спросил Питер Пэн, глядя на пару юных всегдашников.

– А почему вдруг Софи откажется от своей любви ради вас? – заметил Пиноккио.

Агата почувствовала комок в горле.

– Мне нужно получить возможность поговорить с Софи. Мы с ней очень разные, но в то же время очень похожи. Мы ссорились, даже дрались, слышать и видеть друг друга не могли, но оставить друг друга в покое не могли тоже. Что бы между нами ни происходило, я никогда не представляла себе жизни без Софи. Думаю, она без меня тоже, – Агата немного помолчала, собираясь с мыслями. – Да, конечно, сейчас многое изменилось. Может быть, мы с Софи просто повзрослели. В последнее время, пытаюсь поддержать друг друга, мы только причиняли друг другу боль. Мы с ней обе в этом виноваты, но я виновата больше, чем она. Я перестала говорить Софи правду. Я перестала верить ей, своей самой близкой подруге. Со временем я начала думать, что это уже навсегда, что уже ничего нельзя наладить, поправить, нельзя вернуть все, как было когда-то... Но в глубине души я все-таки верю, что можно. Должен найтись какой-то выход, – Агата грустно улыбнулась и добавила: – Потому что объяснить Софи, что такое настоящая любовь, может лишь ее лучшая подруга, ведь так?

Лица стариков разгладились, они по-новому увидели стоящую перед ними девушку.

Но тут вперед выступил Тедрос и заявил, гордо выпятив грудь:

– Софи сможет убедить только ее лучший друг, это точно. Предоставьте это мне!

Улыбка слетела с лица Агаты.

Члены Лиги озадаченно переводили взгляды с Тедроса на Агату, с Агаты на Тедроса. Они явно не могли понять, кто же из них на самом деле был лучшим другом – или подругой – Софи.

– Итак, главное сейчас – добраться до Софи, – сказал Тедрос.

– Правильно, – перебила его Агата. – Нам известно, что она находится где-то в школе Добра и Зла, и...

– ...и нам нужно пробраться туда так, чтобы нас никто не поймал, – в свою очередь перебил ее Тедрос.

– Хальт! – перебила их обоих Гретель. – Шуледиректор ист юный унд сильный. Шуледиректор владеть оба замок, Шуледиректор обладать армия мертвых... Как ви полагает проникнуть в его шуле?

– Хм, для того мы и пришли к вам, разумеется, – нахмурилась Агата. – Пришли потому, что нам нужна помощь, чтобы попасть в...

– Помощь? – подался вперед в своем кресле Гензель. – Вы считайте, что мы способны оказывать вам помощь? Нет, в письме вашей муттер было сказано «спрятать вас».

– Нам до туалета теперь трудно добраться, не то что до замка, – заметила Золушка.

Все рассмеялись, даже Белый Кролик.

– Пробраться в школу! Незаметно! Вы издеваетесь? Да у меня так скрипят все суставы, что их за два километра слышно! – хохотнул Пиноккио.

– Выше нос, Пи! Мы побьем их своими клюшками! – воскликнул Питер.

– Или моими пирожками! Они у меня в корзинке так зачерствели, что стали как каменные! – подхватила Красная Шапочка.

Гретель залилась смехом, следом захохотали и все остальные, да так громко, что даже Ума проснулась.

Агата взглянула на Тедроса, который злобно косился на развеселившихся стариканов, затем снова обратилась к престарелым сказочным героям:

– Но именно за вашей помощью мы и шли! Мы же верили в вас! Мама написала, что Лига защитит нас, мама говорила, вы нам поможете...

– Потому что вашей матери было известно о тринадцатом члене Лиги, – прозвучал новый, низкий и звучный голос.

Агата с Тедросом оглянулись и увидели высокую фигуру, стоящую в тени, у входа в пещеру.

– Она знала, что эти двенадцать стариков могут укрыть вас в безопасном месте. Но помочь... – Незнакомец вышел из тени. – Боюсь, что помочь вам могу только я.

– О, ты очень вовремя, – улыбнулся Юба.

Агата уставилась на долговязого нескладного старика с густой седой бородой и загнутыми вверх усами. На нем был фиолетовый плащ, отороченный мехом и расшитый знаками Зодиака, потертая, усыпанная звездами остроконечная шляпа, на носу очки в тяжелой роговой оправе, на ногах – бархатные лиловые туфли...

«А ведь я его уже где-то видела, – подумала Агата. – Только где это было? В лесу?»

Нет, не в лесу она его видела, а в книге, в которую водила свой класс на экскурсию декан Садер, вот где! Да, этот старик сидел там в пыльной пещере, заставленной лабораторными склянками, ретортами и спиртовками... Он спорил тогда с королем о каком-то заклинании, и выглядел тот король слегка похожим на...

Агата широко раскрыла глаза и перевела взгляд на Тедроса... Ну конечно!

А ее принц побелел так, словно увидел перед собой привидение.

– Мерлин, – едва шевеля губами, прошептал он.

Тут ноги Тедроса подломились, и он бы рухнул без сознания на пол, словно срубленное дерево, если бы Агата не успела подхватить его.

Ну вот, а уверял, что никогда в жизни не упадет в обморок!

11. Встреча с деканами

Полночь пришла и прошла, а Софи продолжала тихо сидеть у окна в комнате Директора школы со все еще не просохшими волосами, в прилипшем к коленям черном платье. Она сидела и смотрела на фосфоресцирующее зеленым светом озеро, в котором отражались тени двух черных замков, одинаково темных и безмолвных.

Каким же длинным и богатым на события оказался для нее прошедший день! Школа, в которой бывших всегдашников превращают в никогдашников, неожиданно зазвучавший у нее в голове голос Агаты, убеждавший ее уничтожить кольцо Рафала, расписание занятий, в котором она числилась преподавателем Зла, хотя до сих пор не ощущала себя по-настоящему злой...

Софи повернула голову, чтобы посмотреть на Сториана, рисовавшего в раскрытой книге Агату и Тедроса, спешащих по лесу вслед за белым кроликом. С каждой минутой ее друзья все ближе подходили к школе. Они собирались встретиться с Софи, готовились уговорить ее навсегда отказаться от Зла... Софи улыбнулась, чувствуя туго обхватившее ее палец золотое кольцо.

Они думают, что сумеют уговорить ее?

Пускай.

Ведь сказках все так быстро меняется! На то они и сказки.

Всего двенадцать часов назад Софи была в школе, шла позади Директора в бывшую башню Доблести.

– Учить Злу? Преподавать заклятия и смертельные ловушки? – ныла Софи, комкая в руке листок с расписанием и семена вслед за Рафалом в своей черной ночной рубашке и хрустальных туфельках на высоком каблуке.

– Это идея декана. Я и сам собирался это предложить, но она меня опередила, – проворчал Рафал, продолжая подниматься по лестнице с надписью «Приспешники». – Теперь, когда я вновь стал юным, она обращается со мной так, будто я еще не дорос до того, чтобы управлять школой. Моей собственной школой, представляешь! Даже имела наглость заявить, что мои полеты над озером отвлекают учеников от занятий – дескать, они в это время прилипают к окнам. Советы она мне будет давать! Спасибо, не нужно. Здесь я Директор, а не она. Что хочу, то и буду делать!..

– Рафал...

Тон ее голоса был таким резким, что Директор невольно остановился на ступеньке и обернулся к Софи.

– Все, что ты говоришь, конечно, интересно, но сейчас меня волнуют вовсе не твои полеты над озером, уж прости. Объясни лучше, как мне быть. Декан хочет, чтобы я препода-

вала, но, во-первых, я не старше своих будущих учеников. Во-вторых, они меня не любят. И в-третьих, я абсолютный профан, у меня нет никакого опыта! И способностей к преподаванию тоже, наверное.

– Да неужели? – шевельнул бровями Рафал и двинулся дальше вверх. – А мне помнится, что когда-то на обеденных перерывах ты выступала с лекциями для всей школы.

– Объяснять детям, как нужно бороться с перхотью в волосах, – это одно, а учить их Злу – совершенно другое! – воскликнула Софи, выходя на лестничную площадку верхнего этажа. – И вообще, давай поставим точки над «i». Агата и Тедрос идут, чтобы убить тебя, а я стою здесь в ночной рубашке, и от меня ждут, что я буду задавать домашние задания и ставить отметки, так, что ли?

Но Рафал, не слушая ее, уже подходил к массивной двери, облицованной белым мрамором.

– Кабинет профессора Клариссы Доуви? – спросила Софи. – Это она захотела, чтобы я стала преподавателем? Это она теперь декан факультета Зла?

Но тут Софи увидела, что прежний знак в виде блестящего зеленого жука с мраморной двери исчез, его заменила другая эмблема – две фиолетовые, переплетенные друг с другом змеи. Под змеями было выбито слово

ДЕКАНЫ

– Деканы? – сморщила носик Софи. – Их что, теперь несколько? И кто же они?

Как и положено в сказке, дверь волшебным образом отворилась сама собой, и Софи увидела худую женщину с поджатыми губами и длинными темными волосами, одетую в приталенное пурпурное платье. Она сидела за столом профессора Доуви, изучая лежащий перед ней листок пергамента.

– Леди Лессо?! – ахнула Софи. – А где же профессор Доуви?

Тут Софи заметила у окна второй такой же стол, которого раньше никогда в этом кабинете не было. Стол пустовал.

– погоди, Рафал, дай-ка я сама попробую догадаться... Ты доставил ее через озеро по воздуху? – сказала леди Лессо, не отрывая глаз от листка пергамента. – Вы опоздали на целых двадцать минут. А ведь нового преподавателя еще нужно подготовить к первой встрече с моим бывшим классом, ты так не считаешь? Впрочем, ладно. Не будем терять время.

– Я, между прочим, считаю себя руководителем этой школы, леди Лессо. И еще считаю, что вы забыли, что ко мне следует обращаться «Директор».

Леди Лессо медленно подняла взгляд своих необычных темно-лиловых глаз на стоящего перед ней юношу.

– Прошу прощения, Директор, – холодно сказала она. – Могу я приступить к своим обязанностям?

Рафал мрачно посмотрел на нее, затем прошептал, обращаясь к Софи и нежно целуя ее в щеку:

– Увидимся за обедом, дорогая.

Еще раз испепелив взглядом леди Лессо, он вышел из кабинета, хлопнув дверью с такой силой, что затряслись оба стоявших здесь стола.

– Леди Лессо, как я могу преподавать в вашем бывшем классе?! – горячо воскликнула Софи. – Это какое-то недоразумение!

– Сядь, – сказала декан, косясь на золотое кольцо на пальце Софи.

Софи плюхнулась на стул напротив декана. Леди Лессо внимательно посмотрела на нее, сдвинула на край стола стоящую на нем корзинку с черносливом и сделанное в виде тыквы хрустальное папье-маше профессора Доуви. Они и раньше всегда были здесь. «Почему леди Лессо сидит не за своим столом, а за столом профессора Доуви?» – мелькнуло в голове Софи.

– На первом курсе наши с тобой отношения складывались довольно трудно, но со временем я начала менять свое мнение о тебе, Софи, – начала леди Лессо, откидываясь на спинку кресла. – У нас с тобой оказалось довольно много общего.

– Разве? По-моему, из общего у нас с вами – лишь любовь к туфлям на высоком каблучке, да еще хорошая фигура, пожалуй, – не согласилась Софи.

– Давай поговорим спокойно. Мы с тобой обе одарены природной склонностью к Злу, обе самолюбивы, что в принципе характерно для никогдашников, и обе превращаемся в злопамятных ведьм, если нас заденут, – произнесла декан. – А еще мы обе ужасно боимся одиночества. Каждая из нас пыталась в какой-то момент удержать свою любовь, и обе мы убедились, что та же самая любовь оборачивается в итоге против нас самих. Ты пережила подобное со своей лучшей подругой, а я с моим собственным ребенком.

– У вас есть ребенок?! – поразились Софи.

– У никогдашников бывают дети, точно так же, как и у всегдашников. Но, если ты помнишь, я объясняла вам на уроке: отличие состоит в том, что наши семьи непрочны и недолговечны, поскольку в них отсутствует настоящая любовь. Семьи злодеев подобны одуванчику, цветку хрупкому и ядовитому. Ты пытаешься сохранить семью, но набежал ветер – и пушинки разлетелись во все стороны... – Леди Лессо зачем-то потрогала хрустальное папье-маше и продолжила: – Пятнадцать лет назад, когда меня пригласили на должность декана в школу Зла, я была вынуждена бросить своего ребенка. Точно так же, как ты была вынуждена отказаться от подруги, когда ее определили в школу Добра. К счастью, мы обе вынесли урок из случившегося раньше, чем успели наделать еще больше ошибок. Но самое удивительное, что, несмотря на все допущенные ошибки, мы с тобой все еще живы. И не просто живы, а оказались в команде победителей! Когда-то Зло тоже одерживало великие победы, и у него были свои легендарные герои, например, Финола Пожирательница Фей, Бешеный медведь Рекс и многие другие, давно и незаслуженно забытые.

Леди Лессо немного помолчала, подумала, затем продолжила:

– Да, теперь все помнят лишь о том, что Добро двести лет одерживало верх над Злом, раз за разом нарушая хрупкое равновесие в сказочном мире. И нам бесконечно твердили о том, что иначе и быть не может, твердили до тех пор, пока слово «злодей» не стало смертным приговором, а Добро не переродилось во всякую чепуху – балы, поцелуйчики, пустую болтовню. Но ты все это изменила, Софи. Впервые на стороне Зла оказалась настоящая любовь, за которую вы с Рафалом так отважно сражаетесь. Разве ты сама этого не видишь? Все, что от тебя требуется, – это доказать, что ты любишь Рафала так же сильно, как Агата любит Тедроса. Доказать, что ради своей любви ты готова пожертвовать стольким, скольким Агата готова пожертвовать ради своего принца... – Леди Лессо пристально взглянула на Софи и закончила: – Это значит, что ты должна убить Агату и Тедроса, когда они придут за тобой.

– Я?! Убить?! – слабо пискнула Софи и задрожала. – Моих лучших друзей?! О, нет-нет-нет. Признаюсь, я говорила, что буду сражаться вместе с Рафалом, что буду защищать его, когда они придут...

– Защищать? Нет, моя дорогая, так не пойдет. Это Добро защищается, а Зло – оно нападает. А когда Зло нападает, оно убивает. Я с первого дня объясняла вам на уроках, что, если ты на стороне Зла, никто не уйдет живым от твоей мести. И как только ты, еще на первом курсе, начала мечтать о том, чтобы отомстить Агате, вы навсегда стали смертельными врагами. Твоя подруга превратилась в твоего неমেzisа.

Софи продолжала трясти головой, пыталась что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова.

– Послушай меня, Софи, – жестко продолжила леди Лессо. – Я неспроста рассказала тебе про своего ребенка. Пойми, пока Агата жива, у твоей сказки не будет счастливого конца. Тут

все просто. Либо ты убьешь своего немезиса и ее настоящую любовь – либо они убьют тебя с твоей любовью. Что поделать, все сказки кончаются так, третьего не дано.

– Но я не могу! Я просто хочу быть счастливой! Почему я должна убивать кого-то, чтобы...

– Потому что это твоя сказка. Твоя и Агаты, – сказала леди Лессо. – Вот почему Сториан никак не может закончить ее. Он ждет, пока ты решишь, кто же из вас доживет до конца – твоя лучшая подруга или ты со своей настоящей любовью. Добро или Зло.

– Но что, если я больше не хочу мстить Агате? – спросила Софи, сжимая дрожащими пальцами кольцо. – Что, если я вообще не чувствую в себе Зла?

Леди Лессо, протянув через стол руку, сжала ладонь Софи:

– Софи, у тебя на руке кольцо самого великого и темного злодея всех времен. Ты подняла древнее Зло из могилы и обрушила его на Добро – и все из-за парня, которого полюбила, не добившись взаимности. По-твоему, можно придумать что-то более злое, а?

Софи почувствовала себя раздавленной:

– Но это несправедливо! Я понятия не имела о том, что случится!

– Несправедливо! – усмехнулась декан. – Хорошо, зайдем с другой стороны. Скажи, если бы ты могла спасти Добро, ты пожертвовала бы ради этого Рафалом? Пожертвовала бы своей настоящей любовью, чтобы в итоге остаться одной? И все только ради того, чтобы Агата и Тедрос были счастливы вместе?

Софи взглянула в окно. Там был виден Рафал, он парил над Синим лесом, направляясь по воздуху к своей башне. Кто может винить ее за то, что этот парень оказался для нее дороже всего на свете – семьи, друзей, изнеженных принцев. Только рядом с Рафалом она чувствовала себя спокойно и надежно, только с ним. Ей вспомнились его слова, прозвучавшие как предупреждение: «Никто и никогда не полюбит тебя так, как я...»

– Сможешь пожертвовать им, Софи? – повторила леди Лессо.

По щеке Софи скатилась слезинка. Одна, но горячая.

– Нет, – прошептала Софи.

– В таком случае, ты не просто злодейка, – торжественно объявила леди Лессо, отпуская руку Софи. – Ты достойная *Королева*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.